Составили Л. Добрынинъ и Ѳ. Бѣлугинъ.

26.89(2)
Д 57
4261

Прикаспійскія степи.

(Астраханская губ. и Уральская область).

Съ рисунками.

1941
ПРОВЕРЕНО

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

45848

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Включено
в
каталог

ПРОВЕРЕНО
1989 г.

Н98Н8

91(44.89.1)
80
Географич. Комиссія при Учебномъ Отдѣлѣ Общ. Распр. Техн. Знаній.
91(47) 26.89(2)
А 57
ПРОВЕРЕНО 1935 г.

ПРИКАСПІЙСКІЯ СТЕПИ.

(Астраханская губ. и Уральская область).

Съ рисунками.

45848
1987

СОСТАВИЛИ

Л. Добрынинъ и О. Бѣлугинъ.

Инв. 426
№ 45848

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1906.

91/115

Прикаспійскія степи.

I.

Въ юго-восточномъ углу Европейской Россіи, на сѣверѣ отъ Каспійскаго моря, въ разстояніи 900 верстъ отъ Москвы по прямой линіи, находится обширная равнина, на которой расположились Астраханская губернія и Уральская область.

Раскинувшись съ запада отъ Ергеней — горнаго кряжа, служащаго продолженіемъ высокаго праваго берега Волги, эта равнина обнимаетъ нижнее теченіе двухъ громадныхъ рѣкъ, Волги и Урала, переходитъ за границу Европы и далеко тянется уже въ Азіи вплоть до горной цѣпи Мугоджаръ, одного изъ отроговъ южнаго Урала. На сѣверѣ ее ограничиваетъ Общій Сыртъ — тоже одинъ изъ отроговъ южнаго Урала, а на югѣ — берега Каспійскаго моря и Чинкъ — обрывистый край плоскогорія Усть-Урта, лежащаго между Каспійскимъ и Аральскимъ морями.

Вся эта равнина занимаетъ громадную площадь почти въ полмилліона квадратныхъ верстъ *) и превышаетъ площадь Московской, напримѣръ, губерніи разъ въ 16.

*) Астраханская губернія занимаетъ 208 тысячъ кв. вер., а Уральская область—313 тысячъ кв. вер.

Эта равнина, а также сосѣднія земли къ сѣверу, когда-то, въ отдаленныя времена, представляли изъ себя дно сплошного огромнаго моря. Уровень воды въ этомъ морѣ былъ такъ высокъ, что оно заходило далеко на западъ и проливомъ соединялось съ Чернымъ моремъ; на востокѣ же оно сливалось съ нынѣшнимъ Аральскимъ моремъ.

Такимъ образомъ, нынѣшнее Аральское, Каспійское и Черное моря представляли одинъ громадный бассейнъ, который, однако, не находился въ соединеніи съ водами океана, такъ какъ на мѣстѣ нынѣшняго Константинопольскаго пролива — Босфора находился перешеекъ суши.

По высокимъ берегамъ средней Волги — до мѣста сліянія ея съ Камой, а также на многихъ возвышенныхъ мѣстахъ въ Уфимской губерніи и другихъ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Прикаспійскаго края, находили раковины такихъ морскихъ животныхъ, которыя теперь живутъ только въ Каспійскомъ да Аральскомъ моряхъ, а въ другихъ моряхъ ихъ нѣтъ вовсе. Такъ какъ раковины эти очень хорошо сохранились, то ясно, что здѣсь всюду прежде было море. И по этимъ остаткамъ моря мы можемъ возстановить даже его границы; западной его границей, между прочимъ, былъ нынѣшній высокій правый берегъ Волги.

Но случилось, что перешеекъ, бывшій на мѣстѣ нынѣшняго Босфора, прорвало; вода хлынула изъ Чернаго моря, а также и изъ восточнаго Арало-Каспійскаго. Уровень воды здѣсь настолько понизился, что одно громадное море разбилось на три отдѣльныхъ. Бывшее же дно морское обнажилось на большомъ протяженіи, и такимъ образомъ появилась на свѣтъ Божій громадная равнина, т.-е. нынѣшнія Астраханская губернія, Уральская область, а также земли къ сѣверу отъ нихъ. Равнина эта носитъ на-

Рис. 1. Карта Европейской Россіи съ показаніемъ пространства, занятаго прикаспійскими степями.

званіе Арало-Каспійской низменности. Уровень ея мѣстами ниже уровня воды въ Черномъ морѣ. А поэтому нельзя, конечно, допускать, что не было иныхъ причинъ исчезанія здѣсь моря, кромѣ той, что вода отхлынула отсюда въ Черное море. На высушиваніе Каспійскаго моря оказалъ большое вліяніе сухой и жаркій климатъ края: воды испарялось гораздо больше, чѣмъ получалось ея отъ дождя и снѣга. А тутъ на помощь сухимъ вѣтрамъ и лѣтней жарѣ являлось медленное поднятіе морского дна; вода далеко выходила изъ береговъ и затопляла сухую, знойную, песчаную равнину. Можно представить себѣ, съ какой жадностью впитывали въ себя воду и раскаленный песокъ и сухой воздухъ! Отъ воды оставался слѣдъ лишь въ видѣ бѣлоснѣжнаго налета изъ морской соли. Поднимавшіеся вѣтры уже волновали не воду, а сыпучіе пески, перенося ихъ съ мѣста на мѣсто.

Все усыхая, обширное древнее море продолжало все больше и больше отступать къ западу сначала, а потомъ и къ югу. У тѣхъ береговъ, которые въ настоящее время являются правыми берегами Волги, остался отъ моря только узкій заливъ. Въ заливъ этотъ впадали рѣчныя воды съ обширной площади, съ которой и теперь онѣ несутся къ берегамъ Каспія со всей средней и восточной Россіи, т.-е. воды Оки, Волги, Камы и ихъ притоковъ. Этотъ морской заливъ по мѣрѣ отступанія моря къ югу все больше и больше опрѣснялся рѣчной водой и, наконецъ, превратился въ низовья широкой, тихой Волги.

Жгучее солнце, раскаленный воздухъ и въ настоящее время продолжаютъ отнимать у моря больше влаги, чѣмъ оно получаетъ отъ всѣхъ своихъ рѣкъ. А между тѣмъ получаетъ оно много. Одна Волга со своими притоками охватываетъ громадную площадь въ 133 милліона десятинъ, и весь запасъ дождевыхъ

и снѣговыхъ водъ изъ 21 губерніи несетъ услужливо къ ненасытному Каспію. Въ годъ она ему доставляетъ около 300 кубическихъ верстъ прѣсной воды. Но всего этого мало, мало водъ Урала и всѣхъ другихъ рѣкъ, и Каспійское море на нашихъ глазахъ продолжаетъ постепенно уходить все дальше отъ своихъ сѣверныхъ береговъ. Эту интересную, хотя, можетъ-быть, и грустную картину усыханія нѣкогда безпредѣльнаго водовмѣстилища можно наблюдать и теперь.

Если вы станете присматриваться къ подробной картѣ сѣверо-западныхъ береговъ Каспія, то обратите вниманіе на безконечную массу заливовъ, которые острыми клиньями врѣзываются въ берегъ. Передъ входомъ въ эти заливы лежитъ множество длинныхъ острововъ, а на нихъ, и въ особенности на участкахъ суши между заливами, вы замѣтите большое количество озеръ. Всѣ эти озера вытянуты въ одну линію съ заливами и островами въ морѣ. Приглядываясь къ цѣлому ряду такихъ озеръ, острововъ и заливовъ, вы поймете, какимъ путемъ они здѣсь образовались. Море, усыхая, отступаетъ отъ берега. И вотъ изъ поверхности воды мало-по-малу начинаетъ высовываться песчаный узкій островъ, рядомъ съ нимъ — другой, третій и такъ безъ конца. Море отступаетъ себѣ дальше и въ то же время волнами своими со дна поднимаетъ песокъ и отлагаетъ его на зарождающихся островахъ. Тѣ постепенно растутъ и въ концѣ концовъ соединяются съ берегомъ... Такимъ образомъ, между ними получаются длинные заливы, такъ называемые «култуки».

Эти култуки до поры до времени остаются именно заливами, благодаря притоку съ береговъ осеннихъ и вешнихъ водъ. Но морскія волны несутъ съ собой къ заливу песокъ — матеріалъ для будущаго перешейка. И дѣйствительно, такой перешеекъ скоро выходитъ изъ-подъ воды. Сначала это — такъ называемая «пере-

сыпь», черезъ которую волны еще свободно могутъ перебрасываться, а затѣмъ — это ужъ и настоящая насыпь. Остается иногда лишь «горло», узкій рукавъ, который соединяетъ съ моремъ будущее озеро — лиманъ, по-мѣстному «ильмень». Наконецъ, дальнѣйшая работа морскихъ волнъ заканчиваетъ дѣло, и горло совершенно уже заносится пескомъ.

Весной талая вода значительно поднимаетъ уровень воды въ ильменѣ: насыпь прорывается, и лиманъ снова превращается въ заливъ, но ужъ на короткое время. Вешнія воды несутъ съ собой массу ила и песка, которые осѣдаютъ на дно, повышая его уровень, и уже окончательно засоряютъ выходъ къ морю. Наступающій лѣтній зной сильно обезвоживаетъ ильмень, да, кромѣ того, часть воды просачивается въ море. Растворъ морской соли въ озерѣ дѣлается очень густымъ, а затѣмъ соль начинаетъ уже откладываться пластами. Вотъ каковъ путь образованія соляныхъ озеръ, которыми море, отступая, усѣяло всю равнину этого края.

II.

Равнина Астраханской губерніи и Уральской области, бывшее дно великаго Арало-Каспійскаго моря, въ настоящее время представляетъ безграничную степь, которую на три части разрѣзываютъ двѣ рѣки: Волга и Уралъ. На западѣ отъ Волги лежитъ такъ называемая Калмыцкая степь; на востокѣ до рѣки Урала — земли киргизовъ Букеевской орды, переходящія въ Уральской области въ земли Уральскихъ казаковъ. На востокъ отъ Урала протянулась громадная киргизская степь. Вся эта равнина и вообще низменная — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно вблизи Каспійскаго моря, опускается значительно ниже уровня воды въ

океанѣ (напр., у устья рѣки Урала на 12 саженъ ниже уровня океана), но, по мѣрѣ удаленія отъ Каспійскаго моря, она начинаетъ повышаться и на сѣверѣ Уральской области переходитъ въ невысокіе, впрочемъ, отроги южнаго Уральскаго хребта, который подъ названіемъ Общаго Сырта, проходя къ сѣверу отъ области, спускается къ равнинѣ пологими скатами.

Среди этой необозримой равнины только кое-гдѣ въ видѣ островковъ подымаются отдѣльные невысокіе холмы. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны горы Большое и Малое Богдо, расположенныя верстахъ въ 40 къ востоку отъ Волги, почти рядомъ съ Баскунчакскимъ солянымъ озеромъ. Когда подъѣзжаешь по желѣзной дорогѣ къ Баскунчакскому озеру, то передъ глазами, утомленными разнообразіемъ степи, вырисовывается, какъ громадное чудовище, гора Большое Богдо, почитаемая калмыками, какъ священная. Священной же ее считаютъ калмыки на основаніи такого повѣрья: когда-то прежде гора Богдо стояла на берегахъ рѣки Урала; но двое святыхъ калмыковъ вздумали перенести ее къ берегу Волги. Послѣ долгихъ постовъ и молитвъ они взвалили ее себѣ на плечи и понесли по нескончаемымъ знойнымъ степямъ. Но одинъ изъ нихъ упалъ подъ тяжестью ноши въ ту минуту, когда въ головѣ его мелькнула грѣховная мысль. Гора придавила его и окрасилась кровью, почему одинъ бокъ ея красенъ и до сихъ поръ.

Кромѣ горъ Богдо и горы Чапчачи, лежащей среди песковъ къ юго-востоку отъ нихъ, замѣчательны также уединенные гипсовые холмы близъ озера Индерскаго, въ Киргизской степи, недалеко отъ рѣки Урала. Эти гипсовые холмы интересны своими пропастями и пещерами. Вода, проникая въ трещины гипса, растворяетъ его и создаетъ пещеры, въ которыхъ цѣлое лѣто не таетъ набившійся сюда за зиму снѣгъ.

Нѣсколько южнѣе этихъ горъ поднимаются двѣ горы: Иманъ-Кара и Кой-Кара. За много верстъ, среди ровной степи, неясной, черно-синей громадой видиѣется гора Иманъ-Кара (около 60 саж. в.). Вытянутая съ сѣвера на югъ, она представляетъ изъ себя столовую гору, т.-е. имѣетъ ровную обширную площадь вмѣсто вершины и крутыми склонами обрывается во всѣ стороны. Ослѣпительно-бѣлое полукольцо мѣловыхъ холмовъ окружаетъ мрачную массу Иманъ-Кары съ сѣвера, да и сама Иманъ-Кара возвышается на мѣловомъ основаніи. «Мрачныя краски горныхъ породъ, дикіе обрывы и овраги, орлы, парящіе въ высотѣ, и глубокое безлюдье необъятной степи дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на путешественника, посѣщающаго вершину этой святой киргизской горы; и только солнце, ярко блеснувшее изъ-за тучъ и отразившееся на склонахъ бѣлаго мѣлового полукольца, охватывающаго Иманъ-Кару, скрашиваетъ это мрачное впечатлѣніе».

Но, кромѣ этихъ, рѣдко встрѣчающихся, одинокихъ холмовъ, которые нѣкогда были островами среди древняго Арало-Каспійскаго моря, вся эта обширная низменная равнина со всѣхъ сторонъ какъ бы кольцомъ окружена возвышенностями.

На западѣ ее ограничиваютъ Ергени, на сѣверѣ — Общій Сыртъ, на востокѣ — горы Мугоджарскія и, наконецъ, на югѣ — плоскогоріе Усть-Уртъ, круто обрывающееся Чинкомъ.

Дойдя до Царицына, Волга покидаетъ тѣ возвышенности, которыя долгое время составляли ея правый берегъ, и, повернувъ на юго-востокъ, продолжаетъ свой путь уже по низменной равнинѣ, а сопутствовавшія прежде Волгѣ возвышенности спускаются къ югу въ видѣ невысокаго горнаго кряжа. Эта цѣпь холмовъ и называется Ергенями. Протянувшись

верстъ на 300, въ южной своей части онѣ повыше (до 80 саженъ), на сѣверѣ же достигаютъ лишь 40 саженъ высоты. Ширина ихъ колеблется отъ 20 до 50 верстъ.

Когда Каспійское море заливало земли Астраханской губерніи и уходило далеко къ сѣверу, то Ергени, вмѣстѣ съ возвышенностями праваго берега Волги, являлись на западѣ берегами этого моря. Поэтому-то восточный край Ергеней обрывистый, тогда какъ западный полого опускается въ степь.

Природа Ергеней рѣзко отличается отъ природы внутренней степи. Восточные склоны ихъ покрыты наносомъ желтозема или лесса (рыхлой земли, состоящей изъ песка, глины и извести). Этотъ лессъ — довольно плодородная почва; а кое-гдѣ, на болѣе высокихъ мѣстахъ, залегаетъ и черноземъ, въ который постепенно переходитъ и лессъ по мѣрѣ приближенія къ перевалу хребта. Хорошая почва и обиліе источниковъ прѣсной воды даютъ возможность съ успѣхомъ заниматься здѣсь не только скотоводствомъ, но и земледѣліемъ, а потому неудивительно, что сюда пошли охотно, какъ въ привольный край, крестьяне средней Россіи и основали здѣсь цѣлый рядъ поселковъ.

Поселки окружены богатыми садами изъ яблонь, сливъ, грушъ; а на балкахъ и оврагахъ мѣстами растутъ лѣса изъ дубовъ, вязовъ, тутовыхъ деревьевъ, акацій, тополей и ивъ, посаженныхъ рукой поселянъ.

Южный Уральскій хребетъ, подъ названіемъ Общій Сыртъ, проходитъ на сѣверѣ отъ Уральской области и посылаетъ въ степь свои отроги, нѣкоторые изъ которыхъ доходятъ почти до рѣки Урала. Эти отроги прорѣзываются крутыми оврагами.

Почва этой сѣверной части Уральской области нѣсколько напоминаетъ Ергени. Тотъ же лессъ, а кое-гдѣ

и черноземъ, позволяютъ живущимъ здѣсь казакамъ успѣшно воздѣлывать землю. Здѣсь гораздо чаще, чѣмъ въ нижележащей степи, попадаются «колки» — небольшіе лѣски осины, березы, дуба и тополя. Но казаки не заботятся о лѣсонасажденіи, а, наоборотъ, вырубаютъ и то, что растетъ. Особенно усиленно вырубается береза и дубъ. Гораздо больше, чѣмъ строевые лѣса, здѣсь распространенъ кустарникъ: вишенникъ, черная смородина; а по оврагамъ и берегамъ рѣчекъ въ изобиліи растетъ тернъ и ежевика, ягоду которой казаки очень любятъ.

Мугоджары, составляющіе восточную окраину степей, представляютъ невысокую каменистую гряду, высотой отъ 120 до 140 саженъ. Каменныя глыбы краснаго или зеленаго цвѣта прорѣзаны глубокими балками, сплошь поросшими небольшимъ лѣскомъ и въ общемъ имѣютъ довольно живописный видъ.

«По дну глубокой балки бѣжитъ ручей; его быстрыя воды чисты какъ хрусталь, а берега покрыты зарослями березы, таловъ, ветлы, черемухи, осины, крушины, жимолости, боярышника; по склонамъ балки бобовникъ и таволга переплетены вѣтвями ежевики. Шиповникъ дѣлаетъ чащу мѣстами непроходимой. Въ особенности хороши Мугоджары весною, когда въ цвѣту и черемуха, и таволга, и бобовникъ. Соловьиная пѣснь ни на минуту тогда не умолкаетъ. Киргизъ въ это время начинаетъ уже покидать Мугоджары и спускается съ своими кочевьями въ долины. Не видя тогда человѣка, птицы и звѣри чувствуютъ себя полными господами горъ. Утки держатся на водѣ подальше отъ берега, такъ какъ тамъ, притаившись въ какомъ-нибудь кустѣ, заплетенномъ хмелемъ, карауллитъ ихъ лиса; бѣдный заяцъ боится показаться на открытомъ мѣстѣ, чтобы не попасть въ зубы волку или въ когти беркута, который зорко слѣдитъ за ма-

лѣйшимъ движеніемъ всего живущаго на балкѣ съ уступа скалы, на которомъ свито гнѣздо его. Слѣпни и комары въ это время года дѣлаютъ пребываніе человѣка и его домашнихъ животныхъ въ Мугоджарахъ, гдѣ имѣется вода и лѣсъ, положительно невозможнымъ; вотъ почему киргизъ, откочевывая съ Мугоджаръ въ апрѣлѣ — маѣ, прикочевываетъ къ нимъ уже осенью.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ Мугоджары, имѣетъ Усть-Уртъ, составляющій юго-восточную границу прикаспійскихъ степей. Верхніе пласты этого плоскогорія состоятъ изъ болѣе плотныхъ, каменистыхъ породъ, среди которыхъ преобладаютъ известняки; средніе пласты — изъ болѣе рыхлыхъ песчаниковъ. Границы Усть-Урта съ степями выражены весьма рѣзко въ видѣ высокаго (до 70 саженъ надъ уровнемъ Каспійскаго моря) обрывистаго берега, извѣстнаго подъ названіемъ Чинка. Весеннія воды легко размываютъ и подтачиваютъ песчаники, чѣмъ обусловливаютъ обвалы лежащихъ надъ ними известковыхъ скалъ. Обрывы Чинка разрѣзаются все болѣе и болѣе внѣдряющимися въ нихъ и вѣтвящимися оврагами, но стѣны этихъ овраговъ, пока на вершинахъ ихъ цѣлы известняки, сохраняютъ почти вертикальныя, неприступныя очертанія. Только въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ известковые пласты по большей части разрушены и унесены водой, склоны становятся болѣе пологими и доступными. Глубоко впадающихъ въ Чинкъ овраговъ, впрочемъ, немного, и въ общемъ Чинкъ сохраняетъ суровый, трудно доступный видъ.

Всѣ эти окружающія равнину возвышенности: Ергени, Общій Сыртъ, Мугоджары, Чинкъ, имѣютъ своеобразную природу, иногда довольно богатую; что же касается до самой степи, широко раскинувшейся между этими естественными границами, то природа ея очень бѣдна и довольно однообразна. Лишь узкія

полоски земли около большихъ рѣкъ, Волги и Урала, удобряемыя ежегодно разливами рѣкъ, обладаютъ плодородной почвой. Вся же остальная степь имѣетъ или тонко слоистую солонцевато-глинистую почву со скупо разбросанною на ней растительностью, или представляетъ безжизненное море песковъ.

Унылый видъ представляетъ солончаковая степь! Красно-бурая почва кое-гдѣ только одѣта низкорослой сѣдовато-сѣрой полынью, колючимъ бурьяномъ да солянками. Уже въ серединѣ мая травы эти начинаютъ высыхать отъ сильнаго зноя и, сорванныя вѣтромъ, разносятся въ видѣ тончайшаго праха по степи. Этотъ прахъ подъ конецъ лѣта часто накопляется въ ямкахъ отъ лошадиныхъ копытъ, но и здѣсь онъ сохраняется недолго: его скоро вновь выметаютъ оттуда постоянно то тутъ, то тамъ проносящіеся среди степи вихри, — прахъ несется на дорогу, обдавая путника желтой пылью. Никогда не удается этой пыли улечься какъ слѣдуетъ на безплодной почвѣ и хоть нѣсколько ее удобрить: не успѣетъ дождь прибить ее къ землѣ, — прошло нѣсколько дней, — и горячее солнце опять высушитъ и опять разнесетъ его вѣтеръ по безбрежной шири.

Когда же нѣтъ вѣтра, то также не особенно много радостей представляетъ человѣку эта однообразная солончаковая пустыня. «Ѣдешь цѣлые дни и ничего не видишь кругомъ себя, кромѣ сухихъ солончаковъ да бугровъ земли, насыпанныхъ у глубокихъ норъ сурковъ. Въ лѣтній жаркій полдень степь обращается въ могилу: не слышно ни одного звука, не видно ни одной свѣжей былинки».

Еще безотраднѣе области, занятыя песками. Пески распространены, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глинистый слой почвы очень тонокъ или совсѣмъ исчезаетъ, какъ, напр., на берегахъ Каспійскаго моря

и Волги. Песокъ, гонимый вѣтромъ, встрѣчая бугоръ, кустарники, высокую траву, скопляется въ видѣ холмовъ или грядъ. Вѣтеръ захватываетъ песчинки съ той стороны гряды, откуда онъ дуетъ, и перекатываетъ на противоположный болѣе крутой склонъ. Такимъ образомъ, песчаные холмы и гряды движутся

Рис. 2. Барханъ въ степи.

по вѣтру и занимаютъ собой иногда громадныя площади въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. Когда холмы изъ песку достигнутъ порядочной высоты, — а они подымаются иногда на 5 саженъ и болѣе, — то приносимый вѣтромъ песокъ встрѣчаетъ посредишѣ со стороны самаго холма препятствіе къ дальнѣйшему движенію и начинаетъ обходить бугоръ по краямъ, такъ

что холмъ получаетъ форму сердца съ выдвинутыми впередъ боками. Такіе полулунной формы бугры песка носятъ названіе бархановъ. Медленно, но вѣрно надвигаются они на села, засыпая на пути ильмени, колодцы, дороги и обращая въ пустыню болѣе плодородныя, покрытыя растительностью равнины.

Особенно сильно страдаетъ отъ песковъ берегъ Каспія. Съ каждымъ годомъ къ востоку отъ Волги прибрежная полоса Каспійскаго моря становится уже, такъ какъ Рынь-пески надвигаются съ сѣвера, прижимаютъ мѣстныхъ жителей—киргизовъ къ морю, засыпая занятыя ими болѣе плодородныя мѣста.

Оказывается, что въ образованіи этихъ песковъ большую роль сыгралъ человѣкъ. Соха пахаря, а чаще копыта лошадей разбиваютъ тонкій слой глины и обнажаютъ лежащій подъ нимъ песокъ, предоставляя вѣтру разносить его по степи.

Обнаженію песковъ способствуютъ также и суслики, небольшіе звѣрки изъ породы грызуновъ, которыхъ въ степи водится безчисленное множество. Почва, выброшенная ими изъ глубины земли, изъ ихъ норокъ, образуетъ холмики, которыхъ мѣстами такое множество, что послѣ того, какъ ихъ раздуетъ вѣтеръ, края одного холмика касаются краевъ другого.

Сильно способствовала образованію песковъ и вырубка деревьевъ, которыхъ въ былыя времена въ степи было значительно больше.

А между тѣмъ бороться съ барханами можно успѣшно, насаждая деревья. Селенье Яндыковка, на берегу Каспійскаго моря, утопающее среди садовъ, какъ нельзя больше говоритъ въ пользу этого.

Тамъ, гдѣ люди и скотъ не уничтожаютъ ту растительность, которая начинаетъ покрывать барханы, тамъ барханы изъ сыпучихъ песковъ способны превратиться въ прекрасныя пастбища. Таковы барханы въ

южной части Уральской области. Кустарники и нѣкоторые виды травъ очень хорошо растутъ на нихъ, такъ какъ въ барханахъ хорошая прѣсная вода находится совсѣмъ близко отъ поверхности. Скотъ, котораго тамъ гораздо меньше, не вытравляетъ всей растительности, а корни травъ и кустарниковъ скрѣпляютъ песокъ и изъ «сыпучаго» дѣлаютъ его болѣе плотнымъ и прочнымъ. Тамъ барханы незамѣнимы, какъ пастбища. Скотъ питается хорошей травой и въ изобиліи пьетъ прѣсную воду, которую такъ трудно добыть въ солончаковой степи. Кромѣ того, ему есть возможность укрыться отъ жгучихъ солнечныхъ лучей въ тѣни песчанаго холма.

Но ни барханы ни солончаковая степь не могутъ быть названы плодородной почвой. Даже самыя неприхотливыя травы далеко не вездѣ могутъ развиваться, и нѣкоторыя части равнины безплодными пустынями раскидываются на сотни верстъ. Земледѣлію пришлось пріютиться лишь въ нѣкоторыхъ уголкахъ. Надо добавить къ этому, что и климатъ края далеко не благопріятствуетъ развитію растительности.

III.

Астраханская губернія и Уральская область лежатъ далеко отъ океана, и потому послѣдній не оказываетъ смягчающаго вліянія на ихъ климатъ. Вліяніе же Каспійскаго моря незначительно: оно замѣтно лишь въ прибрежныхъ частяхъ. Поэтому рѣзкіе переходы температуры, лѣтнія жары, достигающія 40° градусовъ и сильнѣйшіе зимніе морозы, сухой воздухъ и недостатокъ дождей—въ прикаспійскихъ степяхъ повсемѣстны.

Лѣто въ Астрахани и Гурьевѣ такое же жаркое, какъ въ Закавказьѣ, зима почти такъ же сурова какъ въ Петербургѣ.

4261 45848

Вслѣдствіе быстраго охлажденія и нагрѣванія почвы, прикрытой только скудной растительностью, переходы отъ зимнихъ морозовъ къ лѣтнимъ жарамъ и обратно совсѣмъ непродолжительны.

Въ срединѣ, а въ сѣверныхъ частяхъ даже въ концѣ марта, земля бываетъ еще одѣта зимнимъ покровомъ и рѣки скованы льдомъ. Черезъ нѣсколько дней этотъ покровъ сохраняется только отдѣльными пятнами, и изъ земли, увлажненной растаявшимъ снѣгомъ, появляются зелень и цвѣты. Въ половинѣ апрѣля уже всѣ рѣки прошли, и степи покрыты роскошнымъ зеленымъ или пестрымъ ковромъ. Многія растенія желаютъ воспользоваться перерывомъ между холодомъ и жаромъ, а потому уже въ началѣ мая растительность достигаетъ здѣсь полнаго развитія. Но этотъ блескъ продолжается недолго. Скоро солнечные лучи становятся болѣе и болѣе жгучими, и въ началѣ іюня степь начинаетъ желтѣть и вымирать. Лѣто бываетъ обыкновенно жаркое и сухое, и только изрѣдка надъ засохшею степью проливаются ливни. Но и они не могутъ возмѣстить потерю влаги отъ испаренія. Къ тому же дожди здѣсь лѣтомъ очень непостоянны, и въ иные годы цѣлые мѣсяцы не выпадаетъ ни капли дождя. Вообще на югѣ, въ Астрахани, Гурьевѣ, за весь годъ выпадаетъ ничтожное количество влаги. (Если бы влага, выпавшая въ видѣ дождя или снѣга, не стекала въ Каспійское море и рѣки, не испарялась и не просачивалась бы въ землю, то поверхность края была бы за годъ покрыта слоемъ воды всего отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ аршина).

Вслѣдствіе недостатка влаги во время лѣта, многія рѣчки и озера пересыхаютъ, растительность выгораетъ, люди и животныя стремятся въ болѣе умѣренныя части края, далѣе на сѣверъ. Въ іюлѣ и августѣ степь становится желтой и безжизненной. Наступаю-

щая затѣмъ осень — самое лучшее время въ году. Солнце, потерявшее свою жгучесть, и перепадающіе дожди вызываютъ къ жизни опаленную растительность; скоро степь покрывается зеленью, и начинаютъ цвѣсти во второй разъ нѣкоторыя растенія. Но недолго, всего мѣсяца два, продолжается осень; на смѣну ея наступаетъ суровая, долгая зима, съ ея страшными метелями (буранами), приносящими часто громадные убытки мѣстнымъ кочевникамъ-скотоводамъ. Но особенно страдаетъ скотъ отъ гололедицы. Наступающіе послѣ оттепели сильные морозы покрываютъ землю слоемъ льда, вслѣдствіе чего скотъ, пасущійся обыкновенно весь годъ на подножномъ корму, не можетъ себѣ добыть пищи изъ-подъ снѣга и часто гибнетъ массами отъ истощенія.

Недостатокъ влаги—главный бичъ степи. Засухи часто истребляютъ посѣвы и на сравнительно плодородной почвѣ возвышенностей, а въ степи и совсѣмъ не позволяютъ заниматься земледѣліемъ. Недостаткомъ выпадающихъ дождей обусловливается незначительное количество рѣкъ, протекающихъ по степи. Кромѣ того, сухая раскаленная почва жадно впитываетъ влагу, а встрѣтившіеся по дорогѣ пески — и совсѣмъ поглощаютъ рѣку и останавливаютъ ея теченіе.

Къ тому же и большинство протекающихъ по солончаковой степи рѣкъ настолько напитываются солью, что вода въ нихъ становится горько-соленой и совершенно негодной для питья. Озеръ по степи разбросано довольно много, но почти всѣ они — остатки прежняго великаго моря съ горько-соленой водой.

Съ восточныхъ склоновъ Ергеней по глубокимъ, крутымъ долинамъ весною, когда таетъ снѣгъ, сбѣгаетъ много коротенькихъ рѣчонокъ. Всѣ онѣ оканчиваются среди степи озерами, расположенными въ одну линію. Въ половодье эти озера сливаются и обра-

зуютъ степную рѣку Сарпу, впадающую въ Волгу у Сарептской колоніи и лѣтомъ совершенно почти пересыхающую.

Сарпа — единственный притокъ, впадающій въ Волгу въ предѣлахъ Астраханской губерніи. Входя въ Астраханскую губернію, Волга дѣлаетъ крутой поворотъ къ юго-востоку отъ своего прежняго юго-западнаго направленія, образуя въ этомъ мѣстѣ какъ бы сгибъ колѣна. Тутъ она разстается со своими возвышенными правыми берегами, которые подъ названіемъ Ергеней удаляются по западной окраинѣ Калмыцкой степи. Сама же Волга медленно течетъ по низменной, глинистой степи. Начиная отъ Царицына, правый берегъ Волги быстро понижается: у Царицына онъ еще 45 саженъ высоты, у Сарепты — уже 11 саженъ, у Енотаевска — 6 саженъ, а ниже Енотаевска онъ переходитъ въ отдѣльные невысокіе бугры, мѣстами совершенно лишенные растительности и занесенные пескомъ. Между низкими берегами, начиная отъ Царицына на протяженіи около 500 верстъ, Волга разбивается на массу рукавовъ. Первый рукавъ отходитъ слѣва отъ главнаго русла верстахъ въ 20 выше Царицына. Это — Ахтуба, самый большой и глубокій изъ рукавовъ, похожій на самостоятельную рѣку. До самаго моря течетъ онъ рядомъ съ главной рѣкой, съ которой постоянно соединяется перекрещивающимися безчисленными протоками и рукавами.

Здѣсь въ степи Волга постоянно совершаетъ свою сокрушительную работу. Берега, сложенные изъ рыхлыхъ глинистыхъ породъ, постоянно размываются и обрушиваются въ воду, засоряя русло, образуя мели и косы. Противъ Астрахани раньше лежалъ длинный островъ, версты въ 2 длиною, весь застроенный; теперь не только уже весь онъ смытъ, но на его мѣстѣ — значительная глубина.

Несмотря на то, что въ нижнемъ теченіи Волга отдѣляетъ много рукавовъ, теченіе ея главнаго русла становится глубже и шире. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно суживается до $^1/_2$ версты, въ другихъ же расширяется до трехъ верстъ, и тогда съ парохода низменные берега кажутся неяснымн тонкими полосками.

Рис. 3. Въ низовьяхъ Волги.

Лишь изрѣдка на правомъ берегу покажется холмъ, какъ, напримѣръ, у села Каменнаго Яра, близъ котораго тянется единственная на всей нижней Волгѣ каменистая гряда, а тамъ опять и опять низменныя безконечныя степи.

Верстахъ въ 40 выше Астрахани рукава Волги поворачиваютъ къ югу и начинаютъ вѣеромъ расходиться въ стороны, отдѣляя отъ себя цѣлую сѣть про-

токовъ и новыхъ рукавовъ, которые, переплетаясь между собою, доходятъ до самаго моря. Все пространство къ югу отсюда, занимающее 10 тысячъ кв. верстъ, называется дельтой Волги. Между рукавами дельты и протоками или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «ериками», расположены низменные острова, заросшіе камышомъ. Эти острова то образуются вновь, наносимые рѣкою, то затопляются водою и совершенно ею смываются и исчезаютъ. Лишь кое-гдѣ здѣсь попадаются голые песчано-глинистые бугры безплодной земли, на которыхъ и стоятъ рыбацкія деревушки.

Изъ всѣхъ рукавовъ Волги самые глубокіе — Бузань, Бахтемировскій и Старая Волга. Начиная отъ Астрахани, Волга сохраняетъ ширину около $^1/_2$ версты и на протяженіи 50 верстъ еще глубока (отъ 3—10 саженъ) и вполнѣ судоходна; но остальныя верстъ 40 до впаденія въ море она становится неудобной для судоходства. Здѣсь начинаются мели, извѣстныя подъ названіемъ «розсыпей», съ глубиной лишь нѣсколько больше саженн. При входѣ Волги въ Каспійское море находится длинный и очень узкій островъ, называемый Бирючья Коса. За Бирючьей Косой тоже находится мель, которая, постепенно углубляясь, доходитъ до глубины 9 футовъ. Это мѣсто, такъ и называемое «9 футовъ», служитъ мѣстомъ остановки приходящихъ съ моря судовъ. Здѣсь находится маякъ. Изъ морскихъ, глубоко-сидящихъ судовъ, перегружается товаръ на мелкіе, рѣчные пароходы; на небольшіе пароходики перебираются и пассажиры. Понятно, насколько неудобна такая перегрузка среди открытаго моря, особенно во время вѣтра, такъ какъ никакой защиты отъ волнъ тутъ не устроено. Еще хуже приходится судамъ съ болѣе глубокой осадкой, которыя и на «9 футовъ» не могутъ попасть. Имъ приходится останавливаться еще за 50 верстъ отсюда, около

Чистобанковскаго маяка, гдѣ глубина доходитъ до 12 футовъ (5 аршинъ), за 155 верстъ отъ Астрахани.

Да и для рѣчныхъ пароходовъ, даже мелко сидящихъ, неудобно бываетъ путешествовать по этимъ мелямъ, такъ какъ низовой вѣтеръ часто сгоняетъ воду внизъ, и русло становится гораздо мельче.

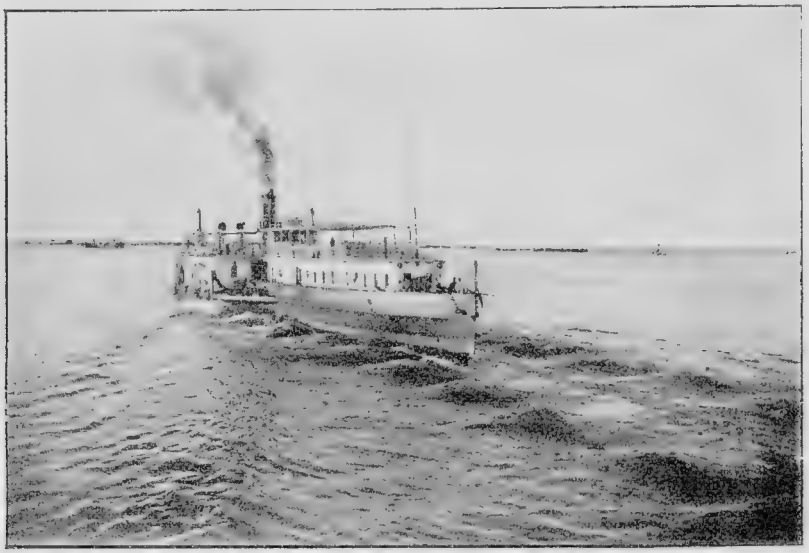

Рис. 4. Пароходъ на „9 футахъ“.

Таково низовье Волги лѣтомъ и осенью. Весной же, въ половодье, картина совершенно мѣняется. Начиная отъ Царицына, вся эта громадная площадь съ пересѣкающимися на ней ериками, озерами и рукавами, такъ называемое займище, бываетъ сплошь залита водою. Это — цѣлое море прѣсной воды въ 500 верстъ длиною и отъ 20 до 40 верстъ шириною, а близъ устья даже 200 верстъ!.. Не даромъ въ половодье, его называютъ прѣснымъ океаномъ»...

Кромѣ Волги, самая важная и большая рѣка Прикаспійской низменности — Уралъ.

Рѣка Уралъ — важный источникъ благосостоянія проживающихъ въ Уральской области казаковъ.

Въ его долинѣ находится *большая* часть лѣсу и луговъ; отъ его разливовъ зависитъ урожай травъ; въ его водахъ съ самаго появленія здѣсь казаковъ производится обширное рыболовство, долгое время служившее главнымъ промысломъ населенія.

Ширина Урала въ общемъ не велика и сильно измѣнчива; для верхняго теченія — саженъ 50, для нижняго — 80. Глубина также неодинакова: мели чередуются съ ямами до 7 саженъ глубиной. Позднимъ лѣтомъ, особенно послѣ маловодной весны, броды черезъ Уралъ — не рѣдкость. Протекая по рыхлому глинисто-песчаному грунту, Уралъ безпрерывно измѣняетъ русло, пролагая себѣ новые пути и оставляя по всѣмъ направленіямъ старыя ложбины, называемыя «старицами»; обыкновенно такія старицы бываютъ съ водою и соединяются, по крайней мѣрѣ во время половодья, съ главнымъ русломъ Урала.

Очень многія казачьи селенія, состоявшія раньше на главномъ руслѣ, оказались впослѣдствіи на старицахъ. Прихотливое теченіе рѣки, подмывая и срывая постепенно тотъ берегъ, на которомъ расположено селеніе, нерѣдко заставляетъ жителей переселяться на другое мѣсто. Тамъ, гдѣ рѣка вдается колѣномъ въ степь, берега круты, обрывисты, — «яръ», но на противоположной сторонѣ въ такомъ случаѣ всегда образуется далеко вдающаяся въ рѣку песчаная отмель. Долина Урала изрѣзана по обѣимъ сторонамъ лощинами, оврагами, ериками, озерами, ильменями; всѣ они весною заливаются водой, которая остается во многихъ изъ нихъ до слѣдующаго года.

При впаденіи въ Каспійское море Уралъ дѣлится на рукава, число которыхъ сравнительно съ тѣмъ, что было въ прежнее время, значительно сократилось. Въ концѣ XVIII в. ихъ насчитывали до 19; теперь ихъ осталось всего 9, изъ которыхъ только 3 судоходны.

Большая часть притоковъ Урала, стекая съ возвышенностей Общаго Сырта, впадаетъ въ Уралъ въ сѣверной его части и съ правой стороны. Таковы Иртекъ, Чаганъ. Съ лѣвой стороны въ Уралъ впадаетъ самый большій изъ его притоковъ — Илекъ.

Послѣ рѣки Урала наиболѣе значительныя рѣки Уральской области: Уилъ, Сагизъ и Эмба. Эти рѣки лѣтомъ имѣютъ по большей части солоноватую или даже горько-соленую воду. Наименьшею соленостью обладаетъ *Уилъ*, по берегамъ котораго есть хорошія пастбища, берега же *Сагиза* имѣютъ настолько солончаковый характеръ, что близъ Сагиза нельзя добыть прѣсной воды даже изъ колодцевъ. Рѣка *Эмба*, протекающая въ верхнемъ теченіи по холмистой мѣстности, ближе къ устью въ сухое время часто разбивается на отдѣльныя лужи стоячей, солоноватой, тухлой воды. Многочисленные рукава Эмбы здѣсь крайне непостоянны и безпрестанно превращаются въ сухіе, заросшіе овраги. Всѣ эти три рѣки, несмотря на значительную свою величину, не доходятъ до моря и теряются въ болотахъ недалеко отъ него. Отъ низовьевъ Эмбы по направленію къ чинку Усть-Урта тянется равнина, покрытая «такырами». Это глинистыя пропитанныя солью пространства краснаго цвѣта, частью голыя, частью поросшія солянками, и настолько твердыя, что колеса проѣзжающаго экипажа не оставляютъ на нихъ никакого слѣда.

Большая часть остальныхъ рѣчекъ Уральской области также горько-соленыя или имѣютъ, годную для питья воду лишь весной и раннимъ лѣтомъ. Таковы:

къ западу отъ р. Урала *Малый Чаганъ*, теряющійся въ болотистыхъ Дюринскихъ лугахъ, три *Чижа*, *Кушумъ*, *Большой Узень* и другія. Почти всѣ эти рѣки текутъ съ сѣвера на югъ и кончаются громадными разливами.

Интересное зрѣлище представляютъ эти обширнѣйшіе разливы весной, когда среди степи образуются цѣлыя моря воды и среди нихъ, какъ островки, стоятъ казацкія мазанки.

Благодаря этимъ разливамъ, хорошо удобряется скудная почва, и, когда вода разливовъ спадаетъ, на ихъ мѣстѣ вырастаетъ трава, дающая прекрасные сѣнокосы.

Рѣка Кушумъ — собственно рукавъ Урала, текущій съ сѣвера на югъ къ Узенямъ. Въ сильные разливы случается, что вода изъ Урала по Кушуму и его западнымъ разливамъ доходитъ до рѣки Мухора, по нему попадаетъ въ Большой Узень и вмѣстѣ съ послѣднимъ вливается въ Камышъ — Самарскія озера, лежащія на самой границѣ Астраханской губерніи и Уральской области.

Южнѣе этихъ озеръ вплоть до моря нѣтъ вовсе прѣсной воды даже и въ весеннее время, такъ что всю эту мѣстность можно съ полною справедливостью назвать безводною.

Если и можно въ этихъ мѣстахъ селиться, то единственно потому, что повсюду подпочвенная, прѣсная, хорошая на вкусъ вода здѣсь вообще не очень глубока, и почти вездѣ есть возможность вырыть колодецъ, или «копань» (мѣстами, особенно въ барханахъ, вода находится подъ поверхностью земли всего на какихъ-либо 2—3 аршина). Колодцевъ и копаней во всей этой мѣстности очень много, ихъ роютъ какъ въ селеньяхъ, такъ и въ степи для водопоя скота. Колодцы дѣлаются или со срубами или безъ срубовъ,

и въ такомъ случаѣ копани представляютъ собою простыя ямы, которыя вскорѣ заваливаются сами собою; такіе обыкновенно бываютъ въ пескахъ. Но встрѣчаются значительныя площади съ прекраснымъ кормомъ, которыя, за невозможностью на обыкновенной для колодцевъ глубинѣ добыть воду, пропадаютъ безъ пользы.

Кромѣ копаней и колодцевъ, для удержанія весенней снѣговой воды не мало устраиваютъ здѣсь на степныхъ рѣчкахъ при селеніяхъ запрудъ.

IV.

Насколько прикаспійская степь бѣдна прѣсной водой, настолько же она богата горько-соленой и соленой. Не говоря уже объ указанныхъ выше степныхъ рѣкахъ, здѣсь находится масса соляныхъ и горько-соленыхъ озеръ. Изъ нихъ, расположенныя ближе къ Уралу имѣютъ по большей части воду не столь соленую, какъ озера юго-восточной части Уральской области. Къ озерамъ съ довольно прѣсной водой относятся Камышъ-Самарскія озера, замѣчательныя тѣмъ, что они лежатъ на 9 саженъ ниже уровня Каспія. Это цѣлый рядъ озеръ, соединяющихся протоками, болотами и заводями. Тянутся они верстъ на 30. Въ нихъ водится не мало рыбы, и здѣсь издавна производится рыболовство, извѣстное подъ именемъ Узенскаго.

Самое большое озеро Уральской области — озеро Черхалъ, лежащее въ 60 верстахъ отъ города Уральска и въ 22 в. отъ р. Урала. Озеро это имѣетъ до 60 верстъ въ окружности, довольно глубоко и изобилуетъ рыбой.

Но озеръ съ прѣсной водой въ степи несравненно меньше, чѣмъ озеръ соляныхъ. Нѣкоторыя изъ такихъ

соляныхъ озеръ, въ которыхъ воды-то собственно почти нѣтъ, а на днѣ которыхъ лежитъ громадными массами соль, представляютъ богатые источники соли. Кромѣ соли, откладывающейся отъ испаренія соленой воды, въ степи находятся богатѣйшія залежи такъ называемой каменной соли. Эта каменная соль также обязана морю своимъ происхожденіемъ, но только отложилась она гораздо раньше, чѣмъ успѣли образоваться нынѣшнія озера. Нерѣдко пласты такой каменной соли покрыты сверху чрезвычайно толстыми наслоеніями глины, гипса, известняка и проч., и потому всѣ эти слои вмѣстѣ представляются тогда уже цѣлой горой (такова, напримѣръ, гора Богдо). Всѣхъ соляныхъ озеръ въ Уральской области и Астраханской губерніи насчитываютъ нѣсколько тысячъ. Между ними наиболѣе славятся озера Баскунчакъ и Эльтонъ, въ Астраханской губерніи, и озеро Индерское, въ Уральской области.

Баскунчакское озеро расположено въ срединѣ Астраханской губерніи, въ 50 вер. отъ лѣваго берега Волги. Разъ вы путешествуете по Волгѣ, то ужъ непремѣнно слѣдуетъ завернуть посмотрѣть на Баскунчакское озеро и соляные промыслы. Это небольшое путешествіе въ сторну отъ Волги очень нетрудно продѣлать, такъ какъ отъ ближайшаго къ озеру пункта, большого селенія Владимировки, проведена баскунчакская желѣзная дорога (всего на протяженіи 62 верстъ со всѣми изгибами вокругъ озера). Дорога эта построена съ единственною цѣлью подвозить къ Волгѣ баскунчакскую соль, которую раньше доставляли подводами на лошадяхъ и верблюдахъ. Дорога идетъ по безконечной, совершенно безжизненной, гладкой равнинѣ, и вдругъ взорамъ вашимъ представляется картина зимняго ландшафта: громадная поверхность озера кажется покрытой льдомъ, а берега — ослѣпляющимъ глаза бѣ-

лымъ снѣгомъ. Сходство поразительное. Однако, палящіе знойные лучи не позволяютъ вамъ долго ошибаться, и вы уже отлично чувствуете, что предъ вами соль, соль и соль... Дно озера, площадь котораго равняется 100 квадратнымъ верстамъ (17 верстъ въ длину и 9 въ ширину), покрыто сплошнымъ, чрезвычайно толстымъ слоемъ соли. Поверхъ соляного слоя — слой воды, не больше четверти аршина, чрезвычайно

Рис. 5. Баскунчакское озеро.

насыщенный солью. Вода эта называется «рапой». Подъ конецъ сухого, знойнаго лѣта этотъ слой воды, поднимающійся весной до 8 вершковъ, испаряется почти совершенно, и поверхность дна остается покрытой сверху тонкимъ слоемъ соли въ 1—2 вершка, осѣвшей изъ рапы. Но эта соль осѣла изъ грязи, и поэтому ея не берутъ. Непосредственно подъ этимъ тонкимъ слоемъ лежитъ плотный, сѣроватый, такъ называемый чугунный или свинцовый, толщиной отъ 4 до 34 верш-

ковъ. Затѣмъ ужъ идетъ самый цѣнный слой крупнозернистой соли, такъ называемой гранатки, которая, главнымъ образомъ, и разрабатывается. (Слой гранатки содержитъ чистой поваренной соли до 98 процентовъ). Для удаленія сверху слоя чугунной соли приходится прибѣгать къ динамиту. Гранатка же разрыхляется, вычерпывается и нерѣдко смѣшивается съ чугунной солью. Соль выволакиваютъ къ берегу, гдѣ

Рис. 6. Разработка соли.

складываютъ ее въ громадныя кучи. Рабочіе прямо ходятъ по дну, держась, однако, другъ за дружку на случай, если бы пришлось попасть въ трещину или въ старую яму. Рапа чрезвычайно ѣдка, разъѣдающе дѣйствуетъ на руки и, главнымъ образомъ, на ноги несчастныхъ рабочихъ, нерѣдко причиняя имъ долго не заживающія язвы. А между тѣмъ трудъ рабочихъ оплачивается низко, и положеніе ихъ незавидно.

Въ 1898 году на Баскунчакскомъ озерѣ всѣхъ рабочихъ было 1755 человѣкъ. Ряды этихъ соледобывателей пополняются почти исключительно мѣстными киргизами, калмыками и татарами. Русскихъ рабочихъ почти нѣтъ совсѣмъ. Всѣ соляныя озера, въ томъ числѣ, значитъ, и Баскунчакское, находятся въ вѣдѣніи Министерства Земледѣлія и Государственныхъ

Рис. 7. Перевозка соли.

Имуществъ, которое и сдаетъ ихъ въ аренду отдѣльными участками и беретъ по копейкѣ съ пуда добываемой соли. Въ 1898 году въ арендѣ было 88 участковъ Баскунчакскаго озера (и 57 участковъ другихъ соляныхъ озеръ), за что казной было получено свыше 180.000 рублей.

Баскунчакское озеро является однимъ изъ богатѣйшихъ въ мірѣ соляныхъ озеръ: въ верхнемъ разрабатываемомъ пласту вырабатываютъ до 45 милліардовъ пудовъ соли! Одного этого пласта хватило бы почти

на 100 лѣтъ для снабженія солью всего человѣчества! А между тѣмъ этимъ слоемъ запасы озера далеко не ограничиваются. Изслѣдованія посредствомъ буровыхъ скважинъ показали, что на болѣе значительной глубинѣ находятся еще нѣсколько громаднѣйшихъ слоевъ.

Особенно значительной выработка соли стала съ проведеніемъ въ 1882 году желѣзной дороги (про-

Рис. 8. Перевозка соли на Баскунчакѣ.

возъ къ Волгѣ обходится въ 3 коп. съ пуда), и въ 1898 году, напр., изъ Баскунчака было добыто около $13^1/_2$ милліоновъ пудовъ соли, приблизительно $^1/_5$ всей добываемой въ Россіи.

Еще большими запасами соли, чѣмъ Баскунчакское, обладаетъ Эльтонское озеро, лежащее въ 140 верстахъ отъ Волги. Площадь его на 60 кв. верстъ больше Баскунчакскаго, а дно сплошь заложено солью на неизслѣдованную еще до сихъ поръ глубину. Разра-

ботка соли здѣсь началась уже болѣе 150 лѣтъ тому назадъ, и за это время добыто изъ озера свыше 600 милліоновъ пудовъ соли. Но это буквально капля по сравненію съ неисчислимыми запасами Эльтона. Отсутствіе дешеваго провоза дѣлаетъ очень труднымъ соперничество съ Баскунчакомъ, въ которомъ, надо добавить, и соль немного лучшаго качества.

Озеро Индерское лежитъ верстахъ въ 9 отъ рѣки Урала, недалеко отъ заштатнаго города Калмыкова. Оно немного поменьше Баскунчака (11 вер. въ длину и $8^1/_2$ въ ширину), отличается очень чистою солью хорошаго качества, которая и здѣсь заложена въ необъятныхъ запасахъ. Этой солью пользуются казаки для посола вылавливаемой ими въ Уралѣ рыбы.

Въ одной Астраханской губерніи ежедневно добывается болѣе 16 милліоновъ пудовъ соли, изъ которыхъ 10 слишкомъ милліоновъ вывозится за предѣлы губерніи.

V.

Степь постепенно поднимается по мѣрѣ удаленія отъ Каспійскаго моря и приближенія къ Общему Сырту, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько мѣняется характеръ почвы. Къ солончакамъ и пескамъ постепенно начинаетъ примѣшиваться глиноземъ, и почва становится нѣсколько плодороднѣе. Соотвѣтственно этому измѣняется и растительность. Пустыни и солончаки, которыми покрыты вся южная и юго-восточная части степей, начинаютъ переходить на сѣверѣ въ ковыльную степь.

Но на всемъ протяженіи степи нигдѣ не встрѣтишь лѣсовъ. Лишь отдѣльные колки или одинокія деревца пріютились кое-гдѣ особенно по берегамъ

Урала или другихъ степныхъ рѣкъ. Но въ южной части степи около Каспія и этихъ «колковъ» не увидишь. Недостатокъ лѣсовъ замѣняютъ отчасти кустарники, которые по берегамъ рѣкъ растутъ въ иныхъ мѣстахъ въ изобиліи.

Особенно громадное значеніе для здѣшняго безлѣснаго края имѣютъ различныя ивы (тальникъ), образующія по берегамъ рѣкъ густыя заросли на нѣсколько верстъ. Изъ него казаки дѣлаютъ плетни, изъ которыхъ устраиваютъ всѣ свои надворныя строенія, а иногда даже и хаты (плетневыя мазанки).

Нерѣдки также среди кустарниковъ боярышникъ, жимолость, шиповникъ, крушина, а въ открытыхъ степяхъ — чилига (Caragana frutescens), бобовникъ (Amygdalus nana), таволга (Spiraea crenata).

Но, конечно, значеніе кустарниковъ ничтожно сравнительно со значеніемъ травянистой растительности. Самыя богатыя травою степи расположены или по правому берегу Урала или въ сѣверной части степей. Травянистый покровъ этихъ степей имѣетъ слегка сѣдоватый оттѣнокъ отъ сплошь покрывающаго ихъ ковыля, пушистыя ости котораго, подобно морю, волнуются, когда пронесется струя свѣжаго степного вѣтра. Среди ковыля мѣстами проглядываютъ голубовато-зеленыя дерновины степного овса (Avena desertorum), типца (Festuca ovina), пырея (Triticum repens) и другихъ злаковъ. Тамъ и сямъ среди нихъ возвышаются стебли коровяка, покрытые фіолетовыми или желтыми цвѣтами. Многочисленные астрагалы густо разрастаются на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, а по отлогимъ склонамъ овраговъ душистый тиміанъ, или богородская трава, образуетъ густыя дерновины, усѣянныя мелкими свѣтло-фіолетовыми цвѣтами.

Къ югу характеръ степи мѣняется: растительность становится болѣе рѣдкой и однообразной, и участки,

поросшіе ковылемъ, попадаются только островками. Травы ковыльныхъ степей замѣняются полынями, къ которымъ мѣстами примѣшиваются и солянки, пока, наконецъ, вся степь не покроется грязно-бурымъ покровомъ полыней. Жалкую картину представляютъ такія мѣстности. На необозримое пространство тянется полынный коверъ, на которомъ не видно ни яркой зелени травъ ни пестрыхъ узоровъ цвѣтущихъ расте-

Рис. 9. Заросль кустарниковъ въ степи.

ній. Только кое-гдѣ среди моря полыней торчатъ безлистные стебли грязно-зеленыхъ солянокъ, красивые кустики джузгуна, различные виды гребенщика. Такова растительность глинистыхъ степей; но тамъ, гдѣ почва насыщена солью и обратилась въ солончакъ, тамъ надъ всѣми перечисленными растеніями рѣшительно преобладаютъ солянки, начиная съ маленькихъ стелящихся травъ и кончая значительными кустарниками. Бѣлый налетъ соли, покрывающій крохотные листья солянокъ, не только защищаетъ эти растенія отъ жгучихъ лучей

солнца, но по ночамъ еще извлекаетъ изъ окружающаго воздуха влагу.

Такимъ образомъ, солянки отлично приспособлены для жизни на соленой почвѣ и переносятъ губительное вліяніе сухости даже лучше, нежели растенія полынныхъ степей. Огромные, весною ярко-зеленые, солонцы съ наступленіемъ жаровъ постепенно получаютъ желтоватый и, наконецъ, ярко-желтый цвѣтъ, который съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ дней переходитъ въ розовый, кроваво-красный и фіолетовый. Въ это же время показывается молодая зелень новыхъ отпрысковъ, и всѣ четыре цвѣта удивительно хорошо гармонируютъ между собой.

Песчаныя пространства имѣютъ опять свою собственную оригинальную растительность, при чемъ по разнообразію и числу видовъ далеко превосходятъ растительность солончаковъ и глинистыхъ степей.

Большая часть растеній песковъ — кустарники, только они одни могутъ, распустивъ на громадное пространство сѣть своихъ корней, извлекать себѣ питательныя вещества и углубляться далеко въ почву за влагой. Кромѣ того, большая часть растеній пустынь снабжена колючками, волосками, покрывающими листья; у другихъ, напротивъ, листья превращены въ маленькія чешуйки, — и все это, чтобы уменьшить испареніе, защитить растеніе отъ излишней траты влаги.

Изъ кустарниковъ, растущихъ на пескахъ, наболѣе замѣчательны: джузгунъ (Pterococcus aphyllus), съ тонкими длинными вѣтвями, на которыхъ висятъ шарообразные плоды на такихъ же тонкихъ волосовидныхъ черешкахъ, безобразно уродливые сѣрые кусты баялыча (Atraphaxis korelini); но больше всего растетъ здѣсь гребенщика (Tamarix). Покрывая въ южныхъ частяхъ Уральской области барханы, онъ

препятствуетъ движенію песковъ, а при благопріятныхъ условіяхъ вырастаетъ даже въ довольно большое дерево, до двухъ съ половиной саженъ высотою. Весною тамарискъ покрывается красивыми розовыми цвѣтами. Интересно также растеніе, извѣстное у киргизовъ подъ названіемъ кумаръ-чикъ (Agriophillum arenarium), сѣмена котораго, похожія на мелкое пшено, употребляются киргизами въ пищу: изъ нихъ приготовляютъ кашицу и похлебку; сѣмена эти горьки, но, предварительно промытыя въ пяти или шести водахъ, становятся прѣсными. По барханамъ произрастаетъ также песчаный камышъ (Elymus arenarius), или кіякъ. Кіякъ — довольно хорошій кормъ скоту, и его заготовляютъ на зиму. Камышомъ, осоками, кугой поросли также на необозримыя пространства низовья Урала, а также берега Камышъ-Самарскихъ озеръ и другихъ степныхъ разливовъ.

Особенное значеніе имѣетъ камышъ, служащій въ здѣшней безлѣсной мѣстности не только матеріаломъ для топлива, но употребляющійся и на постройки; изъ него дѣлаютъ крыши, заборы, скотные дворы и т. п.

Вообще по поймѣ Урала и другихъ его притоковъ растительность гораздо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ въ степи, и пойменные луга представляютъ хорошіе сѣнокосы.

Но общій видъ преобладающихъ здѣсь глинистыхъ, полынныхъ степей удивительно унылый и однообразный.

Только весной, когда почва напитается снѣговой водой и начнутъ цвѣсти красивыя луковичныя и другія растенія, степь не надолго красуется въ лучшемъ своемъ уборѣ. Въ это время года и животный міръ степей достигаетъ наибольшаго разнообразія и живетъ полною жизнію. Вотъ какъ одинъ писатель (Леванев-скій) описываетъ Уральскія степи весной.

«Весеннее солнце все больше и больше грѣетъ; побѣжали, наконецъ, по степи весеннія воды, снѣгъ мѣстами только — въ какой-либо глубокой лощинѣ или на высокой горѣ — напоминаетъ недавно прошедшую зиму. Въ воздухѣ раздаются всевозможные голоса перелетной птицы; журавли едва замѣтными точками вьются на страшной высотѣ, а веселое курлыканье ихъ — привѣтъ оживающей природѣ, свѣтлому весеннему солнышку — далеко разносится по степи; горная бѣлая трясогузка и другія мелкія птички перепархиваютъ съ мѣста на мѣсто. Не менѣе шести породъ жаворонковъ оживляютъ степь съ утра до вечера своимъ пѣніемъ. Куда ни взглянешь, всюду видишь, какъ одинъ жаворонокъ поднимается за другимъ въ небесную высь и поетъ, другой спускается къ землѣ и тоже поетъ, третій маленькой точкой виднѣется на землѣ и тоже поетъ. Пѣсни высоко гдѣ-то, въ небѣ, пѣсни надъ землей, пѣсни на самой землѣ сливаются въ одну дивную, вдохновенную пѣснь.

«Но что это за птицы летятъ почти надъ самой землей, другъ дружкѣ навстрѣчу и, приближаясь, подымаются все выше и выше и, наконецъ, слетѣвшись, начинаютъ кувыркаться въ воздухѣ, издавая какіе-то хриплые звуки? Это — степной лунь. Жаворонки на минуту пріутихли. Горе вамъ, бѣдныя птички: пройдетъ пора любви, настанетъ время выкармливанія птенцовъ, и лунь явится злѣйшимъ врагомъ вашего юнаго поколѣнія. Шатаясь изъ стороны въ сторону, будетъ онъ слаться надъ землей и пожирать ваше потомство. Изъ-за куста чіевника выбѣгаетъ ожерельчатая дрохва и, въ полоборота, иноходью, убѣгаетъ въ сторону. Чуть только она исчезла изъ глазъ, это значитъ, что она сѣла, и тогда къ ней можно подойти очень близко охотнику, у котораго достанетъ духу разрядить по ней свой дробовикъ. А вонъ и на-

стоящая дрохва — самецъ, опустивъ крылья, хвостъ поднявъ вѣеромъ, гордо ходитъ по скату небольшого холмика. Надъ степной рѣчкой съ глинистыми берегами носятся цѣлыя массы ласточекъ. А тутъ, на берегу, на длинномъ стволѣ дикой спаржи, виднѣется продолговатое тѣло «богомолки». Сидитъ она, вся зеленая, неподвижно, вытянувъ впередъ одну изъ своихъ переднихъ лапокъ. Лысухи, шлепая по водѣ, стараются скорѣе подняться на воздухъ и, наконецъ-таки, грузно подымаются, опустивъ книзу свои неуклюжія, съ вырѣзанной фестонами перепонкой ноги. Около ряда береговыхъ кочекъ — зеленая, покрытая водой лужайка, на которой цѣлая стая турухтановъ; одни изъ нихъ гоняются за водяными жуками, другіе ловятъ мушекъ, а третьи, повидимому, ожесточенно дерутся,— но это больше ничего, какъ дружеское, веселое препровожденіе времени. Бросаясь другъ на друга со своими растопыренными пестрыми воротниками, противники наносятъ удары длинными клювами именно въ эти воротники. Нѣтъ-нѣтъ и плеснетъ въ водѣ рыба. Запасясь удочками, сѣтями, а то и неводомъ, можно въ такой степной рѣчкѣ наловить много судаковъ, лещей, окуней, карповъ, щукъ, сомовъ, язей и разной мелкой рыбы, а въ озерахъ — линей и замѣчательной величины карасей. Водяныхъ черепахъ и раковъ мѣстами такая масса, что лучше и и не забрасывать удочки: то ракъ сорветъ насадку, то наклюнется на нее черепаха.

«На поемныхъ лугахъ, что широкою плащадью примыкаютъ къ рѣкѣ, слышится курлыканье журавлей; изъ глубины камышей несется глухое «цуканье» выпи. Стая розовыхъ скворцовъ, самыхъ злѣйшихъ враговъ саранчи, вырвалась изъ камышей и понеслась вверхъ рѣки. Маленькія птички: славки, малиновки, пѣночки, коноплянки, то и дѣло попадаются на глаза. Гдѣ-то

кукуетъ кукушка. Въ сторонѣ блеститъ своей поверхностью маленькій заливчикъ, по берегу его пасется цѣлая масса водяной птицы, а по водѣ шмыгаетъ мелкій куличокъ. По мелкимъ мѣстамъ рѣки нѣсколько пеликановъ занимаются ловлей мелкой рыбешки; цапля, высоко поднявшись на воздухъ и время отъ времени покрикивая, тянетъ куда-то вдаль, ищетъ, должно-быть, себѣ болѣе привольныхъ мѣстъ. На самой водѣ ничего не видно, кромѣ лысухъ, нырковъ, паганокъ. Веселая казарка, постоянно разговаривая, летитъ стая за стаей, а вонъ и лебеди, вытянувшись серебрянымъ трехугольникомъ, плавно двигаются на страшной высотѣ, и ихъ звонкимъ голосамъ отвѣчаютъ такіе же съ обширнаго озера, по серединѣ котораго другая стая лебедей расположилась на отдыхъ. Недалеко отъ рѣки, на зеленой травкѣ, пасутся дикіе гуси. Изрѣдка раздается непріятный крикъ морской утки.

«Нѣсколько орловъ въ поднебесьѣ описываютъ большіе круги, поднимаясь все выше и выше, пока не станутъ для глаза чуть замѣтной точкой. Суслякъ, время отъ времени посвистывая, сидитъ на заднихъ лапкахъ около своей норы, готовый при малѣйшей опасности въ нее юркнуть.

«Подъ какимъ-нибудь камнемъ пріютилась гадюка, изъ-подъ котораго злобно смотритъ и шипитъ на все, что хоть чуточку нарушаетъ ея покой. Ежъ, увидя человѣка, свернулся въ клубокъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда ему представится возможность улизнуть благополучно въ свою нору.

«Изъ небольшого овражка выгнали сайгака; прыгнувъ вверхъ со всѣхъ четырехъ ногъ, онъ вихремъ уносится въ безпредѣльное пространство степи. Это — красивая антилопа желто-бурой шерсти, съ горбатымъ, большимъ, очень мягкимъ носомъ; киргизы въ громадномъ количествѣ ловятъ молодыхъ сайгаковъ, ко-

торыхъ загоняютъ на лошадяхъ; мясо ихъ употребляютъ въ пищу, а шкуру продаютъ татарамъ и русскимъ купцамъ. Рога стараго сайгака-самца свѣтло-желтые, просвѣчивающіе, кольчатые, нѣсколько загнутые назадъ, идутъ въ Китай и стоятъ около трехъ рублей. Убиваютъ сайгаковъ или подкрадываясь къ нимъ,

Рис. 10. Сайгаки.

когда, палимый лучами солнца, облѣпленный мошкарой и оводами, стоитъ онъ въ какой-нибудь лощинѣ, опустивъ голову и закрывъ глаза. Иногда цѣлое стадо сайгаковъ киргизы загоняютъ въ особую загородку, такъ называемую «аранъ», изъ камышей и истребляютъ.

«Изрѣдка въ степи пробѣгаетъ стадо кулановъ — степныхъословъ. Они попадаютъ ближе къ Аральскому морю. Величиною куланъ поменьше лошади — съ годовалаго жеребенка. Масти соловой съ темно-бурой полосой на спинѣ. Уши у него немного подлиннѣе лошадиныхъ, грива короткая, изкрасно-черная; хвостъ тоже коротокъ, и конецъ его покрытъ длинными черными волосами. Замѣчательно быстро бѣгаетъ куланъ. Нечего и думать догнать его на лошади. Киргизы охотятся на кулановъ, подкарауливая ихъ въ обрывистыхъ берегахъ Аральскаго моря, куда куланы спускаются на водопой.

«Какъ это ни странно, морскую, соленую воду куланы пьютъ совершенно свободно, когда нѣтъ прѣсной. Мясо кулановъ киргизы ѣдятъ, а шкуру обыкновенно продаютъ хивинцамъ.

«Но вотъ вечерняя заря начинаетъ гаснуть, шумъ и возня на рѣкѣ и озерахъ утихаютъ. Изрѣдка пронесется надъ рѣкой стая свіязей, да какъ будто изъподъ самыхъ небесъ слышится говоръ казарокъ. Сычъ и филинъ, а также масса летучихъ мышей беззвучно носятся по воздуху. Земляной заяцъ, покинувъ свою норку, то ощупываетъ травку своими усиками, то быстрымъ прыжкомъ несется по ломаной линіи впередъ и исчезаетъ въ вечернемъ сумракѣ. Гдѣ-то недалеко просвистала мышь. Въ степи — и чѣмъ она глуше, тѣмъ чаще — приходится слышать свистъ нашей обыкновенной мыши, нѣсколько похожій на итичій; мышь какъ бы поетъ, и поетъ очень своеобразно. Навозникъ, носорогъ и майскіе жуки разсѣкаютъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Со стороны песчаныхъ барханов, которые темной массой чернѣютъ вдали, доносится мелодическій свистъ ночного песчанаго кулика. Комары и мошки все назойливѣе начинаютъ нападать.

«Но вотъ рѣки, наконецъ, прошли, и степь, напитанная весенними водами, согрѣтая лучами весенняго солнца, разстилается передъ глазами изумруднымъ ковромъ, по которому въ изобилiи разбросаны подснѣжникъ, тюльпанъ, полевая гвоздика, присъ; тутъ же гдѣ-нибудь ревень раскинулъ свои красивые листья, а недалеко отъ него дикая спаржа и одуван-

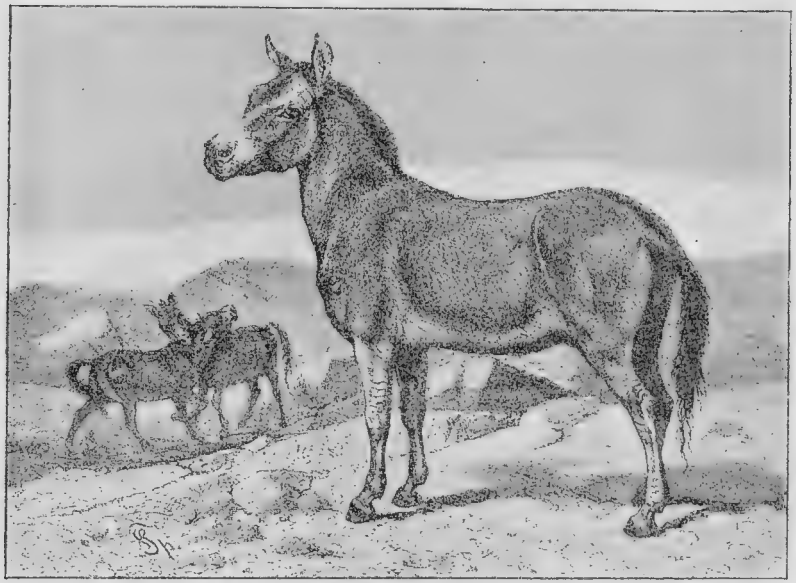

Рис. 11. Куланъ.

чикъ. Мелкорослая курчавая полынь красиво выдѣляется своей нѣжной зеленью. Въ болѣе сырыхъ мѣстахъ таволга съ своими бѣлыми, пахучими, собранными въ метелку цвѣтами привлекаетъ массу жучковъ и бабочекъ.

«Но становится все жарче и жарче, на небѣ ни одного облачка, которое хоть на одну минутку при-

крыло бы бѣдную степь отъ палящихъ лучей солнца; почва все больше и больше сохнетъ, — и куда тогда дѣвается краса степи; куда дѣваются и птицы, и жучки, и бабочки, которые дѣлали зеленую и убранную цвѣтами степь такой живой и прекрасной!..

«Вмѣсто изумруднаго ковра, передъ глазами путника мертвая степь съ сухими стеблями выжженной травы... Полевая гвоздика и та не выдерживаетъ страшной засухи. Птицы исчезли, и, вмѣсто прежняго пестраго роя насѣкомыхъ, одна мелкая сѣробурая ящерица бороздитъ тогда степь по всѣмъ направленіямъ, заглядывая въ каждую трещину на землѣ, какъ бы ища убѣжища отъ палящаго солнца; изрѣдка степной лунь какъ-то вяло перелетитъ съ одного мѣста на другое; съ какой-нибудь сухой былинки сорвется конекъ, съ трескомъ пролетитъ небольшое пространство и стукнется затѣмъ о сухую, какъ камень, почву.

«По берегу высохшей рѣчки валяется масса голыхъ камней. Стоитъ сдвинуть съ мѣста одинъ изъ такихъ обломковъ, чтобы найти подъ нимъ цѣлое гнѣздо скорпіоновъ, нерѣдко попадается тарантулъ, а также фаланга — самое ядовитое изъ всѣхъ паукообразныхъ животныхъ, одинъ видъ котораго наводитъ панику на киргизовъ.

«Степь замерла до будущихъ весеннихъ водъ, до будущаго весенняго солнышка».

VI.

Разсматривая карту Россійской имперіи, обратимъ вниманіе на границу, отдѣляющую Европу отъ Азіи. Такой границей служитъ Уральскій хребетъ, а на югѣ — хребетъ Кавказскій и Каспійское море. Между Уральскимъ хребтомъ и Каспіемъ лежитъ Арало-Ка-

спійская низменность. Здѣсь природа прервала свою естественную границу между частями свѣта и устроила какъ бы «ворота» между ними. Вмѣсто того, чтобы перебираться черезъ горы, всѣмъ народамъ, перекочевывавшимъ изъ Азіи въ Европу было, естественно, всего удобнѣе воспользоваться именно этими воротами. И нашъ край съ самыхъ древнихъ временъ служилъ дорогой переселенія народовъ.

Еще за два вѣка до Р. Х. этимъ путемъ вышло изъ глубины Азіи могущественное племя *сарматовъ*. Въ IV и V вѣкѣ послѣ Р. Х. здѣсь прошло и разлилось волной далеко на западъ громаднѣйшее кочевое племя *гунновъ*. Племя это вскорѣ начало распадаться на отдѣльныя части. Изъ нѣкоторыхъ такихъ частей успѣли образоваться самостоятельныя государства. Такъ, съ VII вѣка на нижней Волгѣ основалось могущественное государство *хазаръ*. Въ 12 верстахъ выше нынѣшней Астрахани лежала ихъ столица Атиль. Это былъ огромный городъ, гдѣ можно было встрѣтить много грековъ, славянъ, евреевъ, арабовъ и представителей другихъ народовъ.

Всѣ являлись сюда по своимъ торговымъ дѣламъ, такъ какъ столица хазаръ служила главнымъ торговымъ пунктомъ между Европой и Азіей.

Въ X вѣкѣ изъ-за уральскихъ степей появились полудикіе кочевники — *печенѣги*. Они долго тревожили и разоряли хазаръ, пока, наконецъ, не отхлынули на западъ — въ Кіевскую Русь.

Печенѣговъ смѣнили *половцы*, которые и основались на развалинахъ хазарскаго царства и просуществовали здѣсь до XIII вѣка, вплоть до нашествія новыхъ кочевниковъ — татаръ.

Въ началѣ XIII вѣка во главѣ татарскихъ ордъ Средней Азіи стоялъ знаменитый Чингисъ-ханъ. Его полководцы двинули свои полчища на западъ и про-

шли обычный путь между южными отрогами Уральскихъ горъ и берегами Каспія. Они разгромили сначала половцевъ, а затѣмъ прошли и покорили племена южно-русскихъ степей и одержали побѣду надъ русскими князьями. Внукъ Чингисъ-хана — Батый — совершилъ новый походъ, разгромилъ Русь и устроилъ на низовьяхъ Волги свою Золотую орду. Здѣсь, около нынѣшняго города Царева, Астраханской губерніи, была устроена столица Золотой орды — Сарай. (Вскорѣ послѣ Батыя татары переняли и усвоили мусульманскую вѣру).

Могущество Золотой орды продолжалось, однако, недолго, такъ какъ постоянно тамъ происходили раздоры и междоусобицы. Вскорѣ уже одинъ изъ полководцевъ сарайскаго хана, Ногай, отдѣлился отъ главной орды и основалъ свою Ногайскую орду. Эта орда занимала обширныя степи нашего края между Ураломъ, Волгой и Камой. Въ концѣ XV в. пала Сарайская орда, и на развалинахъ ея образовалось было Астраханское царство, во главѣ котораго сталъ астраханскій ханъ. Но недолго пришлось просуществовать новому царству. Оно разъѣдалось внутренними усобицами и постоянно разорялось то ногаями, то черкесами. Въ 1553 году ногайскій князь сталъ просить Ивана Грознаго посадить на астраханскій престолъ царемъ Дербыша, который тогда жилъ въ Россіи. Но этотъ новый ставленикъ измѣнилъ русскому правительству. Тогда Иванъ Грозный двинулъ войска на Астрахань и окончательно покорилъ ее въ 1556 году.

Со временъ Ивана Грознаго, особенно послѣ взятія Астрахани, русскіе мало-по-малу стали заселять низовья Волги. Вначалѣ, въ теченіе долгаго времени, этотъ край служилъ убѣжищемъ приволжской вольницѣ, которая не признавала надъ собой никакой власти.

Ряды этой вольницы пополнялись людьми, недовольными Москвой, особенно въ жестокія времена Грознаго. Къ нимъ присоединялись люди ничего неимущіе, которые получали наименованіе «голытьбы». Сюда же явилось много люда, не пожелавшаго нести бремя закрѣпощенія къ землѣ, которое начало вводиться въ началѣ XVII вѣка. Правительству трудно было справиться съ этой вольницей, тѣмъ болѣе, что всѣ по-

Рис. 12. Татары въ чайной.

коренныя племена: татары, а затѣмъ и калмыки, башкиры и другія, вначалѣ оказывали очень слабое повиновеніе и постоянно волновались. Голытьба жгла купеческія суда и грабила московскія поселенія мирныхъ жителей на пустынныхъ окраинахъ и берегахъ Волги.

Когда въ Москвѣ начались смутныя времена «междуцарствія», эта понизовая вольница укрывала и поддерживала тѣхъ, кто искалъ спасенія отъ преслѣдованія властей. Въ Астрахани тогда укрывались Заруцкій и Марина Мнишекъ со своимъ сыномъ.[1] Затѣмъ эта

вольница вступила даже въ рѣшительную борьбу съ правительствомъ. Появляются одинъ за другимъ смѣлые, удалые атаманы-вожаки. Особенно прославился знаменитый атаманъ Стенька Разинъ. Онъ поднялъ все Поволжье, и въ 1670 году взялъ Астрахань, благодаря измѣнѣ стрѣльцовъ. Городъ былъ разграбленъ и находился во власти мятежниковъ больше года.

Въ 1705 году въ Астрахани вспыхнулъ «свадебный бунтъ». Стрѣльцы, раскольники и разные бѣглецы, а также и духовенство, недовольное нововведеніями Петра Великаго, стали распускать слухи, что царь хочетъ установить новую вѣру, велитъ кланяться иноземнымъ болванамъ, брить бороду, носить нѣмецкое платье и всѣхъ русскихъ дѣвицъ выдаетъ насильно за нѣмцевъ.

Особенно изъ-за послѣдняго и загорѣлся весь сыръборъ. Астраханцы взбунтовались, убили царскаго воеводу и до 300 человѣкъ бояръ, офицеровъ и дворянъ, особенно нѣмцевъ. Подъ конецъ въ одинъ день сыграли до ста свадебъ.

Въ 1717 году была образована Астраханская губернія, и Астрахань сдѣлана губернскимъ городомъ.

Въ этомъ году было приказано сформировать трехсотенную команду изъ служилыхъ людей и новокрещенныхъ калмыковъ. Но калмыки вскорѣ разбѣжались, и новыя команды набирались уже изъ всякаго сброда. Въ 1750 г. эта команда, увеличенная до 600 чел., получила названіе Астраханскаго казачьяго полка, и для населенія его было отведено мѣсто недалеко отъ Астрахани. Эта первая станица получила названіе Казанбурговской.

Сперва обязанностью казаковъ было конвоированье казенныхъ транспортовъ и лицъ и доставка казенныхъ бумагъ. Затѣмъ они разселились по Волгѣ и по окружающимъ ее степямъ, гдѣ держали свои посты и

служили «блюстителями порядка» среди инородцевъ. Эти же астраханскіе казаки служили второю оборонительной линіей для сдерживанія набѣговъ кочевниковъ изъ Средней Азіи, а первою оборонительной линіей стояли передъ ними казаки уральскіе.

Въ мирное время астраханскіе казаки занимались рыболовствомъ, скотоводствомъ и земледѣліемъ, тамъ гдѣ земля была получше.

Въ настоящее время въ собственности казаковъ находится болѣе 700 тысячъ десятинъ земли, на которой въ 42-хъ поселкахъ живетъ болѣе 25 тысячъ лицъ, принадлежащихъ къ казачьему сословію. Въ мирное время теперь казаки образуютъ одинъ полкъ на службѣ правительству (около 700 челов.), въ военное же время они должны выставить до трехъ полковъ.

Главное управленіе астраханскаго казачьяго войска находится въ Астрахани и состоитъ изъ войскового правленія подъ предсѣдательствомъ наказного атамана, онъ же и астраханскій военный губернаторъ.

VII.

Какъ казаки, такъ и пришлое великорусское населеніе въ Астраханской губерніи мало занимается земледѣліемъ, — природа края не способствуетъ хлѣбопашеству. Лишь малороссы, поселившіеся на Ергеняхъ, да казаки на болѣе плодородныхъ мѣстахъ на берегу Волги воздѣлываютъ землю, но въ общемъ всего собираемаго въ Астраханской губерніи хлѣба не хватаетъ даже для прокормленія населенія губерніи, жителямъ ея приходится покупать хлѣбъ, привозимый изъ сосѣднихъ губерній *).

*) Всего въ Астраханск. губ. собирается ежегодно до 4 милліон. пудовъ хлѣба, а ввозится больше 8-ми милліоновъ.

Скотоводство, кромѣ кочевниковъ, развито у казаковъ и малороссовъ. Вообще по количеству скота на душу населенія Астраханская губернія стоитъ довольно высоко. (На 100 челов. населенія приходится 97 шт. рогатаго скота, 306 овецъ и 33 лошади). Но скотоводствомъ преимущественно занимаются кочевники.

Главное же занятіе казаковъ и великоруссовъ, здѣсь проживающихъ, это — рыболовство. Помимо огромнаго богатства рыбой Каспійскаго моря и нижней Волги, развитію рыболовнаго промысла сильно содѣйствовало и то, что посолъ вылавливаемой рыбы обходится очень дешево. Соль, разбросанная въ неисчерпаемыхъ богатствахъ по всему краю, очень легко доставляется къ берегу великой рѣки и стоитъ совсѣмъ дешево. Всѣ благопріятствующія рыболовству условія привлекли сюда много народа со всѣхъ концовъ Россіи и заселили большой сѣтью рыбачьихъ поселковъ прежде пустынныя берега нижней Волги.

Рыбу ловятъ и выше Астраханской губ. по Волгѣ, но тамъ рыболовство не составляетъ сколько-нибудь значительнаго промысла. Съ каждымъ годомъ количество рыбы, поднимающейся высоко къ верховьямъ Волги и ея притоковъ, все уменьшается. Въ былыя времена дѣло обстояло иначе, и вся Волга была очень рыбной рѣкой. Такъ, когда-то, напр., въ Рыбинскѣ въ изобиліи попадались осетры, бѣлорыбицы и другія цѣнныя рыбы, доставлявшіяся къ царскому двору въ Москву. Теперь отъ этого сохранились лишь воспоминанія да преданіе о томъ, что городъ Рыбинскъ потому и получилъ свое наименованіе, что славился богатыми уловами рыбы. Въ наше время большое промышленное значеніе имѣетъ лишь рыболовство въ низовьяхъ Волги.

Съ громаднымъ количествомъ воды, особенно весной, Волга несетъ массу ила. Этотъ илъ послѣ спада

водъ осѣдаетъ по низменнымъ берегамъ рѣки, по дну и краямъ многочисленныхъ затоновъ, проливовъ — «ериковъ», ильменей и служитъ прекрасной пищей для мошкары, комаровъ, разнаго рода жучковъ и прочей мелкой твари. Обиліе пищи создаетъ неисчислимыя міріады этихъ мелкихъ живыхъ существъ, а они и особенно ихъ личинки, въ свою очередь, являются лакомымъ блюдомъ для молоди разныхъ породъ рыбъ. Рыбѣ нравится также и то, что воды Волги, благодаря незначительному уклону къ морю, текутъ медленно: легко и привольно двигаться вверхъ по теченію. Обиліе рукавовъ, затоновъ, ильменей увеличиваетъ просторъ и приволье для метанія икры. Все это является большой приманкой для рыбы, и она чуть ли не изъ всего Каспія стремится къ устьямъ могучей рѣки. Здѣсь-то у самаго выхода въ рѣку и сосредоточены главные промыслы низового рыболовства.

Еще въ морѣ неисчислимыя количества рыбы собираются значительными массами, «косяками», и двигаются по направленію къ дельтѣ рѣки. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля изъ моря пробираются громаднѣйшіе косяки воблы. Нерѣдко эти косяки положительно запружаютъ отдѣльные рукава дельты. Воблу обыкновенно преслѣдуетъ бѣлуга; прошла эта рыба, и вскорѣ двигается вверхъ щука, лещъ, а затѣмъ и судакъ. Въ среднихъ числахъ апрѣля двигаются огромные косяки «бѣшенки» — астраханской селедки.

Къ концу апрѣля поспѣваютъ отряды севрюги, сома, стерляди и, наконецъ, осетра, которымъ и заканчивается весеннее шествіе рыбы. Позднею осенью двигается бѣлорыбица и минога. У каждой породы рыбъ существуютъ свои правила, которыхъ она придерживается во время шествія вверхъ по Волгѣ. Такъ, сельдь идетъ поверхъ воды и днемъ, осетръ держится

дна и совершаетъ свой путь и днемъ и ночью, вобла идетъ только подъ прикрытіемъ ночи. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время рыбѣ уже трудно подняться по Волгѣ вверхъ на сколько-нибудь значительное разстояніе: почти обязательно она должна попасть въ руки рыболововъ, которыхъ цѣлыя арміи (до 120 тысячъ человѣкъ) сосредоточены у самаго входа изъ моря въ Волгу.

Всѣхъ промысловыхъ рыболовныхъ участковъ въ устьѣ, дельтѣ Волги и взморьѣ насчитывается до 150. Большая часть принадлежитъ казнѣ, которая и сдаетъ ихъ въ аренду съ торговъ. Затѣмъ есть собственныя воды Астраханскаго казачьяго войска, главнаго управленія калмыцкимъ народомъ, монастырскія и разныхъ частныхъ владѣльцевъ.

Недалеко отъ мѣста лова находятся такъ называемые промыслы и ватаги. На нихъ уловленная добыча подвергается обработкѣ и затѣмъ хранится нѣкоторое время. Необходимую принадлежность каждаго промысла составляетъ такъ называемый «выходъ» — ледникъ для сохраненія рыбы, затѣмъ «плотъ» — помостъ. Сюда принимается подвозимая къ промыслу рыба, и отсюда грузятся на баржи приготовляемые на промыслахъ рыбные товары.

На промыслахъ для красной рыбы нерѣдко около плота помѣщается отдѣльное икрянное отдѣленіе и «визижныя палатки», гдѣ вывѣшивается визига *) и сушится клей. На морскихъ промыслахъ къ этимъ рыбопромысловымъ постройкамъ присоединяется еще

*) Визига добывается изъ спинного хребта осетровыхъ рыбъ. Она представляетъ собою длинную хрящеватую прозрачно-бѣлую ленту. При распластываніи рыбы въ хрящевомъ ея позвоночникѣ дѣлается небольшой надрѣзъ, въ него всовываютъ палецъ, которымъ поддѣваютъ и вытаскиваютъ весь длинный шнуръ визиги. Послѣ промывки визига сушится и связывается пучками. Она употребляется въ пищу, особенно въ „солянку“, куда она кладется мелко изрѣзанная.

иногда «балычная» *) и «жиротопля». Для склада разныхъ припасовъ и для храненія орудій лова и рыболовныхъ принадлежностей имѣется амбаръ. Тутъ же вблизи помѣщаются для служащихъ казармы, кашеварни, хлѣбопекарни, иногда — баня и лишь изрѣдка бываетъ аптечка съ небольшой больницей.

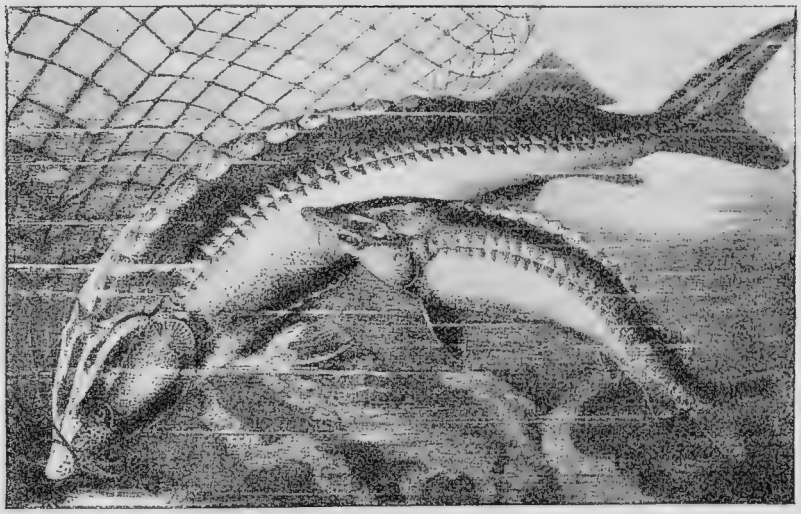

Рис. 13. Бѣлуга и осетръ.

Съ конца февраля всегда на промыслахъ начинаетъ царить большое оживленіе. Наѣзжаетъ масса промышленниковъ, еще больше рабочихъ. Ряды послѣднихъ наполовину состоятъ изъ астраханскихъ калмы-

*) „Балычная“ — помѣщеніе для приготовленія „балыка“. Балыкъ приготовляется такъ. У бѣлуги или осетра отрѣзывается спина и тщательно просаливается въ теченіе 9 — 12 дней. Затѣмъ ее выставляютъ на солнце, гдѣ она вялится. Когда вывѣшенная часть начинаетъ покрываться плѣсенью—балыкъ готовъ. Но надо замѣтить, что приготовить хорошій балыкъ очень трудно. Таковой долженъ отличаться красновато-коричневымъ цвѣтомъ и быть почти прозрачнымъ.

ковъ и киргизовъ. Первые считаются самыми лучшими и выносливыми неводными рабочими. А работа эта чрезвычайно трудна. Она требуетъ большихъ физическихъ силъ и выносливости. Нерѣдко такому рабочему приходится въ теченіе 7—9 часовъ находиться по грудь въ водѣ. Положимъ, для предохраненія отъ холодной воды употребляется особый непромокаемый костюмъ изъ лошадиной кожи—«бахилы». Но, кажется, не бываетъ, чтобы онъ когда-нибудь былъ исправенъ. Вода легко просачивается сквозь одежду, и на рабочемъ не остается сухой нитки. Рѣдко когда помѣщенія для рабочихъ бываютъ хоть сколько-нибудь сносными.

Обыкновенно же имъ приходится жить въ камышевыхъ шалашахъ, землянкахъ, изрѣдка въ круглыхъ войлочныхъ палаткахъ, такъ называемыхъ кибиткахъ, а иногда и подъ открытымъ небомъ. Слабому человѣку, конечно, не выдержать такихъ тяжелыхъ условій, но сильно распространенная тамъ болотная лихорадка не щадитъ и здоровяковъ. За «путину», т.-е. одинъ періодъ лова, напримѣръ, весенній, неводные рабочіе получаютъ 20—30 руб. при готовомъ содержаніи. Даютъ 3 фунта ржаного хлѣба въ день, мелкой рыбы — вволю, понятно; полагается кирпичный чай, а иногда пшено и пшеничная мука.

Къ марту бываетъ уже все налажено: лодки-рыбницы хорошо законопачены, высмолены, исправлены невода, сѣти. Начинаютъ устанавливать неподвижныя сѣти и т. д. На крупныхъ промыслахъ существуютъ даже пароходы, большія баржи для нагрузки улововъ и т. д. Все это бываетъ уже наготовѣ, и ждутъ перваго весенняго хода воблы. Ею, равно какъ и другою важной нашей промысловой рыбой — сельдью, сравнительно лишь недавно стали интересоваться наши низовые рыбопромышленники. Въ настоящее время

Рис. 14. На рыбной ватагѣ, въ низовьяхъ Волги.

добыча этихъ дешевыхъ сортовъ превысила добычу красной рыбы — осетра, севрюги, бѣлуги — раза въ 4—5. Пойманную рыбу на лодкахъ и баржахъ доставляютъ сначала прямо на «плоты». Здѣсь уже рыба сортируется, промывается и потрошится. Тутъ всегда царитъ большое оживленіе.

Рабочіе здѣсь уже другіе, свои «плотовые», среди которыхъ очень много женщинъ — «рѣзалокъ», чрезвычайно бойкихъ особъ — въ холщевыхъ рубахахъ, заправленныхъ въ такіе же штаны. Платятъ имъ меньше, чѣмъ неводнымъ. За весеннюю путину получаютъ 10—20 руб. (мужчинамъ на 2—5 руб. больше). Всегда здѣсь царитъ сильный непріятный запахъ отъ рыбы, особенно въ жаркое время, но онъ поражаетъ только тѣхъ, кто придетъ сюда смотрѣть, а не работать. Тѣ же, кто здѣсь работаетъ, очевидно, совершенно пообвыклись и не чувствуютъ этого непріятнаго запаха.

Однѣ изъ рѣзалокъ ловко распластываютъ бѣлугу, другія быстро рѣжутъ ее на большіе куски. Въ другомъ мѣстѣ занимаются нагрузкой на большую баржу сазана и леща. Быстро и ловко изворачиваясь, эти работницы укладываютъ плотными рядами, «бочками» внизъ, сушеную рыбу. Чтобы рыба какъ можно меньше занимала мѣста, ее придавливаютъ прямо голыми пятками или просто садятся на рыбу, поджавъ подъ себя ноги колачикомъ. Въ весеннюю путину здѣсь обрабатывается громадное количество сельди и воблы. Усталости не замѣтишь у этихъ работницъ, хотя работаютъ онѣ чрезвычайно быстро и безъ замѣтнаго отдыха. Поютъ онѣ себѣ подъ носъ да справляютъ свое дѣло, не спрашивая, много ли сдѣлано и сколько осталось еще. Рыба, предназначенная на храненіе, доставляется на «выхода». Если вы лѣтомъ путешествуете по низовьямъ Волги, то въ такой выходъ-

ледникъ вы пойдете съ удовольствіемъ, чтобы спастись отъ нестерпимой жары, которая царитъ всюду. Не даромъ, впрочемъ, вамъ достается эта прохлада: когда вы подходите къ этому погребу, васъ еще при входѣ обдаетъ неистовой вонью соленой рыбы и тузлука — разсола. Передъ вами — длинная галлерея, посрединѣ опускающаяся на столбы весьма солидныхъ размѣровъ. Освѣщеніе сверху скудное, но достаточное, когда къ нему приглядишься.

Нога уходитъ въ какую-то слякоть, образовавшуюся отъ тузлука съ остатками рыбьихъ продуктовъ. Доски подъ ногами часто подаются, и въ скважины выходитъ тотъ же рыбій вонючій тузлукъ. Внутри галлереи слышатся пѣсни и крики, — рабочій людъ отводитъ страдную истому въ громкой шуткѣ.

Для постройки такого выхода нужно прежде всего вырыть въ землѣ очень глубокую яму, утрамбовать дно ея, залить известкой и постлать хорошими досками.

Вырытое пространство представляетъ громадный ящикъ-ларь. Сверху на него настилается уже полъ, по которому вы ходите и попираете рыбныя богатства, сложенныя въ этомъ ящикѣ. Надъ ящикомъ строится галлерея сажени три въ ширину. Кругомъ галлереи — двойныя стѣны, между которыми набитъ ледъ. Такимъ образомъ, когда вы идете вдоль галлереи, то подъ вами масса рыбы, просаливаемой или хранящейся въ тузлукѣ, а по сторонамъ непрерывный слой льду. Ящикъ подъ вами перегораживается на цѣлый рядъ отдѣльныхъ помѣщеній: колодъ или ларей. Сверху, надъ выходомъ, дѣлается накатъ и густо засыпается землею. Онъ предохраняетъ ледъ отъ нагрѣванія солнечными лучами. Въ самой галлереѣ, на полу — массы бочекъ громадныхъ размѣровъ для рыбы, которая хранится внизу, въ колодахъ и ларяхъ. Когда

нужно отправлять ее вверхъ по Волгѣ, открываютъ колоды или лари, нагружаютъ бочки, доливаютъ разсоломъ — тузлукомъ; затѣмъ плотно забиваютъ бочки и выкатываютъ на берегъ, гдѣ ихъ уже поджидаютъ барки буксирныхъ пароходовъ.

Въ разныхъ мѣстахъ галлереи возятся женщины-работницы. Подходите ближе. Передъ вами громадные куски бѣлуги, каждый пуда въ два-три. Здоровыя работницы съ особенной удалью, легкостью и ловкостью швыряютъ на полъ такой увѣсистый кусъ.

Тутъ его начинаютъ охаживать насыщенными тузлукомъ швабрами. Отполируютъ одну сторону, — перевернутъ на другую. Потомъ швыряютъ его въ ларь. Такимъ образомъ очищается здѣсь раздѣленная ранѣе на куски бѣлужина. Теперь она какого-то бураго цвѣта и далеко не аппетитнаго вида. Воспользуйтесь теперь тѣмъ, что надъ ларемъ приподнятъ люкъ, и взгляните туда. Вашимъ глазамъ открывается громадный ящикъ, аршина въ четыре въ глубину, сверху донизу заваленный массивными кусками бѣлуги. Въ промежуткахъ между ними рыжѣетъ жидкая грязь тузлука.

Вдоль боковыхъ стѣнъ галлереи вы замѣчаете громадныя груды мокрыхъ соленыхъ сазановъ, распластанныхъ по спинѣ.

За послѣднее время получили стоимость такія рыбы, которыхъ раньше мало или вовсе не ловили. Вобла и сельдь, которая прежде, лѣтъ 60 назадъ, въ низовьяхъ Волги не имѣла никакой цѣны, теперь цѣнится довольно высоко; такъ, сельдь дошла въ Астрахани до 50 руб. за тысячу, сухая вобла до 25 рублей. Селедка такъ поднялась въ цѣнѣ не только потому, что она понравилась русскому люду, а и потому, что ее уже успѣли сильно выловить. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и если вылавливать ее будутъ по-

прежнему, то она исчезнетъ совершенно. Селедка идетъ въ устья Волги для того, чтобы, поднявшись, выметать по берегамъ тихихъ заливовъ рѣки свою икру. А тутъ ее на перепутьѣ при входѣ въ рукава многоводной рѣки и перехватываютъ всю цѣликомъ, почти и не оставляя ничего на раззаводъ. Тѣ же косяки, которымъ удастся проскочить первыя западни, почти обязательно должны попасть въ слѣдующія немного

Рис. 15. Промывка рыбы на промыслахъ.

повыше: такъ много развелось теперь ловцовъ и такъ ловко они выхватываютъ изъ воды все, что идетъ вверхъ метать икру.

Въ морѣ красная рыба попадаетъ въ ставныя сѣти. Обыкновенно эти двѣнадцатисаженныя сѣти выставляютъ въ одинъ рядъ — «порядокъ», иной разъ верстъ въ 5 длиною, на глубинѣ отъ 8 — 12 саж. Бѣлугу въ морѣ ловятъ еще и на крючокъ, который наживляютъ живою воблой. Отсюда и названіе такой спасти наживная. Въ рукавахъ Волги для ловли красной рыбы употребляются сѣти разныхъ видовъ и названій.

Плавня производится такъ: на каждой лодкѣ два человѣка и одна сѣть. Къ одному концу сѣти прикрѣпляется съ лодки веревка, къ другому же прилаживается поплавокъ — боченокъ. Лодка пускается на версту по теченію и при этомъ держится постоянно въ одной линіи съ растянутою сѣтью. Затѣмъ лодку поддерживаютъ на веслахъ, чтобъ не снесло теченіемъ, и сѣть выбираютъ.

Далѣе употребляются невода и для рѣчного и для морского рыболовства. Невода морскіе для лова лещей и судаковъ имѣютъ въ длину отъ 300 саж. до версты.

Зимою для лова бѣлуги подо льдомъ въ морѣ снасть тычковая. Это просто громадная уда. Крючковая снасть употребляется исключительно въ морѣ, а въ Волгѣ уже перестали употреблять такой варварскій способъ истребленія. Въ морѣ эта снасть выставляется въ громадномъ количествѣ, такъ что рыба почти не можетъ избѣжать этой массы крючковъ, разставленныхъ во всѣхъ направленіяхъ. Красная рыба, наткнувшись на «порядокъ» снасти, или случайно попадетъ на крючокъ, или, стараясь проплыть между двумя крючками, задерживается ближайшимъ изъ нихъ. Несчастная жертва начинаетъ метаться: задѣвшій крючокъ лишь глубже впивается въ тѣло, да и сосѣдніе крючки впиваются въ свою жертву такъ, что ей ужъ никогда не высвободиться. Стерлядь вылавливается особыми густо разставленными удочками.

Красная рыба, а въ особенности стерлядь, пойманная съ помощью крючковъ такихъ удочекъ и, значитъ, сильно израненная, цѣнится ужъ гораздо ниже той, которая вылавливается сѣтями. Хотя при такомъ способѣ лова иногда изодранная крючками жертва уходитъ и потомъ вскорѣ заболѣваетъ и служитъ источникомъ заразы для другихъ рыбъ, — этотъ способъ истребленія рыбы практикуется еще и до сихъ поръ.

Для лова сома идетъ большая уда, толщиною въ гусиное перо. Уду наживляютъ лягушкой и привязываютъ къ веревкѣ, другой конецъ которой прикрѣпленъ къ лодкѣ. Рыбакъ сидитъ себѣ въ лодкѣ и время отъ времени ударяетъ по водѣ «клокушей» — палкой съ пустой воронкой на концѣ. Получается звукъ въ родѣ лягушечьяго крика, на который и идетъ сомъ. Бьютъ рыбу еще и острогой. Словомъ, пускаютъ въ ходъ всѣ

Рис. 16. Топя на Волгѣ.

средства, всю ловкость и умѣнье, чтобъ не дать рыбѣ пробраться вверхъ.

Наконецъ, для той рыбы, которой какъ-нибудь удалось проскользнуть мимо рукъ рыболововъ, ужъ не найти въ наши времена въ Волгѣ тѣхъ чистыхъ водъ, того приволья, какое было раньше. Волга теперь сильно загрязнена, особенно нефтью, мазутомъ, керосиномъ. Ежегодно милліоны пудовъ этихъ ядовитыхъ продуктовъ попадаютъ въ воду. Рыба отравляется,

гибнутъ безчисленные миріады выметанныхъ рыбьихъ икринокъ и еще больше личинокъ разныхъ насѣкомыхъ, которыя могли бы служить пищей для подрастающихъ мальковъ.

Далѣе хищничество невѣжественныхъ рыболововъ доходитъ до того, что своими мелкоячейными сѣтями они вылавливаютъ не только мелкихъ рыбъ, но и мальковъ. Нерѣдко случается, что такая мелкая рыба при обильныхъ уловахъ остается неиспользованной и ее выбрасываютъ на берегъ. Землей несчастныхъ маленькихъ жертвъ обыкновенно и не успѣютъ прикрыть какъ слѣдуетъ. Эти иной разъ громадныя рыбьи кладбища служатъ источникомъ всякой заразы и долго даютъ себя чувствовать страшнымъ зловоніемъ.

На мѣстѣ рыбы можетъ потребляться, конечно, немного, и вся она почти цѣликомъ направляется къ Царицыну, а оттуда или дальше по Волгѣ, или уже по желѣзной дорогѣ. Черезъ Царицынъ ежегодно проходитъ около 12 милліон. пудовъ разной рыбы и рыбныхъ товаровъ на сумму около 25 милліон. рубл. Въ послѣднее время усилился вывозъ за границу нѣкоторыхъ рыбныхъ продуктовъ, особенно цѣнной икры.

Помимо рыбныхъ промысловъ въ Астраханскомъ краю, точнѣе уже на островахъ и берегахъ Каспійскаго моря, существуютъ еще тюленьи промыслы. Въ послѣдніе годы они приходятъ въ упадокъ, такъ какъ главный продуктъ — добываемый изъ тюленя жиръ — потерялъ свою прежнюю цѣнность. Однако, еще въ 1898 г. изъ Астрахани было вывезено свыше 70 тысячъ пудовъ тюленьяго жира и больше 100 тыс. штукъ тюленьихъ шкурокъ.

Жители низовья Волги занимаются и охотой, какъ промысломъ. Главная охота въ Астраханской губерніи по лѣвому берегу Волги. «Весеннее солнце здѣсь

Рис. 17. Пеликаны.

быстро сгоняетъ снѣгъ съ луговъ и степей. Не успѣла весна улыбнуться, глядишь — въ котловины и лиманы уже набѣжала талая вода; на черныя и желтыя прогалины видимо-невидимо налетѣло всякой птицы. Цѣлый лабиринтъ отмелей и косъ, протоковъ, заливныхъ озеръ-ильменей кишмя кишатъ дичью. Песчаныя понизи у воды, сначала голыя и пустынныя, посѣщаются перелетной птицей, бакланами, пеликанами, чайками.

Широко льются мутныя воды въ обмелѣвшіе ерики, переполняютъ ихъ черезъ край и запружаютъ тихіе ильмени. Стаями снимается всякая птица, — одна на сѣверъ тянется, оглашая воздухъ рыданіями, другая въ камышахъ ищетъ пріютъ себѣ.

Послѣ спада водъ по берегамъ ильменей осѣдаютъ безчисленныя массы утокъ, куликовъ, караваевъ. Но только съ сентября дичь жирна и заманчива. Больше тысячи человѣкъ въ низовьяхъ Волги, главнымъ образомъ, въ Астраханскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ, занимаются промысловой охотой.

VIII.

Въ XIX вѣкѣ съ окончательнымъ умиротвореніемъ Поволжья началось мирное развитіе Астрахани. Оно пошло особенно успѣшно со времени освобожденія крестьянъ и съ учрежденіемъ на Волгѣ пароходства. Въ 60-хъ годахъ населеніе Астрахани не составляло и половины теперешняго. За эти 40 лѣтъ городъ успѣлъ чрезвычайно разрастись и теперь является первымъ на Волгѣ городомъ по своимъ торговымъ оборотамъ, которые достигаютъ въ годъ 100 милліоновъ рублей. Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу у главнаго русла Волги и занялъ на низменномъ островѣ громадную площадь — въ 10 верстъ длины и 5 ширины.

Низменная равнина, на которой лежитъ Астрахань, возвышается надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ немного больше сажени, и лишь самое высокое мѣсто, «Заячій бугоръ», на которомъ расположенъ кремль, возвышается надъ рѣкой саженъ на 6. Ясно, что громадная часть города заливалась бы разливами Волги, которые поднимаютъ весной ея уровень почти на двѣ сажени, если бы городъ не былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ

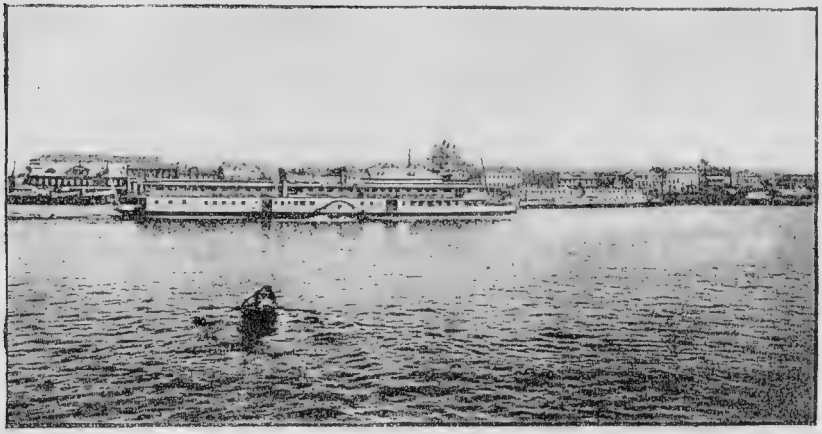

Рис. 18. Видъ Астрахани съ Волги.

двухсаженными земляными валами. Для пониженія уровня воды въ половодье, чтобы создать болѣе быстрый стокъ воды, астраханцы прокопали каналъ, соединяющій Волгу съ ея притокомъ Кутумомъ и названный Варваціевымъ по имени богача, который на свой счетъ окончивалъ его прорытіе.

Величественный видъ имѣетъ у Астрахани Волга, доходящая до трехъ верстъ въ ширину и медленно катящая свои волны уже недалеко отъ своего пристанища — Каспія. Когда по ней подъѣзжаешь къ Астра-

хани, то прежде всего бросается въ глаза высокій храмъ — Успенскій соборъ, выстроенный въ 1710 году еще при Петрѣ Великомъ, возвышающійся надъ всѣмъ городомъ. Этотъ храмъ стоитъ въ Астраханскомъ кремлѣ. Отъ его колокольни начинается главная улица — Московская, очень узкая, окаймленная съ обѣихъ сторонъ армянскими лавчонками и подвалами. На ней разбиты два небольшихъ садика для гулянья.

Вообще городъ не отличается внутренней чистотой. Большая часть улицъ не вымощена, нѣтъ канализаціи, вода въ водопроводѣ фильтруется плохо. Пыльныя улицы не метутся, не поливаются.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Варваціевъ каналъ сливается съ Волгой, находится такъ называемый «портъ». Этотъ портъ основалъ еще Петръ I и завелъ здѣсь постоянныя военныя суда. Но устье Волги и море при впаденіи въ него громадной рѣки очень мелки и отличаются измѣнчивымъ днемъ. Большія суда не могутъ изъ моря приходить въ Астрахань, и потому мѣсто для порта было выбрано неудачно. Впослѣдствіи портъ былъ перенесенъ въ Баку, а прежнее его мѣсто съ сохранившимся названіемъ «порта» отдано въ аренду пароходной компаніи.

Изъ 125 тысячъ жителей Астрахани большая часть — около 85 т. — православныхъ (15-й городъ въ имперіи по количеству населенія). На развитіе духовной жизни указываютъ 5 библіотекъ города, одна общественная и двѣ издающихся въ Астрахани газеты.

Но, несмотря на значительное преобладаніе русскихъ, въ общемъ Астрахань носитъ и теперь еще характеръ пестраго азіатскаго города. Попадете вы въ городъ, говоритъ Немировичъ-Данченко, и всюду, особенно на пристани, васъ поражаетъ необыкновенное разнообразіе костюмовъ и лицъ. Бухарцы въ зеленыхъ халатахъ и пестрыхъ чалмахъ,

Рис. 19. Успенскій соборъ въ Астрахани.

армяне въ черныхъ чухахъ, расшитыхъ позументомъ, рядомъ же краснобородые *) персы съ правильными, красивыми чертами лица, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ и калмыки въ лохмотьяхъ и съ голой грудью. Въ толпѣ порою мелькаютъ длинныя бѣлыя чарды армянокъ; вся въ красномъ, гремя серебряными монетами безчисленныхъ своихъ подвѣсокъ, пробирается бога-

Рис. 20. Пристань въ Астрахани.

тая калмычка; а тамъ, среди бѣдняковъ ногайцевъ — прежнихъ властителей Астрахани — между ихъ сѣрыми валяными шляпами — желтое лицо калмыцкаго жреца — гелюнга. И тутъ же ярко горятъ на солнцѣ красныя рубахи русскихъ поволжанъ. Вся эта восточная толпа молча дѣлаетъ свое дѣло, только русскіе горланятъ

*) Обладая черной отъ природы бородой, персы окрашиваютъ ее въ красный цвѣтъ.

во всю мочь, перешучиваясь съ астраханскими казаками, между которыми тоже не мало калмыцкихъ лицъ. Все здѣсь въ диковинку въ этомъ ханскомъ городѣ, начиная отъ зеленыхъ халатовъ бухарцевъ до скуластыхъ богатырей, отъ полукитайскаго калмыцкаго храма — хурула до сплетенной изъ ивняка, заливаемой вешней водой мазанки бѣднаго ногая. Вездѣ видно крупное, кипучее дѣло. Изъ конторы въ контору снуетъ дѣловой людъ. Тутъ армянинъ сдаетъ свой грузъ судовому приказчику, тамъ бойкій саратовскій мѣщанинъ, разсыпая тысячи остротъ и прибаутокъ, приторговывается къ лещу и судаку. Капитаны пароходовъ озабоченно суетятся между пристанями; кучка рыболововъ разлеглась въ тѣни громадныхъ возовъ и спитъ себѣ спокойно среди общей суеты.

Большинство улицъ застроено небольшими многомного двухъэтажными каменными домами. Впечатлѣніе монументальности производитъ кремль, построенный въ послѣдніе годы царствованія Грознаго, т.-е. въ концѣ XVI столѣтія. Бѣлыя стѣны его безпадежно слѣпятъ вамъ глаза и отражаютъ на все солнечные лучи, когда вы проходите мимо. Тѣмъ не менѣе, ихъ облупившіяся массы, старинныя башни, производятъ среди этой татарщины странное впечатлѣніе. Предъ вашими глазами быстро проносятся картины безчисленныхъ осадъ, взятій, мятежей, волненій.

Лѣтомъ въ городѣ страшный зной, но уже цѣлая пытка для пѣшехода — это тончайшая бѣлая пыль. Какова бы ни была погода, хоть и вѣтра нѣтъ, вы черезъ нѣсколько минутъ оказываетесь какъ бы осыпаннымъ мукою. Вы ею дышите, она засоряетъ вамъ глаза, въ ротъ лѣзетъ, въ носъ, уши. Лѣтомъ въ полдневную жару улицы, дома, — мертвые. Дома точно очки зеленыя надѣли — вездѣ спущены жалузи, а въ армянскихъ и татарскихъ попросту ставни закрыты.

Вотъ персидскій дворъ и базаръ — громады бѣлокаменныя съ колоннами. Сидя на ступеняхъ своихъ лавокъ, сладко дремлютъ персы. Позади ихъ цѣлые вороха фруктовъ и дешевыхъ мануфактуръ. Тамъ же склады желѣза, мѣди, посуды, бумаги писчей и оберточной, бумажныхъ и другихъ тканей; все это повезутъ на рынки Персіи и Средней Азіи. Рядомъ съ этими складами — другіе; тамъ сложены грузы, идущіе изъ Персіи и Средней Азіи. Тутъ хлопчатая бумага цѣлыми горами, шелковыя пестрыя ткани, древесный клей, пшено, фрукты и чернильные орѣшки. Вотъ цѣлый рядъ бурдюковъ съ виномъ ногами вверхъ. Около 300 мил. пудовъ ежегодно прибываетъ грузовъ къ Астраханскимъ пристанямъ съ береговъ Каспійскаго моря, главнымъ образомъ, нефти, а съ Волги около 50 мил. пудовъ. Вверхъ по Волгѣ отправляетъ Астрахань ежегодно свыше 200 мил. пудовъ. Громадную роль во всей торговлѣ Астрахани играютъ и мѣстныя богатства края. Такъ, изъ калмыцкихъ степей въ Астрахань пригоняютъ на продажу большія партіи скота, изъ сосѣднихъ озеръ — соль, съ Волжской дельты и взморья — рыбу, а изъ окрестныхъ селъ — виноградъ. Ежегодно около 70 тыс. пудовъ винограда отправляется вверхъ по Волгѣ. Площадь, занимаемая виноградниками въ Астраханской губерніи, достигаетъ тысячи десятинъ. Вина производится около 20 тысячъ ведеръ, но оно не обладаетъ особеннымъ достоинствомъ. Сады и виноградники расположены въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ Астрахани, а также въ г. Красномъ Ярѣ и въ Царевѣ.

Уѣздные города Астраханской губерніи не особенно велики, въ нихъ насчитывается тысячи по три жителей.

По берегу Волги и праваго рукава ея Ахтубы разбросаны большія селенія и казачьи станицы. Однимъ изъ такихъ крупныхъ селеній является *Владимировка,*

съ населеніемъ около 7 тысячъ человѣкъ, преимущественно малороссовъ. Сюда проведена желѣзная дорога съ соляного озера Баскунчака, здѣсь работаетъ много солемольныхъ мельницъ, и вообще на всемъ видна печать соляной промышленности. На правомъ берегу Волги ниже Владимировки расположился уѣздный городъ *Черный Яръ*. Берегъ, на которомъ онъ стоитъ, постепенно подмывается водою, и жителямъ его приходится переносить свои дома все дальше отъ сердитой рѣки, въ которую иногда вмѣстѣ съ берегомъ обрушиваются и строенія.

Въ верхней части Ахтубы находится уѣздный городъ *Царево* съ 7 тыс. жителей. Мѣстность, въ которой онъ лежитъ, принадлежитъ къ числу самыхъ тяжелыхъ по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Здѣсь былъ Сарай, знаменитая столица хановъ Золотой орды. Здѣсь ковались цѣпи двухвѣкового рабства Россіи; сюда стекались на поклонъ князья — данники монгольскаго народа и раболѣпно вымаливали у хановъ ярлыки на княжества; здѣсь тысячами томились въ тяжкой неволѣ русскіе плѣнники и сложилъ голову не одинъ русскій князь.

IX.

Уральскіе казаки.

Изъ пѣсенъ уральскихъ казаковъ.

I.

Какъ за рѣчкою то было за Утвою,
За Утвинскими то было за горами...
Да распахана тамъ пашня яровая.
Пашня пахана не плугомъ, не сохою,
Она пахана булатными копьями,
Взборонена конскими копытами...

И засѣяна та пашня яровая
Все казачьими удалыми головами...
Кто польетъ тебя, развѣ съ неба дождикъ,
Иль источитъ слезы мать родная...

II.

Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ сынъ Горыновичъ!
Про тебя ли, про Яикушку,
Идетъ слава добрая,
Про тебя ли про Горыныча,
Идетъ рѣчь хорошая:
Золочено у Яикушки
Его было донышко,
Серебряны у Яикушки
Его были краешки,
Жемчужные у Горыныча
Его круты бережки.

На западѣ отъ рѣки Урала до самой границы Уральской области съ Астраханской губ. неширокой полосой протянулись такъ называемыя «Земли Уральскаго казачьяго войска». Влѣво отъ нихъ лежатъ земли киргизской Букеевской орды, а вправо раскинулась обширная киргизская степь. Такимъ образомъ, между обширными киргизскими степями лежитъ сравнительно небольшая полоска земли, заселенная русскою народностью — казаками. Казаки, конечно, не коренное населеніе въ этихъ степяхъ, на самой границѣ Европы и Азіи, гдѣ раньше лишь бродили кочевники.

Заселеніе теперешней земли Уральскаго казачьяго войска русскими людьми относится къ XVI столѣтію. Оно началось послѣ пораженія, которое нанесли волжской вольницѣ царскія войска въ 1577 году. Разби-

тая вольница тогда разбрелась въ разныя стороны: одни къ Камѣ и Чусовой, другіе къ Тереку, третьи къ Яику *). Часть послѣднихъ подъ предводительствомъ Ермака направилась въ Сибирь, а другая часть, поднявшись вверхъ по рѣкѣ, разорила столицу ногайскихъ татаръ Сарайчикъ (верстахъ въ 60 отъ устья) и, поплывъ еще выше, основалась нѣсколько сѣвернѣе нынѣшняго Уральска. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились выходцы со всевозможныхъ частей Россіи, и такимъ путемъ образовалось Яицкое войско.

Казаки разъѣзжали по Каспійскому морю, нападали на торговыя персидскія суда и грабили приморскія селенія. Какъ быстро увеличивалось число пришлыхъ къ нимъ людей, можно уже судить потому, что въ 1591 году въ походѣ противъ «непослушника царскаго», Шеквальскаго, участвовало 500 человѣкъ казаковъ. Это была первая служба яицкихъ казаковъ русскому правительству, и съ этого года считается официальное начало существованія Яицкаго, нынѣ Уральскаго войска.

Въ началѣ XVIII ст. казаковъ было около 3 тысячъ, а еще черезъ столѣтіе — уже 50 т. Яицкіе казаки послушно несли службу по наряду московскаго приказа, но дома сохраняли свой прежній способъ управленія, въ основѣ котораго лежали свобода и совершенное равенство всѣхъ отъ атамана до послѣдняго бѣдняка — казака. Всѣ общественные вопросы рѣшались въ «кругахъ», происходившихъ обыкновенно на площади или у атаманскаго дома. Народъ созывался колокольнымъ звономъ, и дѣла обсуждались чрезвычайно просто. Собравшимся казакамъ разъяснялось дѣло, и затѣмъ предлагалось рѣшеніе его съ вопросомъ: любо ль, или не любо? Войсковой атаманъ и

*) Такъ называлась раньше рѣка Уралъ.

ёго помощники — есаулы — были лишь исполнителями народной воли. Право суда и расправы принадлежало одному народу, и приговоры произносились всѣмъ войскомъ. Въ куль — да въ воду за измѣну, трусость, убійство и воровство. Вотъ какъ рѣшали обыкновенно казаки свои дѣла.

Послѣ подчиненія казаковъ русскому царю, который далъ казакамъ грамоту на «владѣніе рѣкою Яикомъ съ сущими при ней рѣки и притоки и со всѣми угодьями отъ вершинъ той рѣки и до устья», внутреннее устройство ихъ сохранилось прежнимъ, правительство только обязало казаковъ выставлять, когда требовалось, готовыхъ къ бою воиновъ, и стало выдавать имъ порохъ, свинецъ и жалованье.

Правительству было очень выгодно поселеніе казаковъ по Яику, такъ какъ они явились здѣсь защитниками земли русской отъ вторженія кочевниковъ. Вся заяицкая сторона была тогда дикою степью, открытою дверью для степного народа, который то и дѣло, «перелѣзши» черезъ Яикъ, устремлялся на Волгу и даже въ заволжскую Русь, налетая какъ вихрь и какъ вихрь опять теряясь въ своихъ степяхъ, угоняя скотъ и плѣнниковъ на хивинскіе и бухарскіе рынки.

Поэтому правительство поддерживало заселеніе Яика казаками, и даже само вызывало туда охотниковъ селиться. Такимъ путемъ образовалась цѣлая охранная линія, въ которую, кромѣ яицкихъ, входили казаки оренбургскіе и сибирскіе; вторую линію за уральскими составляли астраханскіе казаки. Но для того, чтобы охрана эта была дѣйствительной, правительству, конечно, было выгодно сдѣлать казаковъ послушными его волѣ. Для этой цѣли со стороны правительства и стали исходить различныя реформы казачьяго строя, которыя должны были привести казаковъ въ положеніе, общее всѣмъ россійскимъ под-

даннымъ. Но казаки очень дорожили своими обычаями и порядками, которыя такъ своеобразно сложились и своею «волею», которую они горячо любили.

Вся ихъ исторія представляетъ борьбу за старые порядки, за старую вольность. Въ этой борьбѣ съ русскимъ правительствомъ, стремившимся ввести у казаковъ общее управленіе съ остальной имперіей, казаки выказали удивительную энергію и стойкость. Первыя, ограничивающія вольность, мѣры противъ яицкихъ казаковъ предпринялъ Петръ Великій. Тогда же возстаніе ихъ противъ этихъ мѣръ было жестоко усмирено, и впервые вмѣсто выборнаго атамана имъ былъ назначенъ атаманъ императоромъ.

Въ слѣдующія царствованія попытки преобразованій строя продолжались. Правительствомъ въ войскѣ была учреждена канцелярія, на притѣсненія которой казаки жаловались постоянно, но добиться своего права не могли. Нѣсколько разъ ихъ мятежи правительству приходилось усмирять вооруженной силой. Въ одинъ изъ такихъ мятежей возмутившіеся казаки убили генерала Траубенберга, войскового старшину и учредили новую канцелярію. Но подоспѣвшій генералъ Фрейманъ разбилъ ихъ около Яицкаго городка. Съ возмутившимися было поступлено строго. Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ, около ста сорока человѣкъ сослано въ Сибирь, другіе отданы въ солдаты. Эти строгія мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было ненадежно. Казаки раздѣлились тогда на двѣ стороны: согласную и несогласную. Тайныя совѣщанія несогласныхъ происходили въ степи по отдаленнымъ хуторамъ. Готовился новый мятежъ, который вскорѣ и разразился со страшной силой. Онъ получилъ въ исторіи названіе Пугачевскаго бунта по имени своего главнаго участника — Пугачева.

Родомъ донской казакъ, Пугачевъ въ молодости вмѣстѣ съ другими товарищами былъ взятъ въ походъ въ Пруссію. Послѣ этого похода ему привелось побывать и въ Польской и въ Турецкой кампаніяхъ, откуда, заболѣвши, онъ отправился домой. Но неугомонному любителю приключеній не сидѣлось дома около своей жены и дѣтей, и вся его послѣдняя жизнь была полна скитаній. Пугачевъ побывалъ и на Кавказѣ и опять въ Польшѣ. Какъ бѣглецъ изъ своего войска, онъ боялся открыть свое имя и подъ видомъ польскаго переселенца отправился оттуда опять въ Россію. Поживъ среди казаковъ какъ разъ во время ихъ бунтовъ и суда противъ бунтовщиковъ, Пугачевъ, конечно, видѣлъ враждебное настроеніе казаковъ къ правительству.

Въ то время распространился слухъ о томъ, что Петръ III-й появился около Царицына. Тогда Пугачеву пришла мысль самому объявиться царемъ и склонить на свою сторону недовольныхъ яицкихъ казаковъ.

Но, выданный однимъ изъ тѣхъ, кого онъ убѣждалъ въ своемъ царскомъ происхожденіи, Пугачевъ былъ схваченъ и посаженъ въ Казанскую тюрьму. Однако, изъ тюрьмы ему удалось бѣжать, и послѣ этого онъ появляется въ хуторахъ уже въ окрестностяхъ Яицкаго городка и увѣряетъ казаковъ, что онъ— свергнутый съ престола своей женой Екатериной императоръ Петръ III-й. Недовольнымъ и уже совершенно готовымъ къ возстанію казакамъ, самозванецъ былъ какъ нельзя болѣе на руку. Конечно, что общаго было между Петромъ III-мъ, изнѣженнымъ герцогомъ Голштинскимъ, воспитаннымъ при нѣмецкомъ дворѣ и лишь случайно сдѣлавшимся русскимъ императоромъ, и между неграмотнымъ, грубымъ и отчаяннымъ бродягой — Пугачевымъ?.. Тѣ смышленые казаки, которые руководили возстаніемъ, конечно, не могли по-

вѣрить этой баснѣ, а впослѣдствіи на допросѣ и самъ Пугачевъ говорилъ, что яицкіе казаки сами убѣдили его принять на себя это имя. Но темная чернь, благодаря всюду повторявшемуся слуху, что Петръ III-й живъ, охотно вѣрила Пугачеву, и это было для казаковъ, желавшихъ возстанія, очень выгодно. Раздраженіемъ противъ правительства казаковъ и крайнимъ угнетеніемъ приволжскихъ крестьянъ помѣщиками-крѣпостниками и объясняется громадный успѣхъ этого бунта.

Осенью 1773 года съ вооруженной толпой человѣкъ въ 300 Пугачевъ подступаетъ къ Яицкому городку. Тотчасъ же казаки начинаютъ переходить на его сторону, и Пугачевъ окружаетъ осадой засѣвшаго въ «ретраншементѣ» *) коменданта городка Симонова съ тысячью оставшимися ему вѣрными казаками и солдатами.

Одну за другой Пугачевъ беретъ затѣмъ цѣлый рядъ крѣпостей, которыя были выстроены для защиты отъ кочевниковъ — и все благодаря измѣнѣ казаковъ. Правительственныя войска не могли даже защитить Оренбурга, и Пугачевъ его осаждаетъ.

Во всей юго-восточной части Европейской Россіи наступаетъ полная анархія. Всѣ инородцы — башкиры, калмыки, киргизы — вспоминаютъ прежнюю волю и прежніе набѣги. «Ворота въ Азію» широко раскрываются, и черезъ незащищенную границу врываются за добычей толпы азіатскихъ киргизовъ.

Между тѣмъ Оренбургъ и Яицкій городокъ продолжаютъ осаждаться яицкими казаками и Пугачевымъ.

«Ретраншементу» Яицкаго городка пришлось выдержать тяжелую осаду. Казаки нѣсколько разъ подъ предводительствомъ Пугачева яростно штурмовали эту

*) Небольшая крѣпость среди Яицкаго городка.

маленькую твердыню. Особенно участились приступы, когда Пугачевъ, женившись на яицкой казачкѣ Устиньѣ, сталъ навѣдываться изъ-подъ Оренбурга въ Яицкій городокъ почаще. Каждое его прибытіе знаменовалось приступомъ, въ одинъ изъ которыхъ осаждающими была даже взорвана колокольня собора, находившагося среди крѣпостцы. Но мужественный гарнизонъ отразилъ всѣ атаки.

До весны продержался Симоновъ со своимъ гарнизономъ въ осадѣ, и когда уже имъ грозило или сдаться или погибнуть отъ голода, неожиданно пришло избавленіе.

Пугачевъ былъ разбитъ правительственными войсками, и, напуганные его пораженіями, жители Яицкаго городка связали своихъ атамановъ и съ повинной головой явились къ Симонову. Такъ кончилась осада Яицкаго «ретраншемента»; но Пугачевскій бунтъ еще не кончился.

Разбитый Пугачевъ бѣжалъ на Уральскіе заводы и опять сталъ собирать себѣ «войско». Съ этимъ войскомъ, переправившись черезъ Каму, онъ бросился на Казань, которую и взялъ приступомъ. Вся Казань была обращена въ развалины и груду горящихъ углей...

Разбитый и тамъ подоспѣвшими правительственными войсками, Пугачевъ переправляется черезъ Волгу и на западную сторону могучей рѣки переноситъ поголовное возстаніе.

Несмотря на пораженія Пугачева, населеніе встрѣчало его сочувственно. До такого состоянія дошелъ народъ, угнетаемый помѣщиками, нужды котораго никѣмъ не защищались въ тѣ времена полнаго безправія, что стоило Пугачеву объявить народу вольность, истребленіе дворянскаго рода и отпущеніе повинностей, какъ крестьяне тотчасъ же стали переходить на его

сторону. Господскіе крестьяне поднимались противъ помѣщиковъ, иновѣрцы и новокрещеные убивали священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и отовсюду приводила къ Пугачеву.

Нижегородскій губернаторъ писалъ, что участь Казани ожидаетъ и Нижній и что нельзя отвѣчать и за Москву...

Но Пугачевъ не имѣлъ намѣренія итти на старую столицу.

Окруженный отовсюду войсками правительства, не довѣряя своимъ сообщникамъ, онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была пробраться за Кубань или въ Персію.

Пугачевъ бѣжалъ, но бѣгство это казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были такъ ужасны, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силой. Вскорѣ была взята Пугачевымъ Пенза, и онъ устремился къ Саратову. Саратовъ былъ взятъ и разграбленъ, а всѣ попавшіеся дворяне повѣшены. Лишь недалеко отъ Царицына настигъ, наконецъ, Пугачева генералъ Михельсонъ и разбилъ его окончательно.

Пугачевъ опять переправился черезъ Волгу. Въ это время для борьбы съ нимъ былъ вызванъ знаменитый Суворовъ. Съ михельсоновымъ отрядомъ углубился великій полководецъ въ Киргизскую степь искать Пугачева.

Пугачевъ хотѣлъ итти къ Каспійскому морю, но окружающіе его казаки уже видѣли дѣло проиграннымъ и рѣшили его выдать. 14 сентября схватили они Пугачева и привезли его въ Яицкій городокъ.

Тутъ онъ началъ свою громкую карьеру, тутъ ему суждено было ее и окончить.

Вскорѣ прибылъ сюда и Суворовъ, и Симоновъ сдалъ ему Пугачева.

Самъ великій полководецъ повезъ его въ деревянной клѣткѣ въ Москву для казни...

Такъ кончилъ свою бурную жизнь этотъ неграмотный бродяга, заставившій дрожать величайшее государство...

Казаки жестоко поплатились за Пугачевскій бунтъ. «Для преданія всего случившагося полному забвенію» повелѣно было Яицкихъ казаковъ переименовать въ Уральскихъ и рѣку Яикъ — въ рѣку Уралъ.

Войсковой кругъ и народное правленіе были отмѣнены; право выбора войсковыхъ атамановъ окончательно отошло къ правительству. Лишь Потемкинъ испросилъ у императрицы прощеніе казакамъ и настоялъ, чтобы при войсковомъ атаманѣ была попрежнему войсковая канцелярія.

Но взамѣнъ разрушеннаго народнаго правленія съ его кругомъ и войсковой избой, надо было издать какое-либо положеніе для вновь назначенной администраціи. Первое такое положеніе относится къ 1803 г. Оно касалось какъ военнаго устройства и способа отбыванія воинской повинности, такъ и гражданскаго управленія краемъ, которое было сосредоточено въ войсковой канцеляріи, учрежденной на новыхъ началахъ.

Положеніе 1803 года особенно не понравилось казакамъ измѣненіемъ ихъ военныхъ порядковъ.

Послѣдней вспышкой борьбы за старину противъ нововведеній были безпорядки 1874 года, вызванные, впрочемъ, въ значительной степени недоразумѣніемъ и нетактичностью начальства.

Поводомъ къ волненіямъ послужило слѣдующее обстоятельство: оренбургскому генералъ-губернатору пришла несчастная мысль потребовать у казаковъ общую подписку въ томъ, что «я, такой-то, обязуюсь повиноваться распоряженіямъ высшей власти». Эта безпред-

метная и ни къ чему не нужная «подписка» всколыхнула все казачество.

Со стороны администраціи было полное незнакомство съ духомъ казачества, со стороны казаковъ полное и глубочайшее недовѣріе къ посредствующему начальству, имѣющее свои корни въ злополучной и залитой кровью исторіи Яика...

Оренбургскій генералъ-губернаторъ безъ всякой надобности раздулъ исторію въ цѣлый бунтъ. Казаковъ высылали въ Сибирь, къ Аму-Дарьѣ и на Аральское море. Гнали этихъ «уходцевъ» двумя путями.

Однихъ черезъ Уральскій мостъ у города Уральска, Киргизскою степью, другихъ черезъ верховыя станицы до Илека, а тамъ опять за Уралъ... Каждый разъ, какъ изгнанниковъ перегоняли на «степную» сторону, — происходили раздирающія сцены. Казаки сбивались въ кучу и, обнявшись, со слезами, не хотѣли уходить съ родной земли. Избитые нагайками старики и молодые сбивались въ кучу, а оторванные отъ нея, ползли по землѣ къ своимъ... Теперь по манифестамъ большинство уходцевъ уже вернулись на родину...

— Отличные казаки! — говорятъ про нихъ офицеры. — Но подписки и теперь ни за что не дали бы...

X.

Въ 1868 году Уральское войско было включено въ составъ вновь образованной Уральской области, въ которую, кромѣ казаковъ, вошли киргизы, обитавшіе за Ураломъ.

Такимъ образомъ, зависимость войска отъ Оренбурга прекратилась, и прежній наказной атаманъ уральскихъ казаковъ сдѣлался губернаторомъ новой области. Явилось тогда и губернское правленіе, и ка-

зенная палата, и судъ, и управленіе государственныхъ имуществъ.

Войсковая канцелярія была упразднена и вмѣсто нея было учреждено *войсковое хозяйственное правленіе*, на которое были и возложены главныя заботы управленія краемъ. Назначенные тогда въ составъ правленія выборные и депутаты, были впослѣдствіи отмѣнены, и теперь въ составъ правленія входятъ лишь чиновники, назначаемые правительствомъ.

Такимъ образомъ, всякіе остатки прежней вольности казаковъ были уничтожены, и все управленіе перешло въ руки правительственныхъ чиновниковъ. У казаковъ нѣтъ даже земства. Единственное учрежденіе, въ самой слабой степени позволяющее самимъ казакамъ принимать участіе въ управленіи краемъ — это *общій съѣздъ выборныхъ отъ станичныхъ обществъ*. Но и этому «съѣзду уполномоченныхъ» не дано рѣшающаго голоса. Онъ служитъ какъ бы дополненіемъ къ хозяйственному правленію, отъ котораго и зависитъ принять или не принять постановленіе съѣзда.

Большія измѣненія были также произведены въ способѣ отбыванія казаками воинской повинности, въ ихъ обычаѣ «наемки» на военную службу, — обычаѣ, изъ-за котораго когда-то войско готово было принять какое угодно усмиреніе.

До 1874 года воинская повинность отбывалась казаками по системѣ «чистой наемки» въ томъ ея видѣ, въ какомъ она явилась тому назадъ по крайней мѣрѣ два столѣтія. Для отбыванія военной службы среди казаковъ вызывались охотники, которые получали отъ остающихся дома казаковъ «наемку» или «подмогу», т.-е. извѣстную сумму денегъ. Другими словами, остающіеся дома казаки какъ бы нанимали охотниковъ служить, но наемъ этотъ не имѣлъ и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ наймомъ отдѣльными

лицами такихъ же отдѣльныхъ лицъ въ рекруты, который бывалъ среди богатыхъ крестьянъ во внутренней Россіи. Здѣсь наемка представляла не частное дѣло, а общественное, — дѣло цѣлой Уральской общины казаковъ, всего Уральскаго казачьяго «войска», и имѣла коренную связь со всѣмъ укладомъ жизни общинниковъ. Дѣло въ томъ, что уральскіе казаки привыкли всѣ требованія правительства выполнять цѣлой общиной, всѣмъ «войскомъ», распредѣляя уже по-своему между населеніемъ всю тяготу этихъ требованій. Правительство требуетъ, напримѣръ, выставить извѣстное число вооруженныхъ и вполнѣ снаряженныхъ воиновъ. Въ войскѣ ведется счетъ всѣмъ, могущимъ итти на службу казакамъ. Вотъ войско и разсчитываетъ, изъ какого числа людей долженъ итти одинъ человѣкъ? И вмѣсто того, чтобы итти по очереди или бросать жребій, войско предоставляло итти желающимъ, въ которыхъ недостатка никогда не было, тѣмъ болѣе, что остающіеся давали идущимъ по взаимному соглашенію довольно крупную сумму денегъ — «подмогу». Для опредѣленія этой суммы устраивался настоящій торгъ, и цѣна наемки колебалась подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Затѣмъ сумма наемки, на которой сходились наемщикъ и наниматели, раскладывались по равной части на каждаго нанимателя.

Положеніемъ 1874 года эта «чистая наемка» вольныхъ охотниковъ была устранена. Каждый казакъ сдѣлался обязанъ отбыть опредѣленный срокъ службы (3 года, а имѣющіе льготу — 1 годъ), а затѣмъ или служить дальше до 36 лѣтъ или внести наемку. Такимъ образомъ, въ рядахъ «охотниковъ» явились «обязательные», и система отбыванія воинской повинности стала носить двойственный характеръ: прежняго вольнаго найма, съ одной стороны, и обязательной службы — съ другой. Распоряженіями мѣстной власти

были произведены еще болѣе крупныя измѣненія наемочной системы.

Съѣздъ казаковъ въ Уральскъ для производства самаго найма былъ отмѣненъ, и самое опредѣленіе размѣра «наемки» стало дѣлаться или штабомъ войскъ Уральской области или хозяйственнымъ правленіемъ, а не путемъ торга и взаимнаго соглашенія.

Эти измѣненія произвели существенную ломку прежняго порядка отбыванія повинности. Дѣйствительно, хотя идущій на службу казакъ собирается, какъ и прежде, не на свой счетъ, а получаетъ «подмогу», но это пособіе выдается ему прямо изъ «пѣтчикова» капитала, т.-е. капитала, въ который стекаются всѣ деньги, идущія на подмогу войска.

Самаго найма не стало; казаки, внося извѣстную сумму, уже опредѣленную штабомъ или хозяйственнымъ правленіемъ, не знаютъ, кто за нихъ пойдетъ на службу, и не нужно имъ хлопотать съ поисками товарищей по найму и самого охотника.

Сознательнаго отношенія ко всѣмъ нарядамъ и расчетамъ, той общей всѣмъ казакамъ особенной заботливости объ исправности и щеголеватости выступающихъ на царскую службу командъ, — теперь не можетъ уже быть въ той мѣрѣ, какъ прежде.

Наемка, которую платили казаки, состояла изъ суммы довольно значительной. Иногда она превышала для каждаго нанимающаго 100 рублей въ годъ. Что же касается размѣра «подмоги» для каждаго нанятаго, то она сильно колебалась въ зависимости отъ той службы, для которой призывался охотникъ. Съ 1883 г. она стала лишь довольно постоянной, именно рублей 300.

Правительство требуетъ теперь отъ войска въ мирное время 3 конныхъ полка, т.-е. приблизительно $2^1/_2$ тысячи нижнихъ чиновъ, и снаряженіе ихъ обходится всему войску ежегодно около 300 тыс. рублей,

а со всѣми остальными расходами военными — около милліона. Въ военное же время, когда для казаковъ положено поставить около 9 тысячъ нижнихъ чиновъ, на остающихся падаетъ совершенно непосильное бремя наемки. Конечно, при настоящихъ условіяхъ наемка обладаетъ существенными недостатками.

Рис. 21. Уральскіе казаки.

Такъ какъ далеко не всѣ казаки одинаково состоятельны, то для богатыхъ наемка является дѣломъ сравнительно легкимъ, тогда какъ бѣдняки не имѣютъ возможности часто внести ее.

Въ послѣднее время все чаще начинаютъ раздаваться голоса о замѣнѣ равной для всѣхъ наемки наемкой сообразно имуществу каждаго. И вопросъ о воинской повинности — самый больной въ современной жизни казаковъ.

Всѣ реформы, произведенныя правительствомъ, сильно измѣнили прежнее «вольное» положеніе казаковъ, но пока еще все-таки не уравняли положеніе ихъ съ остальнымъ населеніемъ имперіи. Много старинныхъ обычаевъ сохранилось, и строй ихъ носитъ и теперь очень своеобразный характеръ.

Нужно еще замѣтить, что хотя съ 1868 года Уральское войско и вошло въ составъ Уральской области, другую часть которой составляетъ Киргизская степь по ту сторону Урала, но въ отношеніи управленія оно представляетъ все-таки одно совершенно самостоятельное цѣлое, связанное съ остальнымъ населеніемъ области чисто механически и не имѣющее съ нимъ, кромѣ общей полиціи и суда, ничего общаго.

На упорный характеръ отстаиванія казаками своихъ старыхъ обычаевъ оказало сильное вліяніе то, что громадная часть уральскихъ казаковъ — старообрядцы. Изъ исторіи мы знаемъ, какъ крѣпко держатся раскольники своихъ обычаевъ и какъ неуспѣшно боролось съ расколомъ русское правительство. Всѣ восточныя границы Европейской Россіи усѣяны старовѣрческимъ населеніемъ. Сюда удалялись раскольники, когда ихъ тѣснили въ центрѣ имперіи. Много раскольниковъ уходило и къ яицкимъ казакамъ, да и сами основатели общины казаковъ, должно-быть, были старовѣры.

Поэтому неудивительно, что изъ 100 съ небольшимъ тысячъ уральскихъ казаковъ больше половины — старообрядцы; нѣсколько поменьше единовѣрцевъ; 5 тысячъ татаръ-мусульманъ и только тысяча съ небольшимъ православныхъ.

Населеніе невойсковое, т.-е. пришедшее сравнительно въ недавнее время, наоборотъ, насчитываетъ больше всего православныхъ, — тысячъ 20 съ лишнимъ.

Интересное явленіе — казаки-татары. Это рослый, здоровый народъ, съ очевидной казачьей выправкой. По общимъ отзывамъ, они очень трезвы, честны и надежны. Они всегда находились въ повиновеніи правительству, и причина этого кроется, по всей вѣроят-

ности въ томъ, что правительство никогда не вмѣшивалось въ ихъ внутреннюю жизнь и не мѣшало имъ исповѣдывать мусульманство.

Казаки-старовѣры въ Уральской области все различныхъ толковъ. «Тутъ есть *) поморцы или перекрещенные, признающіе, что въ господствующей церкви воцарился антихристъ, и потому принимающіе обращенныхъ не иначе, какъ послѣ второго крещенія; ѳедосеевцы, или чистенькіе, отрицающіе бракъ; дырники, молящіеся на востокъ и притомъ преимущественно подъ открытымъ небомъ; они прорубаютъ отверстіе въ восточной стѣнѣ дома и молятся, глядя въ него на небо; есть признающіе священство австрійцы, окружники, принявшіе Бѣлокриницкую іерархію, основанную греческимъ епископомъ Амвросіемъ; бѣглопоповцы, сманивающіе священниковъ у господствующей Церкви. Есть и единовѣрцы, но особенно много такъ называемыхъ никудышниковъ, не признающихъ никакихъ уступокъ и потому не ходящихъ никуда, гдѣ молитвы совершаютъ австрійскіе ли, единовѣрческіе или бѣглые священники. Они лишь тоскуютъ о благодати, не признавая ее ни въ одной изъ существующихъ церквей».

XI.

Когда казаки, основатели Уральской общины, поселились на Яикѣ, то имъ пришлось отказаться отъ своихъ «воровскихъ» промысловъ. Грабить было некого въ этой дикой степи, гдѣ бродили лишь кочевники, которые съ удовольствіемъ сами бы воспользовались чужимъ добромъ. Первые далекіе походы черезъ безводныя пустыни на Хиву кончились такъ пла-

*) Короленко. „У казаковъ".

чевно для казаковъ, что навсегда отбили у нихъ охоту повторять ихъ. Поневолѣ приходилось приниматься за какіе-нибудь болѣе мирные способы добывать пропитаніе. Но земледѣліе тогда было дѣломъ совсѣмъ немыслимымъ. Ни почва ни климатъ ему не благопріятствовали; да и какъ можно было засѣвать землю, ожидая, что не сегодня — завтра на засѣянное поле наѣдутъ кочевники? Казаки сразу обратили вниманіе на рѣку Уралъ съ ея рыбными богатствами. При колоссальномъ изобиліи рыбы въ Уралѣ рыболовство представлялось для нихъ дѣломъ очень выгоднымъ, и казаки тотчасъ же имъ занялись. Съ самаго заселенія казаками Яика рыболовство, все разрастаясь и развиваясь, продолжаетъ служить казакамъ и въ настоящее время однимъ изъ самыхъ доходныхъ промысловъ. Всѣ, посѣтившіе Уралъ, изумляются удивительно цѣлесообразнымъ и справедливымъ порядкамъ, которые выработали казаки для производства рыбной ловли.

Чувство справедливости было очень сильнымъ среди основателей общины, и они постарались устроить рыболовство такъ, чтобы каждому было одинаково удобно имъ заниматься. Раздѣлить рѣку на отдѣльные участки и раздать ихъ было бы очень несправедливо. Вѣдь рыба всегда весной идетъ изъ моря вверхъ по рѣкѣ, и владѣльцамъ низовыхъ участковъ было бы очень выгодно ее всю перехватывать, не допуская въ верховья рѣки. Поэтому общинники рѣшили оставить всю рѣку въ общемъ владѣніи. Были также выработаны правила рыболовства, которымъ всѣ рыбаки должны были неуклонно слѣдовать.

Эти правила, въ прежнее время хорошо извѣстныя каждому общиннику, не записывались. Но съ учрежденіемъ войсковой канцеляріи всѣ хозяйственныя дѣла ею вѣдались, и ею же начали издаваться ежегодныя постановленія о порядкѣ производства того

или иного рыболовства. Но эти постановленія представляли простую передачу прежнихъ обычаевъ, которые, по желанію рыболововъ, иногда нѣсколько измѣнялись; главныя же основанія всѣхъ порядковъ на рыболовствахъ остались почти безъ измѣненій и до сего времени.

Рыболовные порядки клонятся къ двумъ цѣлямъ: во-первыхъ, чтобы выловить рыбу съ наименьшею затратой труда и времени, во-вторыхъ, поставить всѣхъ участниковъ рыболовства въ возможно одинаковыя условія, чтобы шансы на успѣхъ были одни и тѣ же. А для этого всѣмъ назначается одно и то же строго опредѣленное время и мѣсто для рыболовства, однообразныя орудія лова, запрещается передавать свое право на участіе въ рыболовствѣ и т. д.

И этими мѣрами дѣйствительно достигалась рѣдкая равноправность членовъ общины и очень равномѣрное распредѣленіе между ними рыбнаго улова.

По мѣсту производства всѣ уральскія рыболовства можно раздѣлить на *морскія* и *рѣчныя*, а по времени года, въ которое они производятся, — на *весеннія*, *осеннія* и *зимнія*. Къ рѣчнымъ относятся: севрюжья плавня, или плавня весенняя, по-просту называемая «севрюги»; осенняя плавня («плавня»), багреное («зимнее») и зимнее неводное гурьевское («зимніе невода»).

Прежде всего казаками приняты всѣ мѣры, чтобы въ рѣкѣ рыбы было побольше. Каждый годъ весной рыба устремляется изъ моря въ рѣку, чтобы выметать здѣсь икру. Чтобы рыба не уходила слишкомъ далеко вверхъ, около Уральска устроена черезъ Уралъ рѣшетчатая перегородка, такъ называемый «учугъ».

Чтобы рыба спокойно водилась въ рѣкѣ, казаки тщательно ее охраняютъ. Особенно слѣдить приходится за устьемъ Урала, чтобы ничто не мѣшало рыбѣ свободно входить въ рѣку. Для этого тамъ устроены посты,

наблюдающіе, чтобы не производилась ловля незаконными путями и въ незаконное время. Особенно успѣшно пошла охрана со времени постройки казаками для этой цѣли морского крейсера «Уральца», который имъ обошелся въ 46 тысячъ рублей.

Кромѣ того, и вся рѣка очень тщательно оберегается. Никто не смѣетъ возмутить ея спокойныхъ водъ. На всемъ ея протяженіи находятся караульщики. Нечего и думать выкупаться въ Уралѣ. Не говоря ужъ о пароходахъ, но и лодки ничьей вы не увидите на всемъ его протяженіи.

Самое же рыболовство устроено у нихъ такъ: *весенняя плавня* производится по всему рыбному Уралу, начиная отъ уральскаго учуга вплоть до самаго моря. Производится она сѣтями, причемъ на каждую работающую сѣть полагается одна бударa (узкая лодка, очень легкая и быстрая на ходу, выдѣлываемая изъ цѣльнаго дерева). На бударѣ сидятъ два рыболова: кормельщикъ, который правитъ лодкой, забрасываетъ сѣть и выбираетъ ее, проплывъ внизъ по рѣкѣ извѣстное пространство, и весельщикъ, который исключительно работаетъ веслами. Обыкновенно «кормельщикъ» бываетъ хозяинъ будары, а гребецъ часто бываетъ напятой, но непремѣнно изъ казаковъ.

Всѣ казаки къ назначенному сроку собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ, и никто до сигнала не смѣетъ начинать ловли. Этотъ сигналъ подается пушечнымъ выстрѣломъ, и послѣ него рыбаки устремляются въ бударахъ внизъ, стараясь плыть впереди, чтобы захватить побольше рыбы. «Плавать» можно только до опредѣленнаго мѣста, которое обозначается «рубежомъ».

Севрюжья ловля начинается послѣ вскрытія Урала и продолжается теперь по 25 мая.

Самое главное мѣсто среди всѣхъ войсковыхъ рыболовствъ занимаетъ въ настоящее время *осеннее пла-*

венное рыболовство. Оно такъ же старо, какъ и севрюжья плавня, но характеръ его за послѣднее время значительно измѣнился. Въ севрюжьемъ рыболовствѣ такъ же, какъ и прежде главное значеніе имѣетъ ловъ красной рыбы, осенняя же плавня заняла въ послѣднее время первое мѣсто благодаря развившемуся въ ней лову черной рыбы.

Рис. 22. Плавня.

Здѣсь уже не встрѣчаютъ идущую изъ моря рыбу. Лѣтомъ рыба ходитъ по рѣкѣ и ищетъ себѣ удобнаго мѣста для стоянки зимой. Такія мѣста - ямы называются «ятови». Казаки зорко наблюдаютъ за рыбой и за ятовями, куда она укрывается. И вотъ во время осенней плавни задача рыбаковъ — отыскать рыбу въ ятовяхъ и изловить ее. Важно первому добраться до

замѣченной ятови и овладѣть добычей. Въ этихъ-то видахъ здѣсь нанимаютъ въ весельщики самыхъ сильныхъ казаковъ, давая имъ («въ дорогу») по 50—70 руб. за какихъ-либо полтора мѣсяца, тогда какъ за весеннюю платятъ 20—25 рублей.

Вообще осенняя плавня одно изъ самыхъ трудныхъ рыболовствъ и уноситъ оно не мало здоровья у казаковъ. Оно производится со второй половины сентября до покрытія рѣки льдомъ, что бываетъ въ концѣ октября или началѣ ноября.

Въ послѣдніе годы на осенней плавнѣ ежегодно вылавливается красной рыбы около 6 тысячъ пудовъ, а черной съ лишнимъ 2 милліона пудовъ, тогда какъ на весенней красной около 7 тысячъ, а черной всего лишь около 2 тысячъ.

Самое любимое и въ то же время самое оригинальное изъ всѣхъ войсковыхъ рыболовствъ — это багренье. Оригинальность лова заключается всего болѣе въ орудіи, которымъ производятъ это рыболовство. Это — багоръ, которымъ, судя по первому впечатлѣнію, казалось бы, и нельзя ловить подо льдомъ рыбу. Но тутъ помогаетъ то, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ обыкновенно рыбачитъ громадное количество казаковъ (отъ 6—8 тысячъ), такъ что надо льдомъ образуется цѣлый лѣсъ изъ шестовъ, насаженныхъ баграми и находящихся въ постоянномъ движеніи. Это и способствуетъ тому что такимъ незамысловатымъ орудіемъ, какъ багоръ, иной разъ вычерпываютъ на ятови не только красную рыбу дочиста, но и выловятъ порядочно черной. Для этой послѣдней стали не такъ давно употреблять особаго рода багры съ двойными и тройными крючьями.

Сама обстановка этого рыболовства очень картинна и живописна. «Чрезвычайно *) интересна эта громадная

*) И. Бородинъ. „Уральское войско".

народная масса въ разнообразныхъ костюмахъ, строгій порядокъ до начала рыболовства, когда баграчи со всѣми принадлежностями лова стоятъ наготовѣ, въ ожиданіи сигнальнаго выстрѣла вдоль обоихъ береговъ рѣки; невообразимая свалка послѣ выстрѣла и поражающая быстрота и ловкость баграчевъ въ работѣ.

Рис. 23. Багренье.

Черезъ нѣсколько секундъ послѣ сигнала по всей рѣкѣ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, какъ бы по мановенію волшебства, подымается цѣлый лѣсъ багровищъ, находящихся въ постоянномъ движеніи, а черезъ нѣсколько минутъ на льду тамъ и сямъ появляются уже бѣлуги и осетры». Надо замѣтить, впрочемъ, что большая часть баграчевъ въ настоящее время обыкновенно возвращается съ багренья ни съ

чѣмъ, такъ какъ красной рыбы становится съ каждымъ годомъ все меньше, а рыболововъ больше. Если и теперь на багренье выѣзжаетъ чуть не все взрослое мужское казачье населеніе вмѣстѣ съ подростками, то это объясняется совсѣмъ не доходностью этого промысла, а тѣмъ, что багренье не только промыселъ, но и обще-войсковой праздникъ, своеобразная охота, въ которой можно показать свою удаль и молодечество. И дѣйствительно, отправляясь на багренье въ совершенно свободное отъ всякихъ работъ время, казакъ можетъ прокатиться на своемъ добромъ конѣ, въ своихъ «багренныхъ» саночкахъ по войсковымъ селеньямъ и даже заѣхать повидаться со своей родней и знакомыми.

«Во время *) багренья войско двигается вдоль берега отъ Уральска внизъ, по направленію къ Гурьеву, останавливаясь въ заранѣе отведенныхъ мѣстахъ и также по сигналу кидаясь въ саняхъ на ледъ, къ мѣстамъ лова. Рѣка закипаетъ своеобразной походной жизнью. За войскомъ тянутся торговцы рыбой, тутъ же заготовляющіе и отправляющіе ее цѣлыми обозами въ Россію, продавцы съѣстныхъ припасовъ, сапоговъ, рукавицъ, шапокъ, принадлежностей лова, наконецъ, виноторговцы, «знямки», по старой памяти о «царевомъ винѣ» выставляющіе надъ бочками національные флаги... Войско въ эти періоды чувствуетъ себя въ сборѣ. На привалахъ обсуждаются общественныя дѣла, кипятъ религіозные споры, распространяются политическія новости, и въ старину всякая смута зарождалась въ этихъ походахъ».

На время севрюжьей ловли и багренья назначается особый атаманъ рыболовства, обязанный слѣдить за соблюденіемъ правилъ лова, но еще болѣе

*) Короленко.

властнымъ распорядителемъ является свято соблюдаемый обычай. Первый участокъ рѣки, раздѣленной для багреннаго рыболовства, отводится для такъ называемаго «презента». Это — старинный обычай. Еще во времена Михаила Ѳеодоровича посланные отъ казаковъ ѣздили въ столицу и кланялись государю «войсковымъ рыбнымъ подаркомъ», а взамѣнъ отъ царя получали ковши и сабли.

И теперь вся рыба, пойманная въ первую ловлю, идетъ на «презентъ». Къ сожалѣнію, старшины, которые безконтрольно распоряжаются «презентомъ», ужъ слишкомъ злоупотребляютъ своимъ правомъ. Очень значительная часть презента стала попадать въ руки людей не тѣхъ, для кого предназначалась, а людей «нужныхъ» для распредѣлителей. Конечно, казаки знаютъ объ этомъ и ропщутъ, — ропщутъ, но, разумѣется, терпятъ уже потому, что это «ведется изстари». Зато нѣтъ, кажется, такой силы, которая могла бы нарушить установившіеся и освященные обычаемъ пріемы самаго лова.

Морскія рыболовства уральскихъ казаковъ раздѣляются на *весенній курхай* («курхай»), *осенній курхай* («жаркое») и *аханное*.

Изъ всѣхъ ихъ наиболѣе важное — это весенній курхай. Оно получило свое названіе по имени Курхайскаго залива, въ которомъ оно раньше производилось. Теперь оно производится въ морскомъ участкѣ войсковыхъ водъ по обѣ стороны отъ устьевъ Урала съ начала навигаціи до 20-хъ чиселъ мая.

Рыболовство аханное производится зимою подо льдомъ и сопряжено съ опасностями. Подъ конецъ зимы отъ теплыхъ вѣтровъ ледъ портится, и громадныя льдины, отрываясь отъ сплошной массы льда, уносятся вмѣстѣ съ людьми, лошадьми и рыболовными припасами въ море; тамъ льдина постепенно

таетъ: когда она дѣлается уже малонадежною, аханщики снимаютъ съ лошадей шкуры и, надувая ихъ, дѣлаютъ оригинальные спасательные снаряды — «бурдюки», на которыхъ и устраиваютъ небольшіе плоты изъ саней и камыша. Но, избавляясь такимъ путемъ отъ вѣрной гибели въ морской пучинѣ, аханщики съ одинаковой вѣроятностью могутъ погибнуть въ такихъ случаяхъ отъ голода, если, къ счастью, не наткнется на нихъ какое-либо астраханское судно. Это называется быть «въ относѣ».

XII.

Устройство рыболовства на началахъ общинныхъ сильно повліяло на то, что и землю казаки не раздѣлили. Уралъ съ прилегающими къ нему землями находился въ общей собственности казаковъ. Не раздѣливъ его и прибрежную полосу земли, они не раздѣлили и остальную землю. Во-первыхъ, земли этой было очень много, а во-вторыхъ, занятые рыболовствомъ, казаки сначала совсѣмъ не занимались земледѣліемъ. Такъ и случилось, что вся земля уральскихъ казаковъ осталась въ ихъ общемъ пользованіи какъ прежде, такъ и теперь; и въ настоящее время мы видимъ у нихъ громаднѣйшую, пожалуй, самую большую въ мірѣ земельную общину, пространствомъ протянувшуюся на многія сотни верстъ. Такъ какъ земля общая для всѣхъ казаковъ, то каждый изъ нихъ можетъ отправиться въ любое ея мѣсто и заняться тамъ земледѣліемъ или косить сѣно.

По мѣрѣ увеличенія населенія казаковъ, нужда въ хлѣбѣ у нихъ все возрастала, и казакамъ пришлось заняться и земледѣліемъ, развитіе котораго особенно началось въ прошломъ вѣкѣ; конечно, и въ прежнія времена кое-кто изъ казаковъ засѣвалъ хлѣбъ. Огра-

ничеиій земледѣлію тогда не было никакихъ, — пахали кто гдѣ хотѣлъ и сколько хотѣлъ. Обыкновенно казакъ селился въ какомъ-нибудь мѣстѣ, устраивалъ хуторъ и распахивалъ всѣ ближайшія удобныя мѣста. Собравши урожай, онъ переносилъ свой хуторъ на другое мѣсто и уже тамъ распахивалъ новыя цѣлины. Такое кочевое хозяйство называлось хуторскимъ. На «залогахъ», т.-е. цѣлинныхъ, нетронутыхъ земляхъ пшеница давала обыкновенно хорошій урожай. Впослѣдствіи, когда ихъ стало не хватать, казаки начали обращаться къ старымъ «залежамъ», т.-е. землямъ, бывшимъ подъ посѣвомъ тому назадъ 10 и болѣе лѣтъ. Земля за это время отдыхала и дѣлалась опять способной давать хорошій урожай. Съ теченіемъ времени вмѣстѣ съ увеличеніемъ распашки земли, стали обращаться и къ менѣе старымъ залежамъ, 8, 6, 4-лѣтнимъ.

Тогда, чтобы земля не истощалась, войсковое начальство стало издавать ограниченія въ количествѣ земли, которую каждый могъ распахать.

Первое ограниченіе такое было издано въ 1843 г. и позволяло каждому казаку засѣять до 40 десятинъ земли. Вопросъ о распашкѣ земли часто обсуждался въ Уральскомъ войскѣ, и по теперешнимъ правиламъ количество земли, которое можно распахать каждому, опредѣляется такъ. Каждый казакъ можетъ производить распашку съ 1 іюня по 1 іюля только однимъ плугомъ, при чемъ можетъ распахать безплатно до 20 десятинъ земли.

Офицеры и чиновники имѣютъ право на распашку отъ 50 — 75 десятинъ, генералы — по 100 десятинъ. Передавать свое право на распашку другимъ лицамъ строго воспрещается. За распашку сверхъ установленной нормы положено взимать по 3 руб. съ десятины въ пользу войскового капитала, при чемъ свыше 350

десятинъ отдѣльное семейство не можетъ распахивать и за плату.

Тѣмъ не менѣе, эти постановленія не измѣняютъ основного права перваго «захвата» принадлежащей всей общинѣ земли. Нѣсколько иначе поступаютъ въ нѣкоторыхъ станицахъ съ землей, предназначенной подъ засѣвъ овощей (бакчи). Овощи обыкновенно сѣютъ на мѣстахъ, недавно вышедшихъ изъ-подъ воды вешняго половодья.

Въ виду того, что такихъ мѣстъ немного, а между тѣмъ бакчи сѣютъ положительно всѣ, кто только въ состояніи, то населеніе раздѣляетъ такія земли на паи сообразно съ числомъ желающихъ производить посѣвъ. Самая же дѣлежка производится по жребію.

Главный хлѣбъ, засѣваемый въ Уральскомъ войскѣ — это пшеница высшихъ сортовъ, такъ называемая «бѣлотурка», «кубанка». Чѣмъ земля свѣжѣе, дѣвственнѣе, тѣмъ лучше и чище родится этотъ сортъ пшеницы; при истощеніи же земли кубанка перерождается въ такъ называемую «россейку», т.-е. обыкновенную русскую пшеницу. Чтобы получить лучшій сортъ пшеницы, для посѣва обыкновенно отдѣляютъ «головку», т.-е. самое тяжелое зерно. Довольно много, кромѣ пшеницы, сравнительно сѣютъ овса, который, главнымъ образомъ, идетъ на мѣстное потребленіе. Ржи сѣютъ мало.

Уборка хлѣба — жнитво — производится въ Уральской области въ значительной степени пришлыми рабочими. Приблизительно ежегодно требуется для уборки хлѣбовъ отъ 20 — 30 тысячъ пришлыхъ рабочихъ. Рабочіе необходимы не только для крупныхъ хозяевъ, но даже простые казаки рѣдко сами убираютъ хлѣбъ, а нанимаютъ работниковъ. Эти послѣдніе стекаются со всѣхъ концовъ; здѣсь вы можете встрѣтить крестьянъ изъ губерній Самарской, Симбирской, Саратовской, Ка-

занской, Нижегородской, даже изъ малороссійскихъ и центральныхъ губерній. Кромѣ того, въ послѣднее время среди рабочихъ встрѣчаются киргизы, которые иной разъ понижаютъ цѣны на полевыя работы. Несмотря на большой наплывъ рабочихъ, заработная плата, особенно на жнитво, здѣсь держится довольно высокая, именно около 1 р. 30 — 1 р. 50 к. на хозяйскихъ харчахъ за одинъ день, а жнитво продолжается не менѣе 5 — 6 недѣль.

Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ во время базарныхъ дней производится наемъ рабочихъ, собирается отъ 500 — 5000 человѣкъ. Людно, весело, шумно бываетъ здѣсь въ эти дни: торговля идетъ очень бойко, особенно на съѣстные припасы и водку, цѣны на чай, сахаръ, мясо и хлѣбъ достигаютъ весьма высокихъ размѣровъ, продается даже вода со льдомъ. Нерѣдко бываютъ также драки между различными артелями рабочихъ *).

«Время жнитвы — это здѣсь своеобразный праздникъ. Несмотря на трудность полевыхъ работъ, кучера, кухарки, мелкіе ремесленники, портные, сапожники, — всѣ съ наступленіемъ жнитва, стремятся вырваться изъ душнаго пыльнаго города въ широкую съ чистымъ воздухомъ степь. Вслѣдствіе этого лѣтомъ только и слышишь вздохи и оханье горожанъ на то, что «съ прислугой нѣтъ никакихъ ладовъ».

По всѣмъ вѣроятіямъ, недалеко то время, когда потребность въ рабочихъ рукахъ значительно уменьшится. Уже теперь на ряду съ молотилками сюда проникли жатвенныя машины. Недовѣріе, выказанное казаками вначалѣ, пропало послѣ того, какъ они увидѣли, что машина убираетъ хлѣбъ значительно скорѣе, очень чисто и за цѣну болѣе дешевую. Несмотря на довольно неблагопріятныя условія, хлѣбопашество въ Уральской области растетъ съ каждымъ

*) Н. Бородинъ.

годомъ. Уже теперь имъ занимается половина всѣхъ казаковъ и на немъ основываетъ, главнымъ образомъ, свое существованіе. Въ настоящее время засѣвается казаками до 200.000 десятинъ, съ которой собирается больше 7.000.000 пудовъ хлѣба.

Кромѣ хлѣба, засѣиваются также бакчи дынями и арбузами, а въ нѣкоторыхъ станицахъ, въ особенности близъ Гурьева и Уральска, казаки въ широкихъ размѣрахъ занимаются огородничествомъ.

Разъ вся земля общая, то можно, конечно, не только ее воздѣлывать, но и въ любомъ мѣстѣ косить траву. Но для того, чтобы дать возможность каждому пользоваться лугами на равныхъ началахъ, установлены правила сѣнокоса. Вѣдь сѣно очень важно казакамъ, держащимъ много скота, и обработка его очень не сложна.

Правила сѣнокосовъ очень похожи на рыболовныя, хотя порядка здѣсь бываетъ меньше; какъ тамъ «войско» «ударомъ» по пушечному сигналу кидается ловить рыбу, такъ и здѣсь въ извѣстный день, назначенный начальствомъ, все войско выходитъ на покосъ. Каждый рядовой казакъ имѣетъ право выставить еще двухъ рабочихъ, офицеръ отъ 6 — 12 косцовъ.

Впрочемъ, нѣкоторыя станицы для того, чтобы поставить въ болѣе одинаковыя условія всѣхъ косцовъ издаютъ правило «косить безъ рабочихъ».

«Вся *) армія косцовъ располагается «станами» въ мѣстахъ, которыя каждый высматриваетъ себѣ заранѣе, и утромъ по первому сигналу всѣ принимаются косить, стараясь захватить лучшія мѣста.

Часто бываетъ, что еще задолго до разсвѣта и до сигнала слышится осторожный визгъ косы: около стана, стараясь не шумѣть и не лязгать, нѣсколько темныхъ фигуръ уже принялись «украдучись» за по-

*) Короленко.

косъ. Взошедшее солнце застаетъ уже цѣлые ряды накошенной до срока травы.

Да и общій покосъ рѣдко начинается въ свое время, такъ какъ первый же подозрительный звукъ сразу подымаетъ всѣ станы. Каждый кидается къ лучшей травѣ, стараясь перекосить другому дорогу.

Иной разъ два враждебныхъ косца долго, до изнеможенія, идутъ рядомъ, пока одинъ не выйдетъ впередъ настолько, чтобы перерѣзать другому дорогу. «Братцы, обкосилъ!» слышится тогда отчаянный крикъ, и менѣе усталый косецъ того же стана пускается вдогонку за врагомъ, врѣзающимся въ намѣченный участокъ. Говорятъ, при этомъ бывали иногда случаи, что разъяренные соперники подкашивали другъ другу ноги...»

Это и называется «косить ударомъ», день этого «удара» опредѣляется въ войсковой канцеляріи и объявляется черезъ гонца по станицамъ. По истеченіи опредѣленнаго времени на оставшуюся траву можно ставить неограниченное число рабочихъ. Разумѣется, послѣднее гораздо выгоднѣе богачамъ, чѣмъ бѣднымъ. Да и во время валового сѣнокоса, производящагося по разливамъ Урала, богатые люди получаютъ возможность обойти законъ и выставляютъ иногда до 30 косцовъ. Для этого они скупаютъ свидѣтельства на наймъ рабочаго у неучаствующихъ въ покосѣ бѣдныхъ вдовъ, сиротъ, а также у офицеровъ и чиновниковъ.

Однако, и для бѣдныхъ казаковъ сѣнокошеніе является очень важнымъ промысломъ. Крупный скотоводъ, даже получая съ общаго сѣнокоса гораздо больше, все-таки принужденъ бываетъ покупать сѣно у болѣе бѣдныхъ казаковъ.

Въ «валовой» покосъ по долинѣ р. Урала каждый казакъ непремѣнно коситъ хоть немного сѣна для

себя; въ случаѣ если запросъ на сѣно большой и цѣны на рабочія руки высокія, онъ коситъ прежде всего на продажу, иногда заранѣе подряжаясь у нуждающагося въ сѣнѣ скотовода накосить извѣстное число стоговъ. Наиболѣе бѣдные нанимаются, на ряду съ невойсковыми пришлыми рабочими, поденно. Въ виду страшнаго напряженія въ первые дни покоса, плата наемныхъ рабочихъ доходитъ до 5 руб. и болѣе, и сѣнокошеніе даетъ хорошій заработокъ.

Большіе и хорошіе сѣнокосы, расположенные по долинамъ рѣкъ, даютъ много сѣна. Кромѣ того, почти вся средняя и южная части войсковыхъ земель представляютъ собой обширнѣйшія пастбища, которыя позволяютъ прокармливать громадныя стада, принадлежащія казакамъ, и даже допускать въ свои владѣнія на тебеневку за извѣстную плату (акцизъ) скотъ киргизскій.

Благодаря изобилію пастбищъ, скотоводство въ войскѣ уже давно достигло сильнаго развитія, такъ что гораздо ранѣе, чѣмъ относительно пахотной земли, пользованіе пастбищами было ограничено, и была установлена норма количества разнаго скота, которое каждый членъ Уральской общины имѣлъ право пасти на войсковой землѣ безплатно.

Въ настоящее время норма опредѣлена для рядового казачества въ 65 головъ крупнаго скота (рогатаго и верблюдовъ), въ 50 головъ лошадей и въ 300 головъ мелкаго скота (овецъ и козъ). Для офицеровъ въ 800 головъ мелкаго, 100 головъ крупнаго и 100 лошадей.

Размѣръ платы за скотъ, сверхъ нормы, опредѣленъ съ головы крупнаго скота и лошадей по 60 к., съ головы мелкаго по 20 к. за годъ; а съ лицъ не войскового сословія (пришлыхъ) въ первомъ случаѣ 80 к., во второмъ 30 к.

Кромѣ того, не повсюду можно пасти скотъ. Прежде всего скотоводы не имѣютъ права пускать свой скотъ въ луга до скоса травы, затѣмъ пастьба скота не допускается на выгонахъ вокругъ станицъ, такъ какъ эти выгоны оставляются исключительно для станичныхъ табуновъ.

Лѣтомъ скотъ кормится, конечно, на этихъ обширныхъ пастбищахъ. Зимою скоту приходилось бы кормиться тебеневкой (какъ кормится скотъ киргизскій) и, слѣдовательно, страдать отъ всѣхъ неудобствъ такой кормежки, если бы казаки не дѣлали большихъ запасовъ сѣна. До 50 милліоновъ пудовъ сѣна ежегодно накашиваютъ казаки и этимъ прокармливается до 180 тысячъ рогатаго скота, около 700 тысячъ овецъ, 10 тысячъ верблюдовъ, 140 тысячъ лошадей.

Несмотря на плохіе пути сообщенія, соединяющіе войсковыя селенія съ остальнымъ торговымъ и промышленнымъ міромъ, торговля въ Уральскомъ войскѣ издавна получила большое развитіе. Это объясняется, во-первыхъ, положеніемъ земли уральскихъ казаковъ на границѣ съ азіатской ордой, доставляющей значительное количество сырья, во-вторыхъ, преобладающими промыслами казаковъ. Прежде, когда казакъ получалъ средства къ существованію отъ одного рыболовства и отчасти отъ скотоводства, у него, кромѣ скота и рыбы, было все покупное и привозное — все отъ рубахи до послѣдней крохи хлѣба, отъ будары до пряжи на неводъ. Въ послѣднее время измѣненіе произошло лишь въ томъ, что хлѣбъ у громаднаго большинства казаковъ явился мѣстный и по большей части непокупной. Въ остальныхъ же своихъ нуждахъ казакъ и теперь обращается за всѣмъ на базаръ: все покупное, какъ и прежде.

Въ прежнее, не столь отдаленное время, на ряду съ торговлей на деньги, немаловажное значеніе имѣла

торговля мѣновая съ сосѣдней ордой. Теперь дѣятельность мѣновыхъ дворовъ въ городахъ Илекѣ, Уральскѣ и Гурьевѣ значительно пала, теперь и киргизы больше продаютъ свои произведенія на деньги. Предметами мѣны служитъ скотъ и его продукты — кожи, овчины мерлушки, кошмы, шкуры пушныхъ звѣрей.

Главные предметы вывоза изъ войсковыхъ земель— это: рыба и ея продукты, скотъ, кожи, сало, шерсть, козій пухъ, пшеница. Ввозятъ, главнымъ образомъ, мануфактурные, галантерейные и бакалейные товары.

Рис. 24. Мѣновой дворъ.

Сумма торговыхъ оборотовъ за годъ доходитъ теперь до 20 милліоновъ рублей, и торговля значительно оживилась съ проведеніемъ Уральской желѣзной дороги.

До тѣхъ поръ сообщеніе во всей Уральской области производилось исключительно по грунтовымъ дорогамъ. Обычнаго почтоваго тракта здѣсь нѣтъ, а станичная почта идетъ не каждый день и движется очень неторопливо. Когда же надо передать что-либо очень быстро, то употребляется «летучка» — особый видъ почты, такой же древній, а быть-можетъ, и древнѣе, чѣмъ сама община.

Въ экстренныхъ случаяхъ изъ войскового правленія посылается пакетъ, который и идетъ отъ поселка къ поселку, препровождаемый верховыми гонцами. Въ недавнее еще время къ конверту сургучомъ прикрѣплялось перо, какъ эмблема быстроты. Получивъ такую летучку, хотя бы среди ночи, поселковый атаманъ немедленно снаряжаетъ гонца, и верховой казакъ мчитъ «эстафету» до слѣдующаго поселка.

Когда возникъ вопросъ объ отчужденіи земли подъ полотно желѣзной дороги, казачья община оказалась въ нѣкоторомъ затрудненіи; приходилось въ недѣленную степь пустить цѣлую полосу, которая отходила въ полную собственность дороги.

Въ концѣ-концовъ отчужденіе все-таки произошло и притомъ на условіяхъ необыкновенно выгодныхъ для желѣзнодорожнаго общества: право собственности оно пріобрѣло почти за чечевичную похлебку.

XIII.

«Съ желѣзной дорогой казачій строй допустилъ къ себѣ опаснаго сосѣда. Община не смогла заставить дорогу заниматься лишь своимъ дѣломъ — перевозкой. Дорога владѣла землей, какъ собственностью, и вотъ на отчужденной землѣ стали элеваторы, мельницы, склады, задымились трубы, въ темные осенніе вечера загорѣлось электрическое освѣщеніе... И теперь подъ бокомъ у бывшаго Яицкаго городка растетъ цѣлый поселокъ, живущій своею особенною жизнью. Вокзалъ и линія желѣзной дороги — это вторженіе чужихъ, иногородныхъ въ самое сердце исключительно казачьей общины... — Здѣсь паровой свистокъ *), раздается властно и невозбранно, растутъ склады,

*) Короленко. „У казаковъ“.

магазины, каменные дома... Зато на югѣ старый историческій «городокъ» прижимается къ Яику съ его нетронутыми водами и учугомъ.

На самомъ рубежѣ между старымъ и новымъ городомъ на Большой городской улицѣ стоитъ старый соборъ, почтенное сѣрое зданіе съ шатровыми крышами и облупившейся штукатуркой. Это тотъ самый соборъ, колокольня котораго была когда-то взорвана пугачевцами. До сихъ поръ старожилы указываютъ груду камней и щебня, отмѣчающихъ мѣсто этого взрыва. Здѣсь же около собора находится небольшой «ретраншементъ», въ которомъ полковникъ Симоновъ съ «вѣрными» старшинской стороны казаками отсиживался отъ овладѣвшихъ городомъ пугачевцевъ.

Здѣсь все и до сихъ поръ носитъ характеръ глубокой, сѣдой старины. Старый соборъ, закрывающій убогіе курени отъ европейскаго конца Большой улицы, замѣчателенъ тѣмъ, что, по общимъ отзывамъ, упорно «не принимаетъ новой штукатурки» и уже нѣсколько разъ сбрасывалъ ее съ себя, какъ ничтожную шелуху, обнажая опять старый окаменѣвшій кирпичъ, надъ которымъ пронеслись уже вѣка, междоусобія и стихіи.

Внутри этого собора, на правой сторонѣ, невдалекѣ отъ входа, бросается въ глаза грубая каменная гробница, покрытая частью облупившейся темной краской. Надъ этой страшной, пожалуй, загадочною гробницей, невѣдомо кѣмъ здѣсь поставленной, носятся сбивчивыя преданія. Въ войскѣ издавна существуетъ легенда о какой-то грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича, въ силу которой казакамъ отдавалась рѣка Яикъ отъ вершинъ до моря со всѣми притоками. Грамота эта исчезла, но въ войскѣ существуетъ упорное убѣжденіе, что она скрыта именно въ этой гробницѣ.

Вокругъ собора и за нимъ раскинулись «курени»: убогіе деревянные домики, порой плетневыя мазанки

съ плоскими крышами. Здѣсь уже и не пахнетъ городомъ. Казачата играютъ въ уличной пыли, и на муравѣ, мимо церкви бредетъ старый-престарый казачище съ посошкомъ и бормочетъ что-то про себя. Вдали виднѣются крутые глинистые обрывы Урала уже на другой, «бухарской», сторонѣ. И подъ шумъ степного вѣтра, налетающаго оттуда и крутящаго вихрями летучую пыль, какъ-то даже забываешь, что стоишь на той же улицѣ, въ другомъ концѣ которой красуется тріумфальная арка, европейскіе магазины, вокзалъ, элеваторы...

Здѣсь въ убогихъ куреняхъ есть, однако, и свои историческія достопримѣчательности. Между прочимъ, на углу Большой и Стремянной улицъ показываютъ два очень скромныхъ дома. Одинъ изъ нихъ, угловой,— деревянный, сложенъ, очевидно, очень давно изъ крѣпкаго лѣсу. Бревна отлично еще сохранились, хотя одинъ уголъ сильно вросъ въ землю, отчего стѣны покосились, а тесъ на крышѣ весь обросъ лишаями и истлѣлъ, кое-гдѣ превратившись въ мочало. Другой сложенъ изъ кирпича съ нѣкоторыми претензіями на «архитектурныя украшенія». Онъ тоже весь облупился, а крыльцо, выходящее на дворъ, весь заставленный кизяками, совершенно погнулось уже подъ бременемъ лѣтъ.

Мѣстное преданіе гласитъ, что первый домъ (деревянный) принадлежалъ казаку Петру Кузнецову, откуда Пугачевъ взялъ себѣ невѣсту, Устинью Петровну, ставшую на короткое время «казачьей царицей». Въ каменномъ жилъ, будто бы, самъ Пугачевъ во время наѣздовъ въ Яицкъ изъ Оренбурга для осады «ретраншемента».

Теперь въ обоихъ историческихъ домахъ живутъ какіе-то бѣдняки-татары. Дворъ, на которомъ нѣкогда толпились казачьи старшины, «полковники» и

«генералы», заросъ муравой и покрытъ кучами «кизяка», запасеннаго на зиму бѣдной татаркой.

Главный недостатокъ Уральска — это отсутствіе водопровода и мостовыхъ. Воду берутъ изъ Чаганя, притока Урала, при устьѣ котораго и стоитъ Уральскъ. Вода эта лѣтомъ цвѣтетъ и почти не годится для питья.

Самая же интересная достопримѣчательность Уральска — это учугъ.

Съ одного берега до другого перекинутъ неширокій дощатый помостъ, похожій на обыкновенный пѣшеходный мостикъ. Съ одной стороны его находится частый рядъ тонкихъ желѣзныхъ шестовъ, продѣтыхъ въ два горизонтальныхъ бревна (называемыхъ «бѣлоногами»), эта рѣшетка доходитъ до самаго дна и задерживаетъ всю крупную рыбу, пропуская лишь самую мелкую.

Весь помостъ вздрагиваетъ отъ быстраго теченія и волны... У учуга стоитъ шумъ и звонъ.

Кругомъ на рѣкѣ не видно ни лодочки, ни паруса, ни парома, за исключеніемъ двухъ-трехъ бударъ, опрокинутыхъ на песчаной отмели и принадлежащихъ учужной водолазной командѣ. Яикъ, дикій и красивый, несется на просторѣ, срывая глинистые яры, и внезапно кидается на неожиданную преграду. Во всей картинѣ чувствуется какая-то дикая прелесть, своеобразная и значительная.

Учугъ ставятъ весной и снимаютъ поздней осенью. Въ тихія лѣтнія утра или передъ солнечнымъ закатомъ уральскіе жители пріѣзжаютъ сюда смотрѣть рыбу.

Подымаясь съ моря вверхъ по теченію, огромные осетры, толстыя бѣлуги и сазаны доходятъ до учуга и здѣсь недоумѣло останавливаются.

Начиная съ іюля, весь августъ и сентябрь можно видѣть, какъ рыба суется вдоль учуга, разыскивая проходъ. Но желѣзная рѣшетка не уступаетъ усиліямъ, и, посовавшись напрасно, рыба уходитъ внизъ, мечетъ икру и подыскиваетъ мѣсто для «ятовей», гдѣ располагается на зимовку.

Караульный казакъ суетъ въ воду длинный шестъ, который называется «наслушкой». Суясь вдоль рѣшетки, рыба толкаетъ боками шестъ и такимъ образомъ обнаруживаетъ свое присутствіе.

Казакъ дѣлится съ вами новостями этой мутной глубины, въ которой онъ читаетъ, какъ въ открытой книгѣ. Лицо у него типичное, широкое и скуластое, глаза маленькіе, необыкновенно добродушные, а порой лукавые. На немъ неизбѣжная фуражка съ малиновымъ околышемъ, кумачевая косоворотка, штаны съ малиновыми лампасами засунуты въ голенища. Что-то необыкновенно характерное сквозитъ въ каждомъ его движеніи. Это не мужикъ и не солдатъ, это именно казакъ. Рыбакъ, стоящій по-военному на караулѣ у рѣки, военный справляющій войсковую службу у рыбы.

Особенно пріятно поражаетъ та свободная непринужденность, съ какой онъ ведетъ бесѣду съ офицеромъ. Это не начальникъ и подчиненный, а два рыбака, обмѣнивающіеся интересующими обоихъ рѣчными новостями».

При впаденіи въ Уралъ Илека находится большая станица, называемая Илекъ. Происхожденіе его таково.

Яицкое войско хоть и считало себя хозяиномъ всего Урала, но не могло закрыть отъ вторженія кочевниковъ всю линію рѣки однѣми своими силами.

Въ виду этого въ 1736 году правительство вызвало еще охотниковъ для защиты сѣверной части Урала. На зовъ пріѣхали изъ Малороссіи нѣсколько казаковъ

и построили городокъ противъ впаденія Илека, на правой заросшей кустами сторонѣ Яика. Но мѣсто это оказалось очень неудобнымъ. Во-первыхъ, оно затоплялось разливами рѣки, а во-вторыхъ, кусты и заросли позволяли киргизамъ неожиданно подбираться къ казакамъ и нападать на городокъ. Поэтому казаки вскорѣ перенесли свой городокъ на противоположную сторону Урала. Помѣстившись въ треугольникѣ между Илекомъ и Яикомъ, казаки съ юга оградились «перекопомъ» между обѣими рѣками, выдвинули впередъ дозорныя вышки и пикеты и начали службу государству.

Такимъ образомъ, рядомъ съ Уральской начала свое существованіе Илецкая община. Оберегая эту часть рѣки на протяженіи почти 70 верстъ, илечане, естественно, считали своею охраняемую ими землю.

Но старое войско не захотѣло отказаться отъ этихъ угодій. Въ свою общину оно илечанъ не приняло, своей землей пользоваться имъ не позволило. Илецкая бударка не смѣла показываться во владѣніяхъ яицкихъ казаковъ ниже учуга; между тѣмъ, какъ сами они продолжали въѣзжать въ землю илечанъ и тянуть тамъ рыбу. Вдобавокъ въ 1746 году илецкія станицы были подчинены яицкой войсковой канцеляріи, которая, разумѣется, тянула руку стараго войска, и Илекъ сталъ настоящимъ пасынкомъ Урала.

И сейчасъ идетъ споръ между общинами относительно пограничныхъ земель.

Современный Илекъ уже мало напоминаетъ бывшій военный постъ. Теперь эта большая станица съ населеніемъ тысячъ въ 8, изъ которыхъ больше половины не казаки. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и торговлей съ киргизами. Жизнь здѣсь идетъ тихо и сонно. Въ Илекѣ находится станичное управленіе, телеграфъ и почта, которая почему-то соеди-

няетъ Илекъ не съ Уральскомъ, а съ Оренбургской желѣзной дорогой. Есть также здѣсь «Общественное собраніе», гостиница и два бильярда, на которыхъ богатые киргизы мирно сражаются съ торговцами и казаками.

Посрединѣ города тянутся лавки и палатки огромнаго базара съ чрезвычайно разнообразной и живописной толпой. Казаки въ форменныхъ фуражкахъ, киргизъ на верблюдѣ въ своемъ ватномъ стеганомъ халатѣ и мѣховой шапкѣ, часто подъ зонтикомъ; казачки въ старинныхъ, живописныхъ сарафанахъ съ парчевой оторочкой, мужики, мѣщане, торговцы, солидные татары и, наконецъ, опять казаки, но уже съ синими околышами — выходцы изъ-за близкаго рубежа оренбургскаго войска.

Послѣ Уральска, въ которомъ жителей числится до 40 тыс., самый многолюдный городъ области — Гурьевъ, лежащій на Уралѣ, недалеко отъ устья рѣки. Получилъ онъ свое названіе по имени своего основателя, купца Михайлы Гурьева. Въ 1645 году Михайла Гурьевъ получилъ грамоту отъ московскаго правительства на устроенный имъ въ этомъ мѣстѣ учугъ. Взамѣнъ той выгоды, которую онъ получалъ, выбирая всю рыбу, поднимающуюся по Уралу, Гурьевъ обязался устроить защитный каменный городокъ, который и былъ названъ Гурьевымъ. Казаки, которые благодаря Гурьевскому учугу оказались совсѣмъ безъ рыбы, конечно, подняли ожесточенный споръ и борьбу противъ учуга, устроеннаго «астраханскимъ гостемъ». Результатомъ этой борьбы было то, что гурьевцамъ велѣно было сначала разгородить учугъ на 8 саженъ отъ обоихъ береговъ, а въ 1752 году учугъ былъ переданъ цѣликомъ въ содержаніе казакамъ. Послѣ этого казаки сняли учугъ въ Гурьевѣ и перенесли его въ Уральскъ, чтобы снова дать рыбѣ гулять въ совсѣмъ было обезрыбѣвшей рѣкѣ.

Въ 1770 году правительство передало казакамъ и самый Гурьевъ городокъ. Теперь въ Гурьевѣ насчитываютъ около 10 тысячъ жителей. Тамъ находятся мореходные классы, публичная библіотека.

Другіе уѣздные города области — Лбищенскъ, Калмыковъ, Темиръ — совсѣмъ не велики. Казаки живутъ больше по селеніямъ, станицамъ, которыя разсѣяны, главнымъ образомъ, по рѣкѣ Уралу.

Казацкая станица нѣсколько напоминаетъ южнорусское село: 3 — 4 ряда домовъ съ неправильными улицами и кварталами. Недостатокъ лѣса рѣдко позволяетъ казакамъ строить бревенчатыя избы, къ которымъ они сохранили давнюю любовь. Обыкновенно казацкая мазанка приготовляется такимъ образомъ: четыре наружныхъ стѣны и пятая, дѣлящая домъ на двѣ половины, плетутся изъ кустарника, а затѣмъ постепенно ихъ вымазываютъ глиной, смѣшанной съ коровьимъ пометомъ. Когда получилась стѣна достаточной толщины, то ее обмазываютъ для красоты бѣлой глиной. Такъ какъ дожди въ этой мѣстности бываютъ рѣдко, то на такую мазанку крыша устраивается плоская. Лѣтомъ мазанка достаточно укрываетъ отъ жары, а зимой отъ холода, хотя лѣтомъ казаки предпочитаютъ спать на открытомъ воздухѣ.

Казаки, какъ вообще старовѣры, гораздо больше слѣдятъ за чистотой своего жилища, чѣмъ другіе русскіе крестьяне. По въ хозяйствѣ казака безалаберность часто господствуетъ довольно большая. Въ хатѣ, раздѣленной на двѣ половины, одна половина чистая — «горница». Въ ней вы найдете зеркало, съ накинутымъ на него расшитымъ полотенцемъ, нѣсколько лубочныхъ картинъ, ящикъ съ платьемъ, передній уголъ, украшенный старинными иконами.

Свой обычный казацкій однобортный кафтанъ казаки носятъ рѣдко; молодые ходятъ въ вышитыхъ ру-

башкахъ, а пожилые предпочитаютъ киргизскіе халаты. Женщины одѣваются въ родѣ нашихъ мѣщанокъ.

Подъ вечеръ, когда солнечный зной начинаетъ сваливать, казаки любятъ посидѣть вмѣстѣ въ компаніи, попить «бузу», а то и русскую водочку, и поболтать о славномъ прошломъ и о теперешнихъ неурядицахъ войскового правленія.

Казачата въ это время занимаются игрой «въ войну», при чемъ непремѣнно изъ двухъ воюющихъ сторонъ, — одна казаки, а другая киргизы. Обѣ стороны упорно и долго сражаются при чемъ драться не дозволяется. «Казаки» выступаютъ въ бой открыто и съ пѣснями, а «киргизы» подкарауливаютъ ихъ въ кустахъ. «Война» обыкновенно кончается тѣмъ, что побѣждаютъ казаки и торжественно ведутъ своихъ плѣнниковъ въ средину селенья.

XIV.

Среди жителей Арало-Каспійской равнины русскіе — пришлое населеніе. Но, несмотря на это, число ихъ здѣсь превысило уже число инородцевъ. Въ Астраханской губерніи изъ милліона ея жителей нѣсколько больше половины — великоруссы, тысячъ 150 малороссовъ и лишь остальныя 350 тысячъ приходятся на долю инородцевъ, татаръ, калмыковъ и киргизовъ. Татаръ здѣсь сравнительно мало — 50 тысячъ; 100 тысячъ калмыковъ и 200 тысячъ киргизовъ. Но въ Уральской области киргизы и теперь преобладающее населеніе: ихъ тамъ числится 400 тысячъ человѣкъ, тогда какъ русскаго населенія нѣсколько больше 200 тысячъ. Другихъ инородцевъ въ Уральской области почти нѣтъ. Такимъ образомъ, изъ

1.600.000 жителей Астраханской губерніи и Уральской области русскихъ около 850 тысячъ, а инородцевъ нѣсколько меньше — 750 тысячъ.

Татары, живущіе въ Астраханской губерніи, дѣлятся на осѣдлыхъ (юртовскихъ) и кундровскихъ, которые лѣтомъ ведутъ и до сихъ поръ кочевой образъ жизни. Юртовскіе татары живутъ въ самомъ городѣ Астрахани особой слободой, называемой Тіекъ или Царево и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Астраханскаго уѣзда. Кундровскіе живутъ въ Красноярскомъ уѣздѣ. Это прямые потомки прежнихъ ногаевъ.

Подобно татарамъ къ монгольскому племени принадлежатъ и калмыки. Ихъ предки жили прежде далеко на востокъ отъ Аральскаго моря, въ нынѣшней китайской провинціи Джунгаріи. Въ 1630 году они двинулись оттуда и, переправившись черезъ рѣку Уралъ, ворвались въ Россію. Тутъ они покорили кочевавшихъ инородцевъ и стали дѣлать набѣги на русскихъ. Полтора вѣка, до второй половины восемнадцатаго столѣтія, калмыки то и дѣло производили набѣги, нерѣдко при этомъ разоряя русскія поселенія и жителей уводя въ плѣнъ. Все поволожье — до Самары и Симбирска — трепетало отъ калмыцкой орды. Наконецъ, въ 1771 году русское правительство размѣстило въ кочевьяхъ орды постоянныя воинскія команды. Самодержавіе хановъ, которые стояли во главѣ орды, этимъ сильно было ограничено. Калмыкамъ не понравилось такое подчиненіе, и громадная часть ихъ бѣжала къ себѣ на родину. На мѣстѣ осталось не больше 5 тысячъ семействъ или кибитокъ, да и тѣ не ушли только потому, что не успѣли присоединиться къ остальнымъ бѣглецамъ вслѣдствіе разлива Волги. Судьба несчастныхъ бѣглецовъ была ужасна. Большая часть ихъ погибла въ дорогѣ, а добравшихся до Джунгаріи истребили китайцы.

Тѣ же калмыки, что остались въ Астраханскомъ краѣ, были окончательно усмирены довольно крутыми мѣрами. Званіе хановъ и намѣстниковъ было уничтожено, а весь калмыцкій народъ раздѣлили на семь отдѣловъ, или улусовъ, по числу оставшихся старшинъ.

До самаго послѣдняго времени у калмыковъ существовала крѣпостная зависимость, выработавшаяся на основаніи родового строя. Глава рода называется зайсангомъ, высшіе дворяне носятъ названіе нойоновъ. Нойонъ является господиномъ, власть котораго распространяется на нѣсколько родовъ. Съ подчиненіемъ калмыковъ русскому правительству зайсанги и нойоны остались сначала попрежнему судьями и правителями народа. На нихъ была возложена обязанность собирать съ народа подать «албанъ», значительную часть которой они брали въ свою пользу.

Въ 1897 году, наконецъ, былъ обнародованъ въ степяхъ законъ, по которому калмыки совершенно освобождаются отъ всякихъ обязанностей и податей своимъ нойонамъ и зайсангамъ. Всѣмъ калмыкамъ простолюдинамъ были даны права свободныхъ сельскихъ обывателей съ платой въ казну по 6 руб. съ кибитки. Законъ этотъ нѣсколько облегчилъ положеніе калмыковъ. Однако, тяжелая судьба народа наложила на него свою печать, которая и нынѣ не изгладилась.

Калмыки народъ довольно крѣпкаго сложенія, коренастый, средняго роста. Своимъ «плоскимъ» скуластымъ лицомъ, смуглымъ цвѣтомъ кожи съ желтоватымъ оттѣнкомъ и узковатыми глазами калмыки сильно напоминаютъ своихъ прародичей — монголовъ. Черные прямые волосы, жидкая, поздно вырастающая борода дополняютъ это сходство.

Условія жизни и соприкосновеніе съ русскими видоизмѣнили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ характеръ и

даже типъ калмыка. По внѣшнему виду степной калмыкъ угрюмъ, мраченъ, даже грубъ; такое впечатлѣніе онъ производитъ своею молчаливостью, неохотной отрывистой рѣчью, отсутствіемъ вниманія, заискиванія; зато онъ здѣсь добръ, гостепріименъ и безхитростенъ. Ергеньской калмыкъ выше степняка ростомъ, отличается большею стройностью, подвижностью, черты лица его менѣе угловаты, попадаются даже лица совершенно не монгольскаго типа, съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и густой бородой. Все это указываетъ, что въ Ергеняхъ калмыки отчасти смѣшались съ русскими. Здѣшній калмыкъ развитѣе степняка, но замѣтно теряетъ патріархальную простоту и честность. Печальнѣе всего положеніе калмыковъ на южной окраинѣ степей, населеніе здѣсь изнуренное, забитое, наполовину пораженное сифилисомъ и страдающее хроническими лихорадками.

Соприкосновеніе съ русскими принесло калмыкамъ мало хорошаго, дурного же очень много. Калмыки пріучились пить водку. Ее пьютъ не только мужчины, но и женщины, даже дѣвушки и дѣти. Страсть къ картамъ у нихъ развита очень сильно, и иногда въ карты они проигрываютъ все, что у нихъ есть. Куритъ у калмыковъ всякій, отъ мала до велика, и женщины даже больше, чѣмъ мужчины. Одѣваются калмыки очень грязно. Нижняя одежда мужчинъ состоитъ изъ ситцевой или холщевой кофты, очень короткой и доходящей немного ниже пояса. Кофта обыкновенно не сбрасывается до тѣхъ поръ, пока совершенно не развалится на черные грязные лохмотья.

Брюки изъ синей нанки или холста. Зимой носятъ кожаныя брюки или брюки изъ овчины шерстью внутрь. Поверхъ кофты одѣваютъ «камзолъ» или жилетъ съ стоячимъ воротникомъ и обшитый у богатыхъ

Рис. 25. Калмыцкая семья у кибитки.

серебрянымъ или золотымъ позументомъ, а у бѣдныхъ — цвѣтнымъ шнуркомъ. Верхнюю одежду составляетъ въ настоящее время у большинства калмыковъ бешметъ, т.-е. однобортный кафтанъ, какъ у кавказскихъ горцевъ, длиною нѣсколько ниже колѣнъ. Особенно оригинальны рукава бешмета: они вшиваются на плечахъ сборками или буфами и здѣсь довольно широки, къ кисти же постоянно суживаются. Бешметъ стягивается поясомъ, составляющимъ главное украшеніе калмыка. Выѣхать куда-либо, выйти къ постороннимъ людямъ безъ пояса считается большимъ неприличіемъ. Поясъ состоитъ изъ отдѣльныхъ пластинокъ, изъ серебра, а у бѣдныхъ изъ какого-нибудь сплава, которыя нанизываются или нашиваются на серебряную или золотую ленту. На поясѣ на лѣвомъ боку ножъ въ серебряныхъ или кожаныхъ ножнахъ, а сзади огниво.

Монгольскій халатъ, составлявшій прежде верхнюю одежду, уже почти оставленъ и его носятъ только старики. Преобладающій цвѣтъ будничной одежды калмыковъ синій, въ праздничный же у простонародья преобладаютъ яркіе цвѣта: зеленый, голубой (но не красный и желтый — цвѣтъ одежды духовенства и женщины) и пестрый даже съ цвѣтами; у зайсанговъ праздничная одежда черная или сѣрая шерстяная, рѣже бѣлая шелковая.

Зимой поверхъ бешмета надѣвается овчинная, а у богатыхъ лисья шуба. Въ головномъ уборѣ калмыковъ существуетъ большое разнообразіе. Часто можно встрѣтить калмыка въ его старой національной шапкѣ съ четырехугольной тульей. Эта калмыцкая шапка послужила образцовъ для шапокъ нашихъ кучеровъ и ямщиковъ. Зимой носятъ мѣховыя шапки съ наушниками изъ лисьяго мѣха, которые въ обыкновенное время торчатъ вверхъ въ видѣ треугольника. За по-

Рис. 26. Старуха калмычка.

слѣднее время калмыкамъ очень полюбились русскіе форменные картузы съ разными цвѣтными околышами. Но что каждый калмыкъ старается пріобрѣсти при

первой возможности — это сапоги съ длинными голенищами и высокими каблуками на подковкахъ. Калмыкъ скорѣе не доѣстъ и откажетъ себѣ въ самомъ необходимомъ, чтобы раздобыть себѣ денегъ на покупку сапогъ.

Костюмъ калмыцкихъ женщинъ очень незатѣйливый, хотя и разнообразнѣе мужского. Нижняя одежда калмычки одинакова съ мужскою. Поверхъ одѣвается «терликъ» въ родѣ мужского бешмета съ большими, блестящими пуговицами съ позументами и тесьмой. Богатыя дѣлаютъ его изъ шелка, глазета, а бѣдныя изъ кумача. Иногда поверхъ терлика одѣваютъ еще длинную безрукавку и халатъ, который у дѣвушекъ замѣняетъ собой терликъ и безрукавку. На головѣ женщины и дѣвушки носятъ низенькія желтыя шапочки различной формы, на ногахъ сапоги изъ краснаго сафьяна. Старухи носятъ шапки одинаковаго покроя съ мужскими. Волосы дѣвочкамъ до 14 лѣтъ стригутъ въ длинную скобку, а позднѣе заплетаютъ въ одну косу у дѣвушекъ и въ двѣ косы у замужнихъ женщинъ. Косы надвязываютъ и прячутъ въ длинные чехлы изъ бархата или атласа. Въ этихъ чехлахъ ихъ перебрасываютъ на грудь. И мужчины раньше заплетали волосы въ косу, но теперь это вывелось почти совсѣмъ, и мужчины носятъ волосы неособенно длинные, какъ наши кучера и такъ же, какъ эти, выбриваютъ свои затылки.

Украшеніемъ женскаго наряда служатъ серьги въ видѣ металлическихъ кружковъ съ вставленными въ нихъ камнями. Замужнія женщины носятъ серьги въ обоихъ ушахъ, дѣвушки же только въ правомъ ухѣ. Кольца первыя носятъ на всѣхъ пальцахъ, — дѣвушки на мизинцахъ обѣихъ рукъ. Замужнія женщины, кромѣ того, носятъ на концѣ своихъ двухъ косъ, спрятанныхъ въ чехолъ, особыя украшенія, сдѣланныя изъ собственныхъ волосъ или серебра. Это суживающіеся

Рис. 27. Жена зайсанга.

книзу конусы, къ концу которыхъ приклеивается закрытая коробочка въ видѣ сердца или кружочковъ.

Когда нужно, чтобы волосы не мѣшали, эти конусы всовываютъ въ петли, пришитыя къ «терлику» на уровнѣ пояса.

Въ пищѣ калмыкъ не разборчивъ. Ѣстъ все и во всякомъ видѣ, даже дохлую домашнюю скотину.

Всему же предпочитаются козье и баранье мясо. Послѣднее считается даже цѣлебнымъ — именно крѣпкій наваръ изъ него — «шулюмъ» — калмыки употребляютъ, какъ лѣкарство. Хлѣбъ всѣ очень любятъ, но печь его не умѣютъ. Вмѣсто хлѣба приготавливаютъ «пышки». Выпекаютъ ихъ въ горячей золѣ изъ круто замѣшаннаго тѣста безъ соли. Самой же обычной, постоянной и незамѣнимой пищей служитъ калмыцкій чай. Приготовляется онъ изъ прессованнаго чайнаго сора; онъ крошится ножомъ, толчется въ порошокъ и бросается въ кипящую въ котлѣ воду. Послѣ достаточнаго кипѣнья къ чайному навару прибавляютъ соль, муку, бараній жиръ или же масло — и чай готовъ. Пьютъ его изъ деревянныхъ маленькихъ чашечекъ съ хлѣбомъ и пышками. Когда все выпьютъ, то твердыя частицы чая — «шару» — собираютъ въ холщевый мѣшочекъ, выжимаютъ и сушатъ. Потомъ опять изъ «шары» варятъ чай. Повторяютъ это до тѣхъ поръ, пока «шару» совершенно перестанетъ окрашивать воду и сообщать ей особый вкусъ. Богатые сдабриваютъ запахъ чая порошкомъ изъ мускатнаго орѣха. Любятъ свой чай калмыки страшно и употребляютъ его въ невѣроятномъ количествѣ. Если калмыкъ нанимается куда-нибудь на работу, то обыкновенно непремѣннымъ условіемъ ставитъ, чтобы его поили чаемъ. Изъ молочныхъ продуктовъ калмыки приготовляютъ «арьянъ» — квашеное молоко. Изъ него выдѣлываютъ они свою калмыцкую водку арьку — «те-

Рис. 28. Калмычки.

пленькое». При выдѣлкѣ этой водки остается особый творогъ, изъ котораго приготовляютъ калмыцкій сыръ. Изъ овечьяго молока приготовляютъ сладковатый сыръ, а изъ кобыльяго — кумысъ, который служитъ самой любимой пищей для кочевника.

Кумысъ — это лучшій и самый здоровый напитокъ въ степи. У насъ на него вполнѣ справедливо смотрятъ, какъ на лѣкарство при многихъ болѣзняхъ, особенно при чахоткѣ. Отъ кумыса человѣкъ, хотя бы уже и ослабленный болѣзнью, можетъ сильно окрѣпнуть, вступить въ борьбу даже съ чахоткой и побѣдить ее. Причина такого прекраснаго дѣйствія кумыса кроется въ томъ, что онъ содержитъ въ себѣ очень питательныя вещества. Желудкомъ переносится онъ обыкновенно хорошо. Лѣтомъ въ степи очень жарко, а потому человѣкъ можетъ выпить въ день до 10 бутылокъ. Значитъ, какая масса въ организмѣ человѣка остается легкаго и хорошаго питательнаго матеріала!

Приготовляютъ кумысъ обыкновенно такъ. Изъ цѣльной шкуры барана устраиваютъ «турсукъ» — мѣшокъ; для этого, очистивъ кожу животнаго отъ волосъ, ее старательно особымъ способомъ прокапчиваютъ. Въ готовый «турсукъ» вливается свѣжее кобылье молоко, и въ отверстіе, гдѣ раньше была шея, вставляется деревянная палка, очищенная отъ коры. Время отъ времени палкой этой болтаютъ молоко и чѣмъ чаще болтаютъ его, тѣмъ лучшаго качества получается кумысъ. Когда молоко достаточно окисло, то черезъ одно изъ нижнихъ, соотвѣтствующихъ заднимъ ногамъ животнаго, отверстій, завязываемыхъ волосяными веревочками, кумысъ наливается передъ употребленіемъ его въ большую деревянную чашку. Переливаніемъ изъ чашки въ чашку кумысъ охлаждается и много выигрываетъ во вкусѣ.

До послѣднихъ лѣтъ калмыки оставались такими же кочевниками скотоводами, какими были ихъ предки въ Монголіи; въ душѣ калмыкъ и до настоящаго времени не измѣнился, хотя обстоятельства заставляютъ его подчасъ обрывать съ прошлымъ и переходить къ новымъ промысламъ. Прежде было не то, — «гдѣ развелъ огонь, тамъ и жилище, гдѣ привязалъ коня, тамъ и пастбище», говоритъ калмыцкая поговорка.

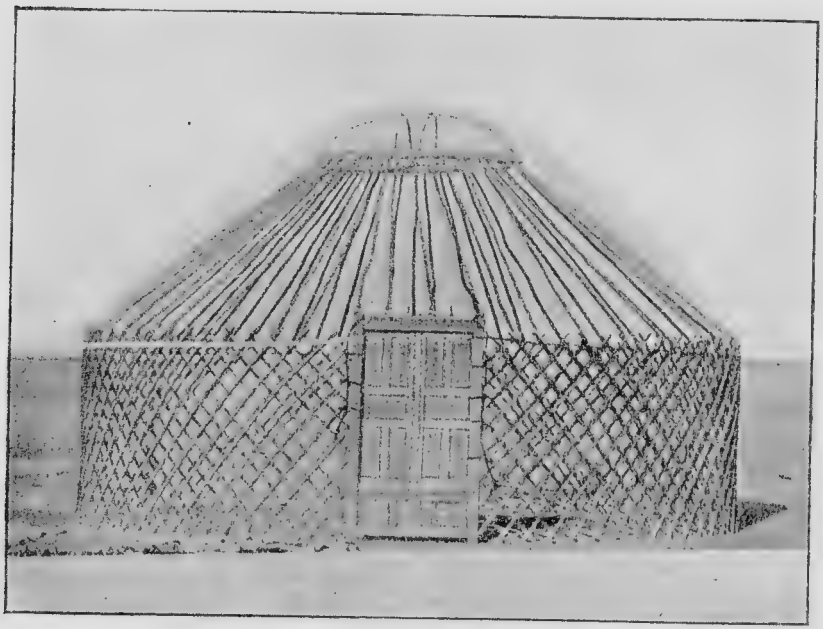

Рис. 29. Непокрытая кибитка.

Кочевникъ-калмыкъ долженъ, конéчно, имѣть и переносное жилище. Калмыцкая юрта — войлочный шатеръ на деревянномъ остовѣ. Деревянный остовъ кибитки, въ свою очередь, складывается изъ рѣшетокъ, дверей, жердей, поддерживающихъ конусообразную

верхнюю часть кибитки, и обруча, въ который закрѣпляются вверху эти шесты. Рѣшетокъ для сооруженія кибитки требуется отъ 6 до 12. Каждая рѣшетка состоитъ изъ перекрещивающихся между собой шестовъ въ вершокъ приблизительно толщины.

Эти шесты связаны между собой ремнями въ мѣстахъ скрещиванія, но не наглухо, а такъ, что шесты вращаются свободно, какъ на шарнирахъ, и рѣшетку можно складывать при перекочевкахъ. Вверху шесты, перекрещиваясь, образуютъ какъ бы вилки, къ которымъ прикрѣпляются жерди крыши посредствомъ шерстяныхъ петель. Каждая жердь, внизу привязанная при помощи петли къ рѣшеткѣ, верхнимъ, заостреннымъ своимъ концомъ продѣвается въ отверстіе обруча. Дверь въ кибиткѣ всегда двустворчатая и открывается внутрь; при этомъ обѣ ея половины наглухо прикрѣпляются къ боковымъ косякамъ, отчего дверь всегда перевозится нераздѣльно съ дверной рамой. Въ верхній косякъ рамы съ наружной стороны вдѣлано 6 деревянныхъ гвоздей или колышковъ, къ которымъ прикрѣпляются жерди, приходящіяся надъ дверью. Всѣ деревянныя части кибитки при установкѣ связываются между собой шерстяными тесемками и шнурками, затѣмъ деревянный остовъ кибитки, обыкновенно окрашенный въ красный цвѣтъ, покрывается сверху войлоками, или кошмами, которыя, въ свою очередь, перевязываются тесьмами. Лѣтомъ для красоты бока кибитки состоятельныхъ людей и особенно духовенства обвѣшиваются съ внутренней стороны сплошной ситцевой или коленкоровой занавѣской, а зимой семьи сколько-нибудь состоятельныя обставляютъ бока кибитки спеціально заготовленными кошмами, такъ что получается двойная кошемная стѣна. Земля въ богатыхъ кибиткахъ лѣтомъ устилается бѣлыми кошмами или покупными коврами; у менѣе состоятельныхъ кошма или коверъ лежитъ только около постели и

на правой сторонѣ, на мѣстѣ, назначенномъ для почетныхъ гостей и хозяина. Зимой въ тѣхъ мѣстахъ кибитки, гдѣ сидятъ люди, кромѣ кошемъ, постилаются еще сайгачьи, бараньи и козьи шкуры.

Освѣщается кибитка только сверху черезъ небольшое круглое отверстіе въ войлочной крышѣ, черезъ которое проходитъ и дымъ отъ очага. Убранство

Рис. 30. Покрытая кибитка.

юрты крайне несложно. Съ одной стороны входа, который всегда обращенъ къ югу, ставится низкая кровать съ нѣсколькими войлоками — «кошмами». Тутъ же около кровати слѣва ящикъ — «хоболъ». Его либо подвѣшиваютъ, либо устанавливаютъ на особомъ возвышеніи.

Въ этомъ ящикѣ хранятся «бурханы», т.-е. изображенія языческихъ буддійскихъ божествъ и другіе священные предметы. Впереди ящика низенькій раскрашенный жертвенный столикъ. На немъ ставятся серебряныя и мѣдныя чашечки съ водой, масломъ, зернами и другими приношеніями богамъ. Дальше еще ящики съ посудой и съ съѣстнымъ, сундуки съ кошмами и одеждой. У самой двери — сѣдла, и тутъ же у богатыхъ постели для дѣтей старше 8-ми лѣтъ. У бѣдняковъ дѣти спятъ на полу. Въ срединѣ кибитки — очагъ, священное мѣсто для семьи, гдѣ готовится пища.

Въ юртѣ, даже у богатыхъ, очень грязно и неряшливо. Калмыки, какъ и другіе монгольскіе инородцы, не заботятся ни о чистотѣ своей одежды ни объ уютности и чистотѣ своего жилища. Всегда на калмыкѣ засаленный, пропитанный жиромъ бешметъ, лицо и руки вѣчно покрыты толстымъ слоемъ грязи.

Посуда содержится очень грязно и никогда не моется и не чистится, если къ ней не доберутся собаки, которыя, конечно, старательно вылижутъ всѣ накопившіеся остатки пищи. Кошмы и подушки кишатъ тысячами вшей, которымъ калмыки относятся съ удивительнымъ добродушіемъ и терпѣніемъ. Свѣжему человѣку трудно переночевать въ калмыцкой юртѣ — это настоящая пытка.

Главное занятіе кочевника-калмыка скотоводство, но оно съ каждымъ годомъ все сокращается. Такъ въ 1868 году насчитывали свыше милліона головъ разнаго скота у калмыковъ, а въ 1899 году — лишь полмилліона. Такое неудержимое паденіе главнаго промысла калмыковъ происходитъ отъ многихъ причинъ. Суровыя зимы съ сильными снѣжными буранами и гололедицы стоятъ на первомъ планѣ. Онѣ были, конечно, и раньше, но теперь особенно даютъ себя чувствовать потому, что свобода прежнихъ перекочевокъ

значительно ограничена, вслѣдствіе заселенія края русскими; затѣмъ много слишкомъ истреблено камыша, который служилъ все-таки защитой для скота. Круглый годъ скотъ остается въ степи и подъ открытымъ небомъ. Раннею весной, когда степь обнажится отъ снѣга, калмыки передвигаются со своими стадами на болѣе высокія мѣста: тамъ раньше появляется растительность. Скотъ находитъ себѣ здѣсь обильную пищу и отъѣдается послѣ зимней голодовки.

Весна — веселое время для кочевника. Сыты его стада, сытъ и веселъ хозяинъ. У него въ изобиліи мясо, молоко. Онъ готовитъ впрокъ кумысъ, сыръ, айранъ. Лѣтомъ скотъ страдаетъ отъ недостатка пищи и главное — воды. Источники и болотца высыхаютъ; остаются только грязныя соленыя лужи и озерки, вокругъ которыхъ попадаются солянки да сѣрозеленая лебеда. Наступаетъ осень, вновь появляется въ степяхъ кое-какая растительность. Зимой скоту приходится очень плохо. Онъ добываетъ самъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Правда, калмыкъ коситъ траву и готовитъ для своихъ животныхъ запасы сѣна; но его не хватило бы и на двѣ недѣли для всего стада. Имъ онъ кормитъ только молодой скотъ, а остальныя животныя ежедневно выгоняются изъ зимняго загона въ открытую степь.

Впереди идутъ табуны лошадей, которыя своими копытами разбиваютъ снѣгъ и достаютъ засохшія степныя растенія; за лошадьми идутъ стада рогатаго скота и овецъ; шествіе обыкновенно заключается верблюдами, которые по своей неприхотливости поѣдаютъ все, что осталось отъ другихъ животныхъ, но сами не могутъ доставать корма изъ подснѣжнаго покрова.

Такой способъ зимняго продовольствія скота называется «тебеневкой». Если зима малоснѣжная, то

скотъ кое-какъ пробавляется кормомъ изъ-подъ снѣга. Но въ Астраханскихъ степяхъ нерѣдки зимой шурганы, т.-е. степныя бури съ мятелью. Бури здѣсь бываютъ до такой степени сильны, что даже рогатый скотъ и лошади не могутъ устоять противъ напора вѣтра, угоняются имъ далеко и погибаютъ цѣлыми стадами и табунами. Еще хуже бываетъ въ снѣжныя зимы, когда степь покрывается толстымъ слоемъ снѣга или послѣ гололедицы. Скотъ не въ силахъ разбить ледяного покрова и весь гибнетъ. Нерѣдко богатый калмыкъ, владѣлецъ тысячи головъ, послѣ гололедицы сразу становится нищимъ.

Усилія русскаго правительства пріучить калмыковъ къ осѣдлости окончились неудачей. Въ 1846 году, въ видахъ заселенія дорогъ, пролегающихъ черезъ Калмыцкую степь, было основано по тракту, идущему изъ Астрахани въ Ставрополь, 44 станицы, каждая въ 50 дворовъ русскихъ крестьянъ и 50 дворовъ калмыковъ, съ отводомъ поселенцамъ земли по 30 десятинъ на душу; за поселенцами-калмыками, кромѣ того, сохранялось право на участіе въ пастьбѣ скота на общихъ земляхъ; наконецъ каждому калмыку выдавалось еще при поселеніи по 15 рублей. Несмотря на такія льготы, калмыки ни на одномъ изъ отведенныхъ имъ участковъ не поселились, и выстроенные для нихъ дома остались незанятыми; только русскіе крестьяне быстро заняли лучшія мѣста, и такимъ образомъ среди калмыковъ появилось значительное число русскихъ поселеній. Такую же неудачу имѣли и послѣдующія попытки привести калмыковъ къ осѣдлому образу жизни. Съ 1862 года началось межеваніе калмыцкихъ земель и надѣленіе ими калмыковъ: нойонамъ было нарѣзано 1.500 десятинъ, зайсангамъ по 400 десятинъ, а простолюдинамъ отъ 20 до 60, смотря по качеству избираемой земли.

Только эта послѣдняя мѣра и уменьшеніе свободныхъ земель для перекочевокъ заставили нѣкоторыхъ

Рис. 31. Тебеневка.

калмыковъ сократить скотоводство и постепенно осѣдать въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Нужда заставила

ихъ избирать постоянныя мѣста для зимнихъ стоянокъ и тамъ устраивать базы, т.-е. защиты для скота отъ зимнихъ вьюгъ. Въ мѣстахъ зимнихъ стоянокъ калмыки селятся не отдѣльными кибитками, а цѣлыми родственными группами, составляющими «хотонъ». Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ «хотонъ» составляется не изъ родственниковъ, а на сословныхъ началахъ, таковы хотоны духовенства, зайсанговъ и нойоновъ.

Эти-то зимніе хотоны съ базами, огородами и коегдѣ торчащими землянками являются зародышами будущихъ калмыцкихъ осѣдлыхъ поселеній.

Дѣлаются эти землянки пока еще неумѣлыми руками: землянки выходятъ приземисты, косы, кривы, съ подслѣповатыми окнами, съ низкими и узкими дверями. Въ расположеніи всѣхъ построекъ не видно ни плана ни порядка. Строятъ все изъ «самана» — сырцоваго кирпича, который приготовляется изъ глины, навоза и соломы. Кромѣ того, на постройку идетъ просто грязь, которую смѣшиваютъ съ соломой, и степной бурьянъ — «курай».

Въ Ергеняхъ близъ своихъ хотоновъ нѣкоторые калмыки распахиваютъ землю и сѣютъ хлѣбъ. Воздѣлываютъ землю они очень старательно и своего труда не жалѣютъ. Въ балкахъ сѣютъ рожь и пшеницу; гречиха не родится, потому что выгораетъ; но зато табакъ и горчица даютъ очень хорошіе сборы. Нерѣдко, однако, здѣсь можно видѣть, что калмыки на своей землѣ въ потѣ лица своего работаютъ не въ свою пользу, а въ пользу русскаго промышленника, который снялъ у калмыка землю и нанялъ его себѣ въ работники. И при всемъ этомъ калмыки — одаренный, способный народъ. Развитіе его только задерживается его забитостью, бѣдностью. Дѣти тѣхъ калмыковъ, которые имѣютъ возможность дать образованіе въ астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ или въ

уѣздномъ училищѣ, нисколько не отстаютъ по успѣхамъ отъ русскихъ и проявляютъ вообще большую понятливость.

XV.

Ничтожная горсть калмыковъ исповѣдуетъ православіе. Крестящихся калмыковъ—обыкновенно дѣтей—принимаютъ въ свою семью русскіе. Такіе пріемыши пользуются уже всѣми правами законныхъ наслѣдниковъ.

Вообще же калмыки исповѣдываютъ давно принятую ими вѣру — буддизмъ. Религія эта зародилась въ Индіи, и основателемъ ея былъ Будда Сакія-Муни, индійскій царевичъ. Главныя основанія буддизма, по ученію Будды, это — незлобіе, отреченіе отъ земныхъ радостей и любовь къ людямъ. Такъ какъ причина страданій человѣка—привязанность его къ жизни и жажда наслажденій, то, чтобы избавиться отъ этихъ страданій, надо убить въ себѣ желанія, а потому жить очень скромно и не предаваться излишествамъ. Избраннымъ же совѣтуется строгій постъ и полное отреченіе отъ всѣхъ благъ земныхъ. Но, по смерти Будды, его послѣдователи измѣнили его простое и ясное ученіе.

Явилось ученіе о раѣ, явилось почитаніе различныхъ боговъ, чуждыхъ настоящему буддизму. Самого Будду стали считать богомъ, да и, кромѣ него, появилось еще нѣсколько буддъ. Но, кромѣ буддъ, теперешніе буддисты почитаютъ еще другія божества — бодисатвы. Эти бодисатвы иногда воплощаются въ людяхъ, и такимъ воплощеннымъ въ человѣка божествомъ считается живущій въ Тибетѣ Далаи-Лама. Всѣ буддисты, почитающіе его, называются ламаитами. Къ ламаитамъ относятся и калмыки. Но, кромѣ этихъ божествъ, ламаиты почитаютъ еще много разныхъ небольшихъ божковъ, защитниковъ вѣры, демоновъ и разныхъ

мѣстныхъ боговъ — домовыхъ, которымъ въ домѣ у ламанта отводится особое священное мѣсто. Вся эта сложная и запутанная религія оплетена еще множествомъ различныхъ суевѣрій, къ которымъ очень склонны стоящіе еще почти на ступени дикарей калмыки.

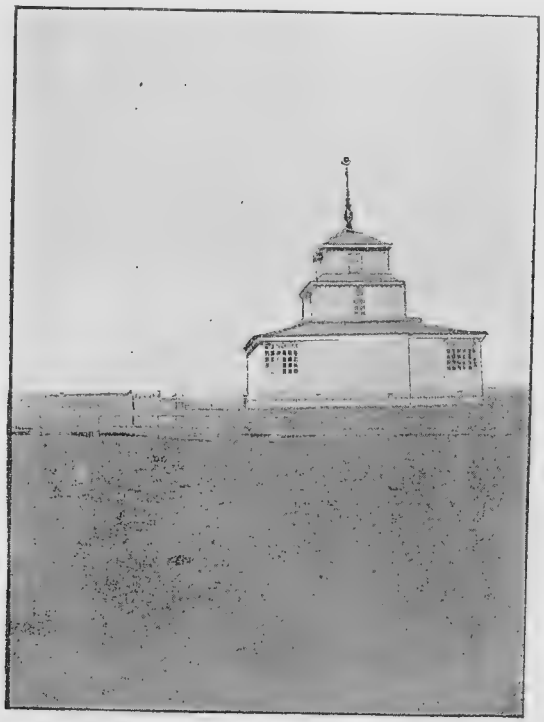

Рис. 32. Хурулъ.

Они очень боятся своихъ боговъ, чему способствуетъ и чѣмъ пользуется духовенство калмыковъ — ламы. Эти ламы, подобно нашимъ монахамъ, даютъ обѣтъ безбрачія, носятъ одежду желтаго или краснаго цвѣта и живутъ въ монастыряхъ — „хурулахъ“, устроенныхъ въ особыхъ кибиткахъ. Хурулы перекочевываютъ всегда отдѣльно отъ остальныхъ калмыковъ. Часто это не что иное, какъ группа кибитокъ, которыя по внѣшнему виду мало чѣмъ отличаются отъ кибитокъ простыхъ кочевниковъ. Снаружи кибитка-храмъ отличается только бѣлой кошмой и становится посреди хурула. По бокамъ располагаются ки-

битки, гдѣ живутъ ламы, и другія, въ которыхъ живутъ призрѣваемые на счетъ хурула бѣдняки. Духовное званіе среди калмыковъ и до сихъ поръ пользуется большимъ почетомъ. Монахи и вообще духовныя лица очень многочисленны. Всякая семья стремится имѣть въ хурулѣ своего члена. Они вѣрятъ, что духовное званіе важно не для одного поступающаго, но и для всѣхъ его родственниковъ. Это званіе избавляетъ отъ несчастій здѣшней жизни. Иногда отдаютъ дѣтей въ хурулъ не навсегда, а до совершеннолѣтія.

По мѣрѣ того, какъ отданный въ хурулъ мальчикъ достигаетъ болѣе значительнаго возраста и успѣваетъ въ изученіи обрядовъ и главныхъ основъ вѣры, происходитъ послѣдовательное возведеніе его на разныя священнослужительскія ступени, изъ которыхъ 4-я высшая — гелюнгъ.

Но, кромѣ дѣленія духовенства по священнослужительскимъ ступенямъ, оно раздѣляется еще на 4 группы по изученію тѣхъ спеціальностей, которымъ монахи посвящаютъ свою жизнь. Въ каждомъ монастырѣ есть монахи, преподающіе богословіе—бакши (учителя вѣры), зурхачи — астрологи, эмчи — медики, зурачи — живописцы. Бакши не только учитель вѣры, но и блюститель нравственности и верховный судья. На обязанности зурхачи лежитъ слѣдить за лѣтами вступающихъ въ бракъ, назначать счастливыя имена новорожденнымъ, отыскивать причину болѣзней, опредѣлять, какому виду погребенія придать умершаго, узнавать легкіе и тяжелые дни, предугадывать измѣненія погоды и т. д.

Сравнительно меньшая роль принадлежитъ калмыцкому доктору — эмчи, который приглашается къ больнымъ лишь послѣ опредѣленія зурхачи причинъ болѣзни. Къ нему прибѣгаютъ всѣ калмыки. Къ

настоящему врачу не обращается никто. Эти эмчи грабятъ несчастный народъ ужасно. Болѣзнь для калмыка разоренье. Эмчи возьметъ у него весь скотъ, всѣ деньги и въ концѣ-концовъ все-таки уморитъ его. Теплая вода, сыворотка — вотъ главныя лѣкарства. При лѣченіи калмыцкій знахарь воспрещаетъ всякую пищу. Для лѣченія иногда употребляютъ баранье сало изъ курдюка, непремѣнно растопленное, коровье масло, которое больные должны выпивать большущими чашками и по нѣсколько сразу. Самое лучшее лѣкарство — крѣпкій бульонъ изъ баранины. У эмчи есть средство отъ всего: и отъ дурного глаза, и отъ клеветы, и отъ наговора, и даже «отъ начальства».

Въ самое послѣднее время въ степи вѣра въ эмчи начала нѣсколько колебаться, благодаря проникновенію туда образованія. Пока же они продолжаютъ высасывать изъ народа послѣдніе соки. «Піявка насосется и отпадетъ, а гелюнгъ никогда». Такъ говорятъ про нихъ. Живутъ гелюнги по сравненію съ простымъ народомъ зажиточно, а нѣкоторые—богато; въ кибиткѣ духовнаго лица не рѣдкость встрѣтить самовары, стулья, столы. Въ окраинныхъ улусахъ гелюнги перекочевываютъ даже въ хорошихъ крытыхъ экипажахъ, запряженныхъ тройкой прекрасныхъ лошадей.

Большая, по сравненію съ простыми калмыками, зажиточность духовенства проявляется, между прочимъ, въ томъ, что рѣдко встрѣчаются хурулы, въ которыхъ бы не было постоянныхъ построекъ, въ особенности на зимнихъ стойбищахъ. Въ нѣкоторыхъ хурулахъ зимой почти все духовенство живетъ въ домахъ. Кромѣ жилыхъ построекъ, постоянными деревянными строеніями являются также молельни, памятники и могильныя часовни надъ прахомъ святыхъ людей.

Рис. 33. Главный лама калмыцкаго народа.

Въ постройкѣ ихъ духовенство придерживается тибетской архитектуры, но, благодаря тому, что рабочими при постройкѣ бываютъ всегда русскіе плотники, то въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ удается приблизиться къ тибетскому стилю, чаще же только верхняя часть постройки отвѣчаетъ религіознымъ требованіямъ ламаитовъ, а вся остальная ничѣмъ не отличается отъ обычнаго жилого зданія.

Ежедневно два или три раза совершается въ хурулѣ богослуженіе, куда доступъ намъ, русскимъ, совершенно свободный. Простолюдины калмыки во время богослуженія въ храмъ не впускаются; они стоятъ за дверью. Вотъ какъ писатель Немировичъ-Данченко описываетъ калмыцкое богослуженіе. «Входите въ храмъ-капище. Прежде всего васъ поражаетъ пестрота и яркость. На высокихъ древкахъ развѣшаны писанные на шелку тибетскіе образа со всевозможными уродами. У алтаря оригинальные вычурные сосуды, въ которыхъ курятся какіе-то странные, непривычные ароматы. Въ другихъ серебряныхъ чашечкахъ — желтыя ароматическія жидкости, видимо, въ качествѣ жертвы принесены бурханамъ. Посрединѣ въ два ряда, лицомъ другъ къ другу, сидятъ на корточкахъ жрецы—гелюнги. На всѣхъ красные или желтые шелковые халаты. На одномъ, сверхъ того, плащъ изъ полосатой шелковой матеріи. На головѣ главнаго жреца, ламы, картонный кокошникъ, родъ митры, съ изображеніемъ тѣхъ же паукообразныхъ бурхановъ. Подъ этимъ кокошникомъ у него громадный парикъ изъ конскихъ волосъ. На плечи падаетъ голубой плащъ, подъ нимъ желтая рубаха, а изъ-подъ нея видна розовая юбка. У каждаго въ рукахъ или на коврѣ передъ нимъ какой-нибудь музыкальный инструментъ. Передъ митроносцемъ серебряные колокольчики и труба изъ человѣческой кости, обдѣланная въ серебро и перевязан-

Рис. 34. Внутренность калмыцкаго храма (хурула).

ная человѣческими же волосами. У другихъ—барабаны, литавры, съ широкими раструбами рожки, длинныя громадныя колѣнчатыя трубы, аршина въ три, изъ мѣди.

«Передъ алтаремъ съ бурханами горятъ многочисленныя пахучія тибетскія свѣчи. Среди бурхановъ выдѣляется главный идолъ—Будда Сакія-Муни, вылитый изъ какого-то желтаго металла. Легкій вѣтерокъ врывается въ открытыя окна храма и слегка шевелитъ иконы. У самаго храма снаружи и внутри его постоянно вертятся барабаны. На нихъ изображены молитвы, внутри барабанъ тоже набитъ ими. Барабанъ на оси, которая приводится въ движеніе ремешкомъ; другой конецъ ремешка — въ рукахъ гелюнга. Къ нѣкоторымъ барабанамъ придѣлано вверху нѣчто въ родѣ крыльевъ мельницы.

«Вертится барабанъ, вращаются и крылья, а на каждомъ крылѣ опять молитва написана. Такимъ образомъ въ теченіе часа на обоихъ барабанахъ повернется безчисленное количество молитвъ, и это равно ихъ прочтенію передъ бурханами.

«Вдругъ раздается оглушительный ревъ трубъ. Точно тысяча быковъ сразу заорали, но вскорѣ и смолкли. Послышался вслѣдъ за этимъ печальный напѣвъ жрецовъ. По сигналу, данному литаврами, стали позванивать серебряные колокольца. Тихо разгорался напѣвъ, въ тактъ жрецы похлопывали въ барабаны, въ горлѣ у одного пѣвца точно ручей переливался съ камешка на камешекъ. Въ опредѣленные моменты стихъ отъ стиха стройно отдѣлялся звономъ литавръ. Съ унылымъ напѣвомъ сливается жужжанье быстро вращаемыхъ молитвенныхъ барабановъ... Но вотъ къ хору присоединился рожокъ... Все рѣзче и рѣзче трубитъ онъ... Какой-то гелюнгъ заревѣлъ въ раковину, оправленную серебромъ. Голоса пѣвцовъ сообразно этому росли и росли. Рожки и раковины не умолкаютъ.

Рис. 35. Гелюнгъ и два молодыхъ калмыка.

Музыканты напрягаютъ грудь до изнеможенія, лица ихъ становятся краснѣй и краснѣй. Вдругъ въ хоръ врывается словно ревъ тысячи быковъ—оглушительные стоны громадныхъ мѣдныхъ трубъ... Готовъ ужъ уйти отъ этого страшнаго рева, какъ внезапно гаснутъ трубы, за ними умолкаютъ рожки и раковины, тише и тише становятся литавры, и опять тихій жалобный напѣвъ, опять острое, порывистое тюлюканье серебряныхъ колокольчиковъ и словно приниженный звонъ—литавръ. Наконецъ и литавръ не слышно, и колокольчики смолкли, и только жужжаніе барабановъ да унылый сонный напѣвъ гелюнговъ сквозь окно храма разносятся въ безпредѣльную степь.

«Удивительное впечатлѣніе это богослуженіе должно производить на инородцевъ въ пустынныхъ равнинахъ Прикаспія. Тихимъ вечеромъ, когда синія сумерки окутываютъ окрестности, изъ одинокаго храма на громадное разстояніе разносятся эти печальные дикіе напѣвы. Чутко внимаетъ имъ калмыкъ и, складывая у лба ладонь, творитъ земной поклонъ, слегка дотрагиваясь головою до своихъ бурхановъ. А сумерки все гуще и гуще... Уже ночь на востокѣ, уже яркія крупныя звѣзды высыпали на небо и теплятся въ лазуревомъ просторѣ, и все тише и печальнѣе разносится напѣвъ гелюнговъ, пока вмѣстѣ съ послѣднимъ отсвѣтомъ зари не замретъ онъ, какъ замираетъ тихій звонъ трубы».

Въ бракъ калмыки вступаютъ въ очень раннемъ возрастѣ,—съ 16 лѣтъ, а дѣвушки съ 14. Невѣсту выбираютъ родители или родственники жениха. Сватовство тянется очень долго, и свадьба совершается не прежде, чѣмъ женихъ уплатитъ роднѣ невѣсты все, что слѣдуетъ по обычаю и договору—на покупку водки, одежды, подарковъ для невѣсты и припасовъ для брачнаго пира. Все это обходится не дешево—

иногда рублей 100, а то и больше. До свадьбы въ домѣ жениха и невѣсты бываютъ пирушки. Передъ свадьбой обѣ семьи прикочевываютъ поближе другъ къ другу. Самая свадьба совершается въ кочевьѣ невѣсты, но въ юртѣ жениха. При совершеніи браковъ духовенство участвуетъ только въ богатыхъ

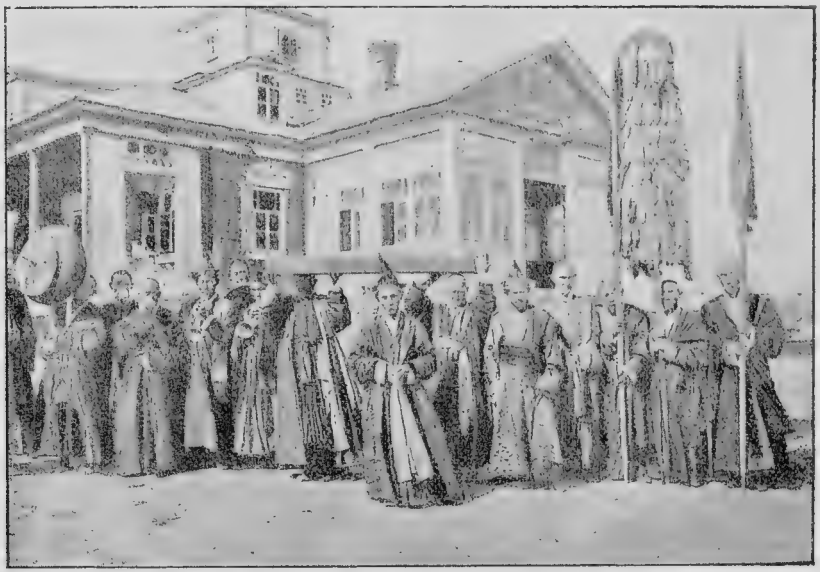

Рис. 36. Духовная процессія калмыковъ.

семьяхъ. Калмыцкія женщины отличаются рѣдкой у другихъ инородцевъ чистотой нравовъ. Среди нихъ почти совсѣмъ не встрѣчается нарушенія супружеской вѣрности; также безупречно и поведеніе дѣвушекъ. Разводъ у калмыковъ совершается очень легко. Однако прибѣгаютъ къ нему калмыки рѣдко.

Все имущество семьи еще при жизни главы ея дѣлится на столько частей, сколько есть въ ней мужчинъ — безъ различія возраста и степени родства.

Жена и дочери не имѣютъ части въ дѣлежѣ имущества, а владѣютъ только тѣмъ, что имъ подарено Если умираетъ бездѣтный калмыкъ, то имущество его все цѣликомъ отдается храму на поминъ души усопшаго.

Рис. 37. Могилы знатныхъ калмыковъ.

Умершаго калмыка въ землю не зарываютъ, а, завернувши въ старый войлокъ, бросаютъ трупъ въ заброшенный колодецъ или просто въ какую-нибудь яму, а зимой — въ сугробъ снѣга. Только трупы князей и ламъ, т.-е. высшихъ духовныхъ лицъ, сжигаютъ по индійскому обычаю. Калмыки рѣшительно не заботятся объ участи своихъ мертвецовъ, которыхъ они похоронили такъ просто, и не обращаютъ вниманія на то, напримѣръ, что собаки, отыскавши трупъ,

таскаютъ его части по степи. Понятно, какъ вреденъ этотъ обычай. Съ наступленіемъ весны трупы начинаютъ гнить, служа хорошей пищей миріадамъ невидимыхъ глазомъ организмовъ — бактерій. А эти бактеріи переносятся потомъ и на живыхъ и способны вызвать повальныя заболѣванія какъ людей, такъ и домашнихъ животныхъ. Въ самое послѣднее время по требованію русскихъ властей калмыки стали зарывать своихъ покойниковъ въ землю.

XVI.

Селясь около Ергеней, русскіе не заходятъ въ центральныя степи. Желѣзныхъ дорогъ по степи не проложено, и сообщеніе происходитъ по почтовымъ трактамъ. Прежде почта была въ рукахъ русскихъ ямщиковъ, но теперь она содержится калмыками. Горе путешественнику, который*) не запасется экипажемъ или не достанетъ повозки въ улусѣ. Онъ испытаетъ тогда всю прелесть передвиженія на двухколесной арбѣ или на платформѣ для перевозки кизяка. Даже казаки и разсыльные часто предпочитаютъ ѣхать верхомъ, нежели на этихъ тряскихъ экипажахъ, на которыхъ нельзя ни сѣсть ни лечь, которые непремѣнно въ дорогѣ лишатся или колеса или оглобли, а иногда и передка. Упряжь лошадиная, составленная изъ какихъ-то веревочекъ, часто рвется на пути, а лошади, управляемыя неумѣлымъ возницей, или еле бѣгутъ или грозятъ понести. Пріѣзжая на станцію, для которой постояннаго мѣста нѣтъ, и которую иногда находишь за версту отъ дороги, вы видите грязную кибитку, кишащую насѣкомыми, радушный хозяинъ которой, кромѣ кирпичнаго чаю или кислаго

*) Красновъ.

молока, вамъ ничего предложить не можетъ. Ночлегъ въ такомъ жилищѣ, гдѣ ламаитъ калмыкъ за грѣхъ считаетъ убить кусающую его вошь и бросаетъ ее на полъ, гдѣ пыль и песокъ засыпаютъ глаза,— все это не доставитъ и сотой доли того удобства, которое вы встрѣтите въ сквернѣйшей русской деревушкѣ... Единственное русское населеніе внутренней степи — это казакъ, посылаемый съ разными порученіями, да улусные чиновники.

Среди безжизненной равнины, нерѣдко среди сыпучаго песка возвышается 4 — 5 деревянныхъ построекъ, иногда уже полузасыпанныхъ пескомъ. Это и есть ставка «улуса», т.-е. куска степи, занимающаго пространство съ добрый уѣздъ величиною. Это единственныя мѣста въ степи, гдѣ живетъ осѣдлое населеніе.

Ставкою завѣдуетъ приставъ или улусный попечитель иногда одинъ, иногда съ помощникомъ. На попечителѣ лежатъ всѣ административныя обязанности края: онъ судебный слѣдователь, онъ судья, онъ же исправникъ и приставъ улуса. Знаніе народа, съ которымъ имѣешь дѣло, пониманіе его обычаевъ и правъ могли бы сдѣлать изъ пристава лицо, отъ котораго зависитъ благоденствіе области. Это было бы тѣмъ болѣе легко, что калмыки относятся къ своимъ властямъ съ большимъ уваженіемъ и послушаніемъ. Къ несчастію, до самаго послѣдняго времени подборъ лицъ, занимающихъ эти должности, былъ далеко не всегда удаченъ; кромѣ того, незнаніе мѣстнаго языка дѣлало и дѣлаетъ многихъ попечителей жертвою своихъ толмачей (переводчиковъ), которые, если ихъ начальникъ не обладаетъ достаточной проницательностью, всегда находятъ возможность обдѣлать дѣло по-своему.

Калмыки-разсыльные, гелюнгъ, содержащійся для привода къ присягѣ, и письмоводитель составляютъ

все общество, находящееся вокругъ попечителя. Кромѣ того, при ставкѣ всегда имѣется школа. Учительница, обыкновенно русская, и помощница ея калмычка завѣдуютъ школой. Трудно повѣрить, но, говорятъ, въ теченіе года мальчуганы выучиваются читать и писать довольно бойко по-русски, говорятъ хотя и лома-

Рис. 38. Калмыки подаютъ прошеніе.

нымъ языкомъ, но довольно хорошо и выучиваются грамотѣ калмыцкой.

Школы содержатся очень хорошо. Дѣти имѣютъ чистыя постели, бѣлье, а сытыя лица ребятишекъ говорятъ въ пользу того, что и столъ у нихъ не плохъ. Нельзя только не пожалѣть о томъ, что книги, принятыя въ училищахъ, тѣ же, что и въ русскихъ школахъ: въ нихъ говорится о предметахъ, для калмыковъ совершенно непонятныхъ.

Команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ казаковъ составляетъ также необходимую принадлежность ставки. Во время командировокъ казаки всегда почти привозятъ съ собою отъ калмыковъ «кое-что», такъ что командировки эти для нихъ являются очень выгодными; внести же что-либо въ дикую калмыцкую среду они, конечно, не могутъ. Явившійся наѣздомъ казакъ мало нарушаетъ общее однообразіе жизни въ хотонѣ.

Вызванный по дѣлу въ ставку калмыкъ также мало новаго вынесетъ изъ нея. Да и вообще степная жизнь идетъ крайне однообразно.

Едва наступилъ день, еще до восхода солнца, поднимаются женщины и идутъ къ скоту, доятъ коровъ и отряжаютъ скотъ на пастбище, здѣсь же, вблизи хотона; не отпускаются одни телята, которые остаются привязанными. Наступаетъ часъ завтрака; женщина готовитъ пищу, и къ этому времени уже встаютъ мужчины и остальные члены семьи. Ѣда у калмыковъ производится всегда однимъ порядкомъ: всѣ собрались, пища готова, старшій наливаетъ въ жертвенную чашку чаю или кладетъ въ нее мясо или другой пищи, которая сготовлена, и ставитъ ее передъ бурханами; а потомъ пьетъ самъ чай, а за нимъ и другіе. Когда пища съѣдена, дѣти поѣдаютъ и то, что ставилось передъ бурханами.

Послѣ завтрака подростки обоихъ половъ отправляются къ скоту, мужчины идутъ поить скотъ, очищать худуки, копать новые или же отправляются по дѣлу на сторону, осѣдлавъ лошадь, а не то сидятъ по кибиткамъ и курятъ трубки, а женщины идутъ готовить кизякъ. Рогатый скотъ всегда ночуетъ въ одномъ мѣстѣ, вблизи кибитокъ и оставляетъ пометъ; женщины пользуются этимъ, собираютъ его еще свѣжимъ руками, складываютъ въ кучи и, примѣшавши къ нему немного земли, скатываютъ въ вальки, кото-

рые, по мѣрѣ накопленія, стаскиваютъ въ одно мѣсто около кибитки, гдѣ есть растительность и гдѣ менѣе всего ходитъ скотъ и ѣздятъ люди. Здѣсь тѣсто кизяка раздѣляется на катышки; катышки расплющиваются въ лепешки, продавливаются пальцами, и такія лепешки раскладываются тутъ же на травѣ для просушки. Промежутокъ между работою на приготовленіе кизяка и обѣдомъ уходитъ на битье масла, варку арьки и на работы по кибиткѣ: шитье и починка одежды, тканье, пряденье шерсти, плетенье веревокъ и пр. Послѣ обѣда женщины и подростки-дѣвушки, взявши кожаные мѣшки, отправляются въ степь собирать сухой пометъ на топливо и возвращаются съ полными мѣшками къ тому времени, когда наступаетъ уже пора прихода съ пастбищъ скота, вечернее доеніе коровъ, устройство его на ночь. Оставшееся время затрачивается на складываніе разложенныхъ утромъ для просушки плитокъ кизяка: ихъ складываютъ въ крупныя кучи и сверху отъ сырой погоды замазываютъ глиной съ свѣжимъ каломъ, на другой день на ту же кучу кладутъ новыя плитки, и такъ куча растетъ до того времени, пока хотонъ не откочуетъ. Передъ выкочевкой кучи окончательно замазываютъ сверху и оставляютъ на мѣстѣ: это топливо для зимы, и его свезутъ потомъ постепенно въ мѣста, гдѣ будетъ зимняя кочевка. Мужчины послѣ обѣда обыкновенно спятъ, а тамъ наступаетъ время вечерняго водопоя скота, когда они отправляются къ худукамъ. Вмѣстѣ со скотомъ возвращаются подростки пастухи, и къ вечеру собирается вся семья.

Наступаетъ время ужина и затѣмъ въ хотонѣ воцаряется мертвая тишина. Лѣтомъ калмыки не зажигаютъ огня, и съ наступленіемъ полныхъ сумерокъ жизнь хотона замираетъ съ тѣмъ, чтобы съ зарею снова пробудиться.

Зимой картина жизни хотона нѣсколько мѣняется; женщины болѣе сидятъ съ дѣтьми въ кибиткахъ, а зато мужчинамъ въ это время работы прибавляется: на нихъ уже лежитъ забота о скотѣ, бродящемъ въ степи, о сохраненіи его во время бурановъ, объ очисткѣ мѣста отъ снѣга для почевки верблюдовъ и пр. Такъ монотонно проживаетъ хотонъ день за днемъ до новой перекочевки; перекочевка ненадолго оживляетъ все населеніе. Когда мѣсто для новой кочевки осмотрѣно, приступаютъ къ разборкѣ кибитокъ и навьючиванію на верблюдовъ. Когда верблюды навьючены, ихъ заставляютъ встать и привязываютъ одного сзади другого. Такимъ образомъ, всегда получается довольно большой караванъ. Впереди каравана ѣдетъ верхомъ на лошади хозяйка кибитки и ведетъ за «бурундукъ» (поводъ) 1-го верблюда, или же ее замѣняетъ работникъ, и въ такомъ случаѣ хозяйка ѣдетъ рядомъ съ верблюдомъ, гдѣ находятся дѣти, или же сидитъ вмѣстѣ съ ними на навьюченныхъ верблюдахъ, гдѣ помѣщаются также старики и старухи.

У достаточныхъ людей всѣ члены семьи, которые могутъ ѣздить, т.-е. кромѣ малолѣтнихъ дѣтей и глубокихъ стариковъ, и самъ хозяинъ ѣдутъ на лошадяхъ. Рядомъ съ караваномъ гонятъ и скотъ или работники, или подростки, или самъ хозяинъ. Караванъ идетъ шагомъ, но молодежь, ѣдущая на лошадяхъ, устраиваетъ на пути родъ скачекъ, забавляется, веселится, поетъ пѣсни.

На пути, если переходы большіе, караванъ останавливается, и населеніе подкрѣпляетъ себя взятыми съ собой на этотъ случай продуктами,—молокомъ, кумысомъ, арькой. Если вблизи дороги каравана встрѣчаются хотоны родственниковъ или знакомыхъ, то хотоны приглашаютъ къ себѣ въ кибитки и угощаютъ качующихъ арькой, кумысомъ, а главнымъ образомъ чаемъ.

Такъ протекаетъ жизнь во внутренней степи, гдѣ кочевникъ сохранился еще такимъ, какимъ онъ, вѣроятно, былъ столѣтіе назадъ.

Другое нѣсколько отношеніе приходится видѣть ближе къ западу, къ Ергенямъ.

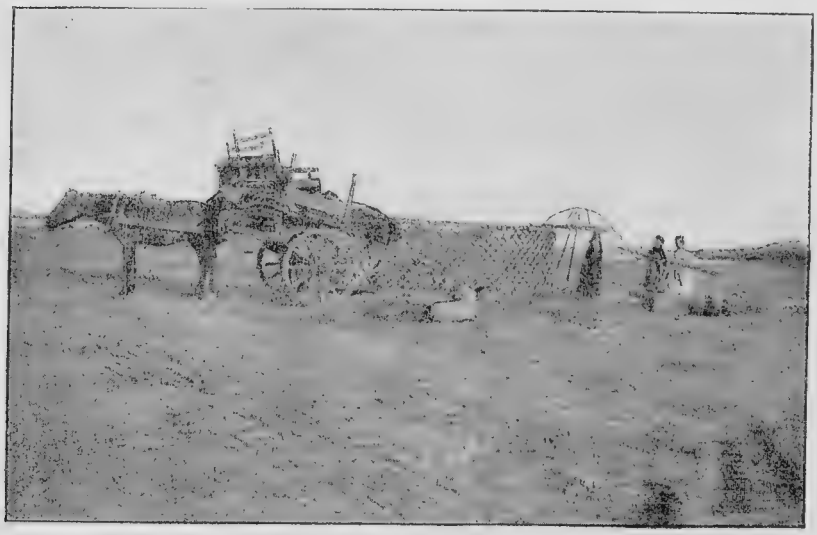

Рис. 39. Разбивка кибитки.

Степь съ каждымъ шагомъ становится оживленнѣе, чаще и чаще начинаютъ попадаться въ ней русскіе охотники и скотоводы-пастухи; наконецъ у подножія Ергеней являются поселки — сперва жалкіе и лишенные зелени, но чѣмъ далѣе вглубь Ергеней, тѣмъ болѣе цвѣтущіе, окруженные садами. Тутъ калмыкамъ приходится непосредственно сталкиваться съ русскими, и нельзя сказать, чтобы столкновенія эти были очень мирными, наоборотъ, отношенія между ними все обостряются.

Со всѣхъ сторонъ окружена Калмыцкая степь русскими поселками, и это кольцо постепенно стягивается все уже, все дальше оттѣсняя калмыковъ въ глубину степи.

Движенію этому всѣми силами препятствуетъ калмыцкое правленіе, но совершенно тщетно; движеніе неудержимо распространяется, дѣлая большіе успѣхи и ясно показываетъ несостоятельность культуры калмыковъ сравнительно съ русской.

Такое заселеніе степи русскими совершается двумя путями.

Первый — аренда земель. Владѣя съ избыткомъ прекрасными землями, калмыки сначала находили выгоднымъ сдавать ихъ русскимъ. И, несмотря на многія недоразумѣнія, договоры между добродушнымъ и уступчивымъ калмыкомъ и, хотя и хитрымъ, но въ сущности не менѣе простымъ хохломъ, улаживались миролюбиво и обыкновенно въ пользу хохла. Такимъ образомъ, русскіе получали возможность овладѣвать все новыми и новыми участками пахотной земли. Но были и другіе случаи заселенія степи русскими, болѣе несимпатичные. Такъ, по Калаусу есть селеніе Сдвиженка или Дурноселовка, крайне оригинально построенная. Пришли крестьяне и, никого не спросясь, основали селенье, пользуясь тѣмъ, что сюда рѣдко заглядывали власти. Когда, наконецъ, спохватились и велѣли имъ убираться, куда хотятъ, было уже поздно; дѣло кончилось тѣмъ, что Дурноселовку перенесли черезъ нѣсколько верстъ, почему и назвали ее потомъ Сдвиженка.

Другой незаконный способъ заселенія степи русскими создала миссія, т.-е. русское православное духовенство, посылаемое въ степи для обращенія иновѣрцевъ въ христіанство.

Многіе изъ такихъ миссіонеровъ не имѣютъ почти никакого понятія о религіозныхъ взглядахъ калмыковъ и въ большинствѣ случаевъ, не зная ихъ языка, мало пользуются довѣріемъ со стороны калмыковъ. Уступая въ знаніи условій, въ средствахъ и во вліяніи хитрымъ и ловкимъ калмыцкимъ гелюнгамъ, миссіонеры обыкновенно привлекаютъ въ паству только худшую часть калмыковъ, такихъ, которые крестятся по нѣсколько разъ, для того, чтобы каждый разъ получить по 15 рублей награды и стать подъ покровительство миссіи. Понятно, что эти новокрещенцы рѣдко дѣлаются хорошими прихожанами; если они въ церковь придутъ одинъ разъ въ годъ, такъ и то слава Богу. Между тѣмъ при ничтожномъ вознагражденіи миссіонеръ не можетъ быть безъ прихожанъ. Ихъ онъ старается себѣ сыскать въ другой національности—въ русскихъ. Подъ предлогомъ пріученія къ осѣдлой жизни кочевниковъ, подъ предлогомъ пріученія жителей къ земледѣлію поселяются у миссіи нѣсколько крестьянъ. Къ нимъ присоединяются земляки, и, какъ грибъ, вырастаетъ поселокъ. Какъ бы то ни было, но калмыцкое населеніе и само уже начинаетъ нуждаться въ землѣ. Отдача въ аренду производится уже неохотно, а бѣднѣйшіе калмыки обращаются къ воровству. Рано или поздно калмыкамъ придется медленно угасать, уступивъ Ергени русскимъ, которымъ на дѣлѣ уже принадлежитъ большая часть этой возвышенности.

Калмыковъ-земледѣльцевъ здѣсь немного. Поселокъ Червленое близъ Сарепты — единственное поселеніе калмыковъ-земледѣльцевъ.

XVII.

На востокъ отъ нижней Волги тянутся пустынныя степи, заселенныя киргизами. Полоса земли, принадлежащая уральскимъ казакамъ, отдѣляетъ отъ громад-

ныхъ азіатскихъ киргизскихъ степей часть, находящуюся въ Астраханской губерніи. Вся эта довольно большая равнина въ 7 милліоновъ десятинъ земли составляетъ земли Букеевской орды.

Въ предѣлахъ Астраханской губерніи и Уральской области киргизовъ больше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ инородцевъ. Да и вообще въ средней Азіи киргизы считаются самымъ многолюднымъ племенемъ. Въ одной Азіатской Россіи ихъ насчитываютъ больше 3 милліоновъ.

Всѣ киргизы дѣлятся на «кара-киргизовъ» («черныхъ киргизовъ») и «киргизовъ-казаковъ» или кайсаковъ. Въ нашемъ краѣ живутъ именно «киргизъ-казаки».

Уже въ XVI столѣтіи русскимъ приходилось встрѣчаться съ киргизами въ верховьяхъ Енисея, Оби, Иртыша. Мало-по-малу своими кочевьями киргизы заняли всѣ степи къ западу до береговъ рѣки Урала. Дѣлились эти кочевники на три отдѣла, или орды: Большую, Среднюю и Малую. Ханы, которые стояли во главѣ каждой орды, постоянно враждовали между собой, да и въ самой ордѣ происходили вѣчныя неурядицы.

Въ концѣ XVIII вѣка въ Малой ордѣ умеръ ханъ, и вотъ престоломъ во что бы то ни стало захотѣлъ овладѣть его молодой сынъ Букей. Престолъ, однако, попалъ въ руки другого соперника. Тогда Букей, по совѣту казачьяго полковника, обратился къ русскому правительству съ просьбой разрѣшить перекочевать черезъ рѣку Уралъ. Въ 1801 году вышло такое разрѣшеніе отъ императора Павла I, и Букей съ приверженными ему киргизами двинулся черезъ Уралъ и занялъ отведенныя ему земли между Ураломъ и низовьями Волги. Такимъ образомъ, создалась Букеевская орда. Сначала вмѣстѣ съ Букеемъ перекочевало

около 20 тысячъ человѣкъ. Затѣмъ прибавилось еще немного. Въ 1812 году Букей былъ возведенъ въ ханы киргизъ-кайсацкой орды, но черезъ три года умеръ. Титулъ и власть хана, подчиненнаго Россіи, сохранились до 50-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Послѣднимъ ханомъ былъ внукъ Букея Чингисъ, получившій воспитаніе въ С.-Петербургѣ въ Пажескомъ корпусѣ. Послѣ его смерти правительство уничтожило совсѣмъ и титулъ и власть хана. Букеевская орда была подчинена оренбургскому военному губернатору, а съ 1876 года вошла въ предѣлы Астраханской губерніи. Нынѣ Букеевская орда дѣлится на 7 округовъ, которыми управляютъ султаны, утверждаемые астраханскимъ губернаторомъ.

Такъ какъ природа степи Букеевскихъ киргизовъ очень похожа на калмыцкую, то вполнѣ естественно, что и киргизы, какъ калмыки, занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ. Впрочемъ, въ сѣверной части орды, ближе къ границѣ съ Самарской губерніей, есть участки, годные и для хлѣбопашества; но киргизы предпочитаютъ сдавать ихъ въ аренду крестьянамъ, сами же все-таки занимаются скотоводствомъ.

Во всей ордѣ въ годъ не собирается и ста тысячъ пудовъ хлѣба. Скота же насчитывается гораздо больше, чѣмъ у калмыковъ, именно до 2 милліоновъ головъ.

Кромѣ скотоводства, нѣкоторые изъ киргизовъ, живущихъ по прибрежной приморской полосѣ, занимаются рыболовствомъ; другіе нанимаются на астраханскіе промыслы. Многіе киргизы занимаются извозомъ: изъ Астрахани перевозятъ рыбу въ Царицынъ на верблюдахъ. Въ ордѣ существуютъ двѣ ярмарки, на которыхъ и производится почти вся торговля, частью мѣновая, частью на наличныя деньги. Здѣсь киргизы

продаютъ скотъ, кожи, шерсть, сало, а пріобрѣтаютъ чай, сахаръ, хлѣбъ мануфактурные товары, лѣсъ и проч.

Вообще про киргизовъ Букеевской орды можно сказать, что они, отдѣлившись почти совсѣмъ отъ своихъ сородичей Средней Азіи, начинаютъ мало-по-малу терять свои племенныя особенности, и, вслѣдствіе частыхъ браковъ съ калмыками, постепенно становятся похожими на тѣхъ.

Киргизы Уральской области сохранили болѣе свои племенныя особенности.

Одни изъ нихъ, осѣвъ по озерамъ и рѣкамъ, устраиваютъ землянки, въ которыхъ и живутъ зимою. Они занимаются скотоводствомъ, отчасти хлѣбопашествомъ и могутъ считаться полукочевыми; другіе же занимаются исключительно скотоводствомъ и постоянно перекочевываютъ то въ хивинскіе предѣлы, то въ сосѣднія съ ними болѣе южныя области. Лишь только снѣгъ начинаетъ стаивать, киргизы предпринимаютъ свой обычный ежегодный переходъ. Каждый родъ, или аулъ всегда идетъ по одному и тому же пути, останавливаясь у однихъ и тѣхъ же колодцевъ, у которыхъ останавливались его предки сотни лѣтъ тому назадъ, и на зимовку возвращаются въ одно и то же мѣсто.

Киргизы по своему происхожденію представляютъ смѣсь различныхъ племенъ монгольской и отчасти кавказской расы и отличаются физическими признаками, свойственными монголамъ, но только нѣсколько въ смягченной формѣ.

Киргизъ обыкновенно средняго роста, широкъ въ плечахъ, шея въ отличіе отъ монгола не коротка и не толста, кисти рукъ и ступени небольшія; тѣло крѣпкое, склонное къ ожирѣнію въ старости. Смуглое

скуластое лицо съ широкимъ носомъ, рѣдкой бородой и черными, прямыми волосами дополняютъ наружность киргиза.

Киргизамъ приходится привыкать не только къ жарѣ, но и къ холоду, особенно при тѣхъ сильныхъ и морозныхъ вьюгахъ, какія зимою въ степи бываютъ часто. Киргизы легко переносятъ и голодъ и жажду, а степная жизнь развила у нихъ замѣчательное зрѣніе и слухъ.

Рис. 40. Киргизъ.

Одѣвается киргизъ такъ. Прямо на тѣло надѣвается длинная холщевая или бумажная рубаха, широкіе бумажные или кожаные штаны и войлочные чулки; затѣмъ надѣвается халатъ съ длинными рукавами и кожаные сапоги. На бритой головѣ у нихъ всегда ермолка, поверхъ кото-

рой надѣвается или мѣховая шапка или остроконечная войлочная шляпа съ загнутыми кверху полями. Зимой бараній тулупъ и мѣховые штаны. Женскій костюмъ очень похожъ на мужской, лишь на головѣ женщины носятъ башлыкъ или платокъ, волосъ, конечно, не бреютъ, а заплетаютъ въ нѣсколько косичекъ.

Главное богатство киргиза — это скотъ. Много головъ скота у киргиза,—онъ богатъ и пользуется уваженіемъ окружающихъ. Больше всего въ ихъ стадахъ, конечно, овецъ.

Киргизскій баранъ ростомъ больше барановъ всѣхъ другихъ породъ; вмѣсто хвоста у него такъ называемый курдюкъ. Этотъ курдюкъ представляетъ изъ себя огромную массу сала фунтовъ въ 40; сверху курдюкъ покрытъ шерстью, внизу голый. Киргизскій баранъ горбоносый, уши висятъ книзу. Вообще шерсть его груба и употребляется киргизомъ для валки кошемъ и выдѣлки ковровъ.

Мясо киргизскаго барана, зарѣзаннаго и сваренаго въ степи самимъ киргизомъ, очень вкусно, особенно молодого барана. Изъ молока овцы киргизъ приготовляетъ особый родъ сыра «крутъ». Сыръ этотъ твердъ, какъ камень и кисловатъ на вкусъ. Растеревъ его въ порошокъ и растворивъ въ водѣ, кочевникъ получаетъ прохладительный напитокъ. Зимой по небольшому снѣгу баранъ самъ отыскиваетъ себѣ кормъ. Когда же снѣгъ настолько глубокъ, что ходить барану по подножному корму невозможно, то киргизъ выкапываетъ въ снѣгу ровъ шириною нѣсколько больше длины барана и такой длины, чтобы въ немъ могли помѣститься и кормиться подножнымъ кормомъ, стоя рядомъ и не мѣшая другъ другу, всѣ его бараны. Стригутъ барановъ два раза въ годъ, въ апрѣлѣ и сентябрѣ. Отъ весенней стрижки получается грязная шерсть, — отъ 3 до 5 фунтовъ съ

каждаго барана; осенью получается шерсть чистая до 2 фунтовъ съ каждаго. Пудъ первой стоитъ около 2 р. 60 коп., но шерсть киргизы продаютъ рѣдко, они валяютъ изъ нея кошмы; изъ пуда шерсти выходитъ кошма длиною до 3 саженъ и шириною 3 аршина. Стоитъ такая кошма рублей 6, и валяютъ ихъ преимущественно женщины.

Рис. 41. Киргизы у кибитки.

Козлятъ употребляютъ въ пищу, а изъ выдѣланныхъ козловыхъ шкуръ шьются чамбары, прекрасное мягкое, въ родѣ замши, и очень прочное для степи нижнее платье.

Рогатый скотъ киргизы стали держать въ большомъ количествѣ только въ послѣднія десятилѣтія. Киргизы, уже осѣвшіе и не откочевывающіе со своимъ

Рис. 42. Киргизскіе бараны.

скотомъ къ Усть-Урту, имѣютъ его уже достаточно. Киргизскій рогатый скотъ не отличается ростомъ, но зато молочный. На волахъ киргизъ пашетъ, на нихъ занимается извозомъ, на нихъ же, въ случаѣ неимѣнія лошади, а то и на коровѣ, ѣздитъ верхомъ.

Киргизская лошадь не велика ростомъ. Неприхотливая на кормъ, она сама питается тебеневкой. Очень поворотливая и легкая, она въ то же время замѣчательно вынослива и вполнѣ годится для кавалеріи.

Но самое драгоцѣнное для киргиза животное—это безусловно верблюдъ. Верблюды у киргизовъ двухъ породъ,—одногорбые и двугорбые. Первая порода, происшедшая отъ верблюдовъ южныхъ странъ Азіи, считается лучшею по силѣ и росту, но плохо выноситъ сѣверные холода; вторая, монгольская порода, происходитъ изъ сѣверныхъ степей; она слабѣе, но привычнѣе къ болѣе холодному климату.

Стоитъ *) только разсмотрѣть наружность верблюда, его необыкновенно сильную и какъ бы приспособленную для перевозки тяжестей фигуру, чтобы убѣдиться, что работа—его призваніе. Передъ вами какъ бы живое, неутомимое движущееся сѣдло на четырехъ ногахъ.

Верблюдъ въ одно и то же время напоминаетъ овцу и медвѣдя. Его шерсть и неуклюжесть — медвѣжьи, лицо — овечье; оно совсѣмъ голое; уши и волосы совсѣмъ, какъ у человѣка.

Ранней весной на худые и костлявые горбы верблюда, на это естественное его сѣдло, словно наброшена косматая шуба: такъ оброслъ онъ за зиму шерстью. Такіе же тулупы мотаются у него подъ шеей и на переднихъ ногахъ, закрывая колѣна. Они придаютъ верблюду нѣсколько звѣрскій видъ.

*) Н. Ураловъ „На верблюдахъ“.

Шея страшной силы и длины устроена какъ бы спеціально для ярма; она спущена глубоко внизъ на самой серединѣ. То положеніе, которое даетъ шеѣ всякое животное и человѣкъ, усиливаясь тащить тяжесть, заранѣе дано верблюду самою природою: ему не зачѣмъ больше нагибаться. Какъ горбы его просятъ вьюка, такъ шея его проситъ ярма. Но при этомъ устройствѣ вѣчнаго работника голова верблюда сохраняетъ полную свободу. Ярмомъ согнутая шея не препятствуетъ глазамъ смотрѣть прямо и свободно впередъ, ушамъ слушать, длиннымъ поздрямъ обонять. Верблюдъ не поглощенъ весь своей работой, не подавленъ своею ношей; на ходу онъ озирается съ достоинствомъ независимости и съ философскимъ спокойствіемъ.

Но въ чемъ особенно выказывается страшная рабочая сила верблюда, это — въ его ногахъ. Переднія ноги, обросшія космами шерсти, мозолистыя, корявыя — не ноги, а просто толкачи; копыта на нихъ — цѣлыя блюда. Заднія ноги худѣе и выше. Онѣ толкаютъ, какъ рессоры, высоко подобранный задъ, весьма усиливая этимъ размѣръ и быстроту шага.

Все остальное у верблюда соотвѣтствуетъ ногамъ: языкъ и губы, жесткіе какъ мозоли, способны съ наслажденіемъ жевать тѣ колючки и рѣпьи, которыя бы въ кровь изодрали пасть всякаго другого животнаго; такой же терпкій желудокъ. И при этомъ выносливость необыкновенная, шагать — прошагаетъ, не останавливаясь двое сутокъ; голодать — проголодаетъ хоть шестеро; телѣгу подавайте въ двѣ сажени длиной, возъ сѣна на телѣгу — хоть цѣлый стогъ.

Любо смотрѣть, какъ проходятъ они мимо одинъ за однимъ: дружно, серьезно и увѣренно поднимаютъ они свои могучія лапы, безучастно поглядывая на проѣзжихъ, а за ними легко, какъ пустая телѣжка, катится огромный возъ. Въ упряжкѣ верблюдъ идетъ

ровно и можетъ везти отъ 40 до 50 пудовъ. При этомъ оглобли ему привязываются за горбъ.

Но въ пустынѣ, гдѣ глубокіе пески не позволяютъ перевозить товаръ на телѣгахъ, его нагружаютъ верблюду на спину. Каждому верблюду нагружаютъ на спину около 16 пудовъ.

Одногорбый верблюдъ «наръ» выноситъ и двадцать слишкомъ, но такихъ верблюдовъ немного. Товаръ навьючивается на верблюда равномѣрно на обѣ стороны черезъ сѣдло особаго устройства (для всадниковъ дѣлается съ высокой лукой); каждая такая половина вѣситъ немного больше или меньше восьми пудовъ и называется «тай». Вѣсъ товара въ цѣломъ караванѣ опредѣляютъ количествомъ везущихъ его верблюдовъ; говорятъ, напримѣръ: пришелъ товаръ, вѣсомъ «въ сто съ половиною верблюдовъ». Эту половину несутъ молодые и малосильные верблюды, которые больше двухъ «полутайковъ» нести не могутъ. Кромѣ половины, есть еще и $^3/_4$ тая. Вообще же считаютъ «верблюдовъ» за 16 пудовъ товару.

Возчики-киргизы («лаучи») выходятъ партіями въ нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ верблюдовъ. Съ каждой такой партіей идетъ «караванъ-башъ» (начальникъ каравана), приказчикъ купца, отправляющаго товаръ, а иногда еще и переводчикъ; онъ нуженъ главнымъ образомъ въ таможняхъ. Приказчикъ же ходитъ, чтобы слѣдить за товаромъ, такъ какъ на киргиза не всегда можно положиться.

Управляютъ верблюдомъ при помощи особаго прибора, называемаго «мурундукъ».

По второму году у верблюжонка носовой хрящъ обыкновенно прокалывается ножомъ, сквозь него продѣвается деревянный гвоздь.

Къ холоду верблюдъ очень чувствителенъ, а потому зимою его тщательно укрываютъ толстыми кош-

мами. Кошмы эти имѣютъ видъ попонъ съ двумя или однимъ мѣшкомъ изъ той же кошмы посрединѣ попоны, смотря по тому, для одногорбаго или двугорбаго верблюда она предназначается.

Верблюдъ въ степи не живетъ больше 15 — 20 лѣтъ. Въ этихъ годахъ киргизъ считаетъ его уже негоднымъ для вьюка и значительныхъ переходовъ, и потому, давъ ему полную волю гулять всю весну, все лѣто на свободѣ, налить свои горбы къ зимѣ жиромъ, съ наступленіемъ ноябрьскихъ морозовъ рѣжетъ его на «сугумъ» (зимній запасъ мяса). Мясо жирнаго верблюда киргизами цѣнится выше мяса рогатаго скота. Молоко верблюда очень густо и вкусно. Напитокъ изъ верблюжьяго молока, такъ называемый верблюжій кумысъ «чубатъ», очень питателенъ, вкусенъ и считается между киргизами за очень цѣлебный отъ грудныхъ болѣзней. Въ рѣдкихъ случаяхъ изъ верблюжьяго молока приготовляется сыръ; для этого молоко смѣшиваютъ съ медомъ и получаютъ «балъ-каймакъ» (медовыя сливки). Весной верблюдъ начинаетъ линять, и тогда шерсть отстаетъ и спадаетъ съ него большими клочьями, которые киргизы собираютъ, продаютъ, употребляютъ на выдѣлку веревокъ, мѣшковъ, тонкой армячины. Желтое же верблюжье сукно приготовляется на русскихъ фабрикахъ.

Полуосѣдлые киргизы занимаются также хлѣбопашествомъ. Способъ земледѣлія первобытный. Одни и тѣ же поля засѣваются безъ удобренія нѣсколько лѣтъ сряду, потомъ оставляютъ отдыхать на 4—5 лѣтъ. Обработка земли производится также несовершеннымъ способомъ. Соху предоставляетъ кусокъ дерева съ желѣзнымъ наконечникомъ безъ отвала, а вмѣсто бороны служатъ деревянные сучья. При всемъ томъ дѣвственная земля даетъ обыкновенно хорошіе урожаи. Засѣваютъ преимущественно просо, но, кромѣ того,

немного пшеницы и ячменя. Причина такого предпочтенія проса передъ другими хлѣбами та, что продуктъ этотъ предоставляетъ возможность обрабатывать его самымъ первобытнымъ способомъ, не выходя изъ

Рис. 43. Верблюдъ.

жилого помѣщенія. Для этого въ каждой киргизской семьѣ имѣется деревянная ступа. Захотѣлось семьѣ ѣсть, тотчасъ же одна изъ женщинъ беретъ нужное количество проса, промываетъ и варитъ его въ водѣ, затѣмъ кладетъ въ горячій котелъ для просушки. Послѣ просушки просо насыпаютъ въ деревянную

ступу и толкутъ. Въ котлѣ, между тѣмъ, закипаетъ молоко или вода; засыпаютъ въ него толченое просо, и готова киргизская похлебка. Очень часто въ степи бываютъ неурожайные годы. Въ такіе годы киргизы собираютъ растенія «кумурчекъ» и сѣмена его употребляютъ въ пищу, приготовляя изъ нихъ такую же похлебку, какъ изъ проса.

Для верблюдовъ кумурчекъ составляетъ прекрасный кормъ, который они предпочитаютъ всякому другому.

Главное препятствіе для земледѣлія, дающее здѣсь себя знать еще сильнѣе, чѣмъ у сосѣднихъ казаковъ,— это недостатокъ влаги. Въ дождливые годы пашни киргизовъ отличаются ростомъ хлѣбовъ и полнотою ихъ зерна. Клеверъ въ дикомъ состояніи покрываетъ тогда большія площади вперемежку съ люцерной; картофель даетъ большой урожай, а пшеница, овесъ, рожь, просо — массу очень вѣскаго зерна, которое цѣнится на оренбургскомъ рынкѣ дороже тамошняго.

Хивинцы, бухарцы, занимавшіе въ далекія отъ насъ времена нынѣшнюю киргизскую степь, а затѣмъ и сами киргизы давно поняли значеніе орошенія степи, а потому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только занимались хлѣбопашествомъ, изрѣзали ее арыками, ясные слѣды которыхъ сохранились еще и донынѣ.

Киргизъ отъ природы способенъ къ разнаго рода ремесламъ, и только нужно удивляться, какъ онъ съ самыми незатѣйливыми инструментами выдѣлываетъ прекрасные ленчаки для сѣделъ, какъ изъ его, повидимому, неуклюжихъ рукъ выходятъ прекрасныя серебряныя и золотыя вещи; обувь киргизской работы очень прочна и замѣчательно ловко обтягиваетъ ногу. Другихъ ремесленниковъ, кромѣ плотниковъ, кузнецовъ и сапожниковъ, у киргизовъ, впрочемъ, нѣтъ, да и по самымъ жизненнымъ условіямъ киргиза они не

нужны ему. Киргизу нужны деревянныя части кибитки, сѣдло, приборъ къ нему, обувь; все остальное даютъ ему русскія лавки, русскіе мастера и домашняя работа его жены.

Киргизы ремесленники обыкновенно приглашаются въ аулъ; тамъ они работаютъ и живутъ на полномъ иждивеніи хозяина.

XVIII.

Киргизы исповѣдуютъ магометанство, но ихъ далеко нельзя назвать фанатиками, какъ другихъ мусульманъ. На ряду съ ученіемъ Магомета у нихъ осталось много прежнихъ языческихъ обычаевъ и суевѣрій. Главными распространителями магометанства среди киргизовъ являются татары и устраиваемыя ими школы, въ которыхъ учатъ муллы. Собирая по нѣскольку ребятишекъ вмѣстѣ, мулла устраиваетъ кочующую школу, которая и слѣдуетъ за ауломъ. Родители дѣтей, конечно, платятъ такому муллѣ и содержатъ его. Дѣти учатся долго и безо всякаго пониманія задалбливаютъ вслухъ то, что велитъ имъ мулла. Обученіе обыкновенно оканчивается, когда обучающійся научится читать — онъ тогда уже самъ зовется муллою. Конечно, отъ такихъ «школъ» мало толку; а русскихъ школъ пока совсѣмъ еще мало.

Большую часть жизни киргизъ проводитъ въ кибиткѣ, которая устраивается почти такъ, какъ и калмыцкая. Ее всегда перевозятъ и во время кочевки. Кибитку устраиваютъ изъ войлока, который натягивается на деревянный остовъ.

Кусокъ войлока, спущенный сверху внизъ, закрываетъ входъ въ юрту, куда свѣтъ проникаетъ только черезъ эту дверь и черезъ отверстіе въ крышѣ, такъ какъ окна въ кибиткѣ не дѣлаются. Около стѣнъ та-

кого непріютливаго жилища располагается все имущество киргиза. Въ аулѣ эти кибитки располагаются какъ попало; издали ихъ можно принять за стога сѣна; около нихъ ржутъ кони, лаютъ собаки, кричатъ верблюды, играютъ голые или полуголые ребятишки.

Рис. 44. Киргизскій аулъ.

На зиму киргизы устраиваютъ обыкновенно землянки. Изъ глины вылѣпливаются стѣны четырехугольной формы съ окнами и дверьми; наверхъ накладываютъ липовыя жерди или камышъ, на который наваливаютъ слой навоза съ землей. Все это смазывается глиной, и землянка готова. Посрединѣ ея въ видѣ перегородки устраивается печь (рис. 46). Обыкновенно къ такой землянкѣ съ разныхъ сторонъ придѣлываютъ

еще сѣни для скота, такъ что прежде чѣмъ добраться до жилища хозяевъ, иной разъ пробродишь долго среди всѣхъ этихъ пристроекъ. Зимой стекла оконъ сплошь покрываются льдомъ, а подъ окнами

Рис. 45. Киргизская землянка.

всегда сырость и плѣсень. У одной изъ стѣнъ 1—2 сундука, въ которыхъ все богатство киргиза. Одежда и сбруя развѣшаны по стѣнамъ.

Ступа для толченья проса, закоптѣлый, зеленый отъ плѣсени самоваръ, 2—3 деревянныхъ чашки, проржавѣвшій подносъ съ рядомъ чайныхъ чашекъ на немъ дополняютъ убранство землянки.

Киргизъ болѣе состоятельный строитъ для себя землянку значительно большихъ размѣровъ, раздѣляетъ ее на нѣсколько комнатъ, кухню относитъ въ

одинъ изъ концовъ ея, обмазываетъ все помѣщеніе какъ внутри, такъ и снаружи бѣлой глиной, отдѣляетъ, наконецъ, и самыя помѣщенія для животныхъ; но такія землянки — рѣдкость. Хозяинъ такой землянки не валяется уже на полу, а устраиваетъ для себя и семьи своей деревянныя кровати, бока и спинки которыхъ причудливо вырѣзаны мѣстными мастерами. Въ такомъ жилищѣ можно встрѣтить уже и зеркало, и столъ, и стулъ. Самоваръ не такъ грязенъ, лампа не такъ коптитъ. Передъ гостемъ во время ѣды разстилается довольно чистая скатерть. Въ самое послѣднее время нѣкоторые зажиточные киргизы начинаютъ строить и деревянныя избы.

Но въ общемъ зимнее время—самая скучная и тяжелая пора для киргиза. Чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ жить въ землянкѣ становится тяжелѣе. Въ сѣняхъ ея грязь, лужи отъ скота, внутри жилого помѣщенія тоже сырость и духота. Киргизъ съ нетерпѣніемъ ждетъ того момента, когда можно будетъ двинуться на мѣсто лѣтней кочевки.

Тамъ наступаетъ самое лучшее время жизни киргиза. Лошади и другой скотъ послѣ зимней голодовки быстро отъѣдаются на свѣжей травѣ и входятъ въ тѣло. Трудно повѣрить, что эти жирныя красавицы съ лоснящеюся шерстью, съ длинными гривами и гордою поступью, тѣ же самыя лошади, которыя еле дотащились сюда съ зимнихъ кочевокъ. Теперь наступаетъ время кумыса, время лѣтнихъ визитовъ. Лѣтомъ ѣздятъ другъ къ другу въ гости, устраиваютъ игры, увеселенія. Гостепріимство очень развито у киргизовъ. Хозяинъ, завидѣвъ знакомаго всадника, выѣзжаетъ къ нему навстрѣчу и послѣ обычнаго селяма (привѣтствія) провожаетъ до юрты. Къ подъѣзжающему выбѣгаютъ джигиты или сыновья и помогаютъ слѣзть съ лошади. Гостя сажаютъ на почетное мѣсто. Жена раз-

Рис. 46. Перекочевка.

спрашиваетъ его о здоровьѣ какъ личномъ, такъ и всей семьи, послѣ чего идетъ хлопотать объ угощеніи, тогда какъ хозяинъ переходитъ къ новостямъ дня, которыхъ жаждетъ услышать отъ пріѣзжаго или не прочь сообщить самъ. До сплетенъ и новостей киргизы большіе охотники, всякая новость, какъ по телеграфу, облетаетъ всю степь и, конечно, нерѣдко искажается до неузнаваемости.

Лѣтомъ также устраиваются различныя увеселенія: борьба, джигитовка; но такими увеселеніями обыкновенно сопровождаются только свадьбы и поминки.

Послѣ смерти киргиза, особенно зажиточнаго, устраиваются обыкновенно грандіозныя скачки. Чѣмъ богаче былъ покойный, тѣмъ больше оставляетъ онъ денегъ и особенно скота спеціально на призы скачекъ въ его поминки. Иногда первый призъ доходитъ до 100 барановъ. Но особенно много церемоній и шума во время свадьбы. Еще сватовство сопровождается многими подарками, пиршествомъ и играми. Во время же свадьбы обѣ собирающіяся породниться семьи устраиваютъ аулы рядомъ, и нѣсколько дней пиръ стоитъ горой до самой поздней ночи.

«Но вотъ аулы начинаютъ успокоиваться. Стада барановъ и верблюдовъ собраны около кибитокъ. Косматый щенокъ, усѣвшись на заднія лапы, смотритъ на луну и безъ толку лаетъ, псы сосѣднихъ ауловъ ему отвѣчаютъ. Гдѣ-то вдали, должно-быть, въ конскомъ табунѣ слышна заунывная пѣсня пастуха. Луна, то прячась за мимолетное облачко, то снова выплывая изъ-за него, катится шаромъ по темнолазуревому небу. Аулы спятъ, уснула и степь».

Карта Астраханской губерніи и Уральской области.

Источники.

1) Реклю. „Европейская Россія и Азіатская Россія“.

2) „Полное географическое описаніе нашего отечества“ подъ редакціей Семенова, т. VI и т. XVIII.

3) А. Красновъ. „Гео - ботаническія изслѣдованія въ Калмыцкихъ степяхъ“.

4) Мушкетовъ. „Геолог. изслѣд. въ Калмыцкихъ степяхъ. Общая геолог. карта Россіи“. Листы 95 и 96.

5) Шперкъ. Очерки Астраханскаго края. „Зап. Р. Геогр. Общ.“, т. XXVII.

6) Немировичъ-Данченко. „По Волгѣ“.

7) Марковъ. „Домой по Волгѣ“.

8) Шевченко-Красногорскій. „По Волгѣ и Каспію“.

9) Бобылевъ. „Въ устьяхъ и въ морѣ“.

10) И. Бородинъ. „Уральское казачье войско“.

11) В. Короленко. У казаковъ. „Русское Богатство“ 1901 г.

12) А. Пушкинъ. „Исторія Пугачевскаго бунта“.

13) І. Желѣзновъ. „Сочиненія“.

14) І. Желѣзновъ. „Картины ахаинаго рыболовства“.

15) А. Житецкій. „Очерки быта астраханскихъ калмыковъ“.

16) В. Воробьевъ. Астраханскіе калмыки. „Антр. Ж.“ 1903 г. № 1.

17) Рисъ-Дэвидсъ. „Буддизмъ“.

18) Харузинъ. „О киргизахъ Букеевской орды“.

19) Леваневскій. Очерки киргизской степи Эмбенскаго уѣзда. „Землевѣдѣніе“. 1895 г.

20) И. Ураловъ. „На верблюдахъ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Аралъ-Каспійская низменность, на которой лежитъ Астраханская губ. и Уральская область—прежнее морское дно . . 3

Глава II. Поверхность края и почва (Ергени, Общій-Сыртъ, Мугоджары, Усть-Уртъ),— внутренняя степь, солончаки и барханы. . 8

Глава III. Климатъ. Рѣки. — Волга, Уралъ и другія 17

Глава IV. Озера и добываніе соли 27

Глава V. Природа степи.—Растительность.—Животный міръ . . 33

Глава VI. Русское населеніе Астраханской губ. Историческій очеркъ заселенія Астраханской губ. 44

Глава VII. Промыслы жителей Астраханской губ. Хлѣбопашество.—Рыболовство.—Охота 49

Глава VIII. Города Астраханской губ. Астрахань.—Владимировка.—Черный Яръ.—Царевъ 64

Глава IX. Уральскіе казаки. Происхожденіе Уральскаго казачьяго войска. Подчиненіе казаковъ русскому правительству. (Казацкіе бунты. Пугачевскій бунтъ). 71

Глава X. Казацкое войско въ настоящее время.—Войсковой строй.—„Наемка“.—Религіозная жизнь 81

Глава XI. Промыслы населенія.— Рыболовство.— Плавня.—Багренье.—Аханное 87

Глава XII. Хлѣбопашество.— Бахчеводство.— Сѣнокосъ.— Скотоводство.—Торговля 96

Глава XIII. Города.—Уральскъ.—Илецкій городокъ.—Гурьевъ—Казацкая станица. 105

Глава XIV. Инородцы.—Татары.—Калмыки.—Ихъ типъ.—Одежда—Кибитка.— Промыслы калмыковъ.—Скотоводство. 113

Глава XV. Религія калмыковъ.—Буддизмъ.—Ламы.—Хурулы.—Богослуженіе.— Обряды. 133

Глава XVI. Поселеніе русскихъ среди калмыковъ.—Улусы.—Школы. Кочевка калмыковъ.—Движеніе русскихъ въ Ергени 145

Глава XVII. Киргизы.—Киргизы Букеевской орды.—Кочевые и полукочевые киргизы.—Типъ киргиза.— Бытъ.—Скотоводство.—Верблюдъ.—Земледѣліе.—Ремесла 153

Глава XVIII. Религія киргизовъ.—Кибитки и землянки ихъ.—Общественная жизнь. 167

Цѣна 50 коп.

ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Д. Сытина.